

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 43 ОКТЯБРЬ 1981

Митинг, посвященный 40-летию боев на Ильинских рубежах.

Возложение венков

У Вечного огня.

Участники боев на Ильинских рубежах: Г. А. Бобаков, С. Ф. Жарков, Е. А. Никольский, В. И. Зацепин, Л. Г. Новиков.

ИЛЬИНСКИЕ РУБЕЖИ

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Вечная слава героям, павшим в борьбе за победу Октября, честь, свободу и независимость нашей Родины!

Из Призывов ЦК КПСС к 64-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Курсантов подняли по тревоге. Пятого октября по расписанию не планировалось ничего, кроме обычных занятий. Но шел сорок первый год, немецкие войска рвались к Москве, и сигнал «сбор» прозвучал хоть и неожиданным, но вместе с тем ежеминутно ожидаемым приказом выступить на фронт. Двум подольским училищам — пехотному и артиллерийскому — предписывалось немедленно выйти навстречу врагу, устремившемуся по Варшавскому шоссе прямо к столице.

Задача: сдержать врага на подступах к Малоярославцу, закрыть дорогу на шесть-семь суток и дать возможность развернуть части, прибывающие под Москву из тыла.

Генерал В. А. Смирнов, принявший общее командование курсантским отрядом, привел на Варшавское шоссе четыре батальона. Один из них выдвинулся в район Детчина, чтобы перекрыть путь на Калугу, остальные заняли оборону на Ильинских рубежах Малоярославского укрепленного района.

Шестого октября передовой отряд из 120 курсантов под командованием старшего лейтенанта Л. Мамчица вместе с десанниками капитана И. Старчака, подразделениями 17-й танковой бригады, батальоном 108-го запасного стрелкового полка и батареями 222-го зенитного артполка остановил под Юхновом продвижение 57-го немецкого механизированного корпуса.

Шесть суток неравной схватки... Опытные, вышколенные, уверенные в своем превосходстве гитлеровцы столкнулись с героической самоотверженностью юношей, не успевших до конца постичь азы военного искусства, но умеющих самое главное — бить врага!

Курсанты заняли оборону — девять километров по фронту: от деревни Лукьяново до Большой Шубинки. Свернуть с шоссе немецкой технике мешали леса. А шоссе встречало огнем пушек и пулеметов, в танки летели гранаты, бутылки с зажигательной жидкостью. Шоссе не пропускало врага!

Немцы бросили на обороняющихся авиацию. Курсанты держались. Артналеты, танковые атаки, снова самолеты... Курсанты держались. Гибли орудийные расчеты, умолкали доты. Но как только враг переходил в атаку, оживали

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (2832)

24 ОКТЯБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

доты, начинали стрелять пушки. Больше того, курсанты ходили в контратаки, они доставали фашистов штыком и прикладом.

17 октября гитлеровцам удалось обойти Ильинское с двух сторон. Курсанты получили приказ отойти к Малоярославцу и Боровску.

Подольские курсанты выполнили приказ Ставки: они задержали врага на Ильинских рубежах не на семь, а почти на двенадцать суток. Задержали в 141 километре от Москвы.

После войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков написал в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Отряд И. Г. Старчака... занял оборону по реке Угре. Вскоре он был поддержан отрядом курсантов подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчица и капитана Я. С. Россокова. Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались героическими действиями этих отрядов.

В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и тем помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве».

...Теперь здесь музей «Ильинские рубежи». Рядом — курган с памятником на вершине. «Слава вам, шагнувшим в бессмертие. Подвигу курсантов подольских пехотного и артиллерийского военных училищ посвящается», — написано на памятнике. Под курганом дот, из его амбразуры глядит на шоссе пушка. Память... Ею дорожат. Ее берегут.

Первыми взялись возрождать историю подвига на Ильинских рубежах ребята из здешней школы и их учителя М. М. Карпов и А. М. Кузьмичева. Искали адреса, писали письма. Одним из первых отозвался генерал Иван Семенович Стрельбицкий, потом директор школы из Обнинска Петр Иванович Ларин, Николай Иванович Гусев из Калуги, Дмитрий Васильевич Панков — председатель Совета ветеранов подольских курсантов... Геминдар Асанов в Ильинское приехал из Узбекистана. Ходил со школьниками по знакомым местам, показывал и рассказывал, где, что и как было.

В конце шестидесятых годов в школе открылся музей. На стендах — военные реликвии, фотографии, письма. Экскурсоводами стали сами ребята. Одним из первых и самых пытливых был Саша Белкин. Мог ли он, окончив школу, выбрать иную долю, кроме военной?! Саша поступил в военное училище. Сейчас он и его брат Володя — слушатели военных академий. А вот судьбы других ребят, закладывавших школьный музей: Сергей Мельников и Сергей Мирсаитов окончили зенитное ракетное училище, Володя Климов — морской офицер...

Сейчас в школе есть пионерская дружина имени Подольских курсантов. Причем в пионеры и комсомольцы принимают на Ильинских рубежах.

Каждую осень, в первых числах октября, участники боев съезжаются в Ильинское. В нынешнем году собрались пятого, как раз в тот день, когда сорок лет назад были подняты по тревоге.

Молодежь Малоярославского района задолго до этого дня начала готовиться к встрече. В школах проходили пионерские сборы, в колхозах и совхозах проводились субботники, прихорашивались деревни, организовывались спортивные состязания... Комсомольцы решили начать задуманную Калужским обкомом ВЛКСМ эстафету патриотических дел в ознаменование сорокалетия освобождения области от гитлеровских захватчиков.

И вот пятое октября. Пламя флагов, белые передники школьниц, золотые листья кленов в руках у октябрят, почетный караул у памятника — мальчишки и девчонки с настоящими автоматами, седовласые курсанты.

Ветераны с первого взгляда узнавали друг друга. Степан Федорович Жарков теперь преподаватель Чувашского университета, Василий Иванович Зацепин — военнослужащий из Москвы, Николай Иванович Гусев — калужский лесовод, Павел Николаевич Штыренко живет в Подольске...

Мало их осталось в живых, подольских курсантов. Но они по-прежнему в строю, каждый на своем месте, каждый на своем посту.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Я. АРАФАТА

20 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Председателя Исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Я. Арафата и имел с ним беседу.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, а также член Исполкома ООП, руководитель политического департамента ООП Фарук Каддуми и член Исполкома ООП А. М. Абу-Мейзар.

В сердечной, дружеской атмосфере состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, прежде всего касающихся положения на Ближнем Востоке.

Л. И. Брежнев пожелал палестинскому народу дальнейших успехов в борьбе за справедливый мир на Ближнем Востоке, за достижение национальной независимости и создание собственного государства. Он информировал Я. Арафата о предоставлении представительству ООП в Москве официального дипломатического статуса.

От имени палестинского руководства и всего народа Я. Арафат выразил признательность за бескорыстную помощь и поддержку, которую ЦК КПСС и Советское правительство оказывают арабскому народу Палестины.

На беседе присутствовали заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенц и референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПОВЫШАТЬ ИДЕЙНУЮ ЗАКАЛКУ

Вопросы дальнейшего улучшения преподавания общественных наук, марксистско-ленинского образования и коммунистического воспитания студенческой молодежи, задачи ученых-обществоведов в свете решений XXVI съезда КПСС обсуждены на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов.

Совещание открыл секретарь ЦК КПСС М. В. Зиминин.

С речью выступил тепло встреченный со-

бравшимися член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Участники совещания единодушно приняли письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

16 октября совещание завершило свою работу.

На снимке: в Большом Кремлевском дворце. Выступает член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Фото А. Гостева

СУДЬБА РАЗРЯДКИ В ЕВРОПЕ

Владимир КАТИН

На Западе бытуют суждения о том, что процесс разрядки напряженности между Востоком и Западом вроде бы прекратился, так сказать, изжил себя...

На наш взгляд, такие суждения ошибочны, хотя в целом процесс разрядки действительно затормозился, кое-где даже застыл, дает перебои. Но это происходит отнюдь не потому, что разрядка, то есть многоплановое сотрудничество между Востоком и Западом, перестала давать позитивные результаты. Нет, дело все в том, что есть силы, которые стремятся расшатать здание этого сотрудничества, даже разрушить его. Адрес их известен — Соединенные Штаты. Многие государства мира и их лидеры подвергаются в последнее время особенно бесцеремонному нажиму со стороны американских руководителей, добивающихся привнесения искусственной напряженности в их отношения с СССР. С какой же целью это делается?

Внешнеполитический курс администрации Рейгана отмечен печатью имперских амбиций. В Вашингтоне считают, что США «ответственны за все, что происходит в мире». Отсюда и производные этого курса: с Западной Европой обращаются как сюзерен с вассалом, навязывая в приказном тоне и ракеты и повышенные банковские учетные ставки. В Африке, Азии, Латинской Америке, Вашингтон организует военные провокации. При таком жестком курсе в международных делах — когда ставка делается на силу, на ядерные ракеты, на заговоры — разрядка, безусловно, не только не подходит для Вашингтона, но мешает ему. Поэтому США намеренно ухудшают международную обстановку, пытаются создать или обострить сложные ситуации на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, в районе Индийского океана, в Карибском бассейне и других районах. Например, США открыто вмешиваются во внутренние дела Афганистана и Египта. В Европе предпринимаются попытки расширить блок НАТО за счет Испании. Все это, вместе взятое, и привело к торможению процесса разрядки, ухудшению международного политического климата, возрастанию военной опасности.

И тем не менее разрядка жива. Что же позволяет нам делать такой вывод?

При всех трудностях, при всех сложных испытаниях на прочность разрядка по-прежнему остается главным генератором отношений между Востоком и Западом, что сказывается и на отношениях вообще всех государств мира. Прежде всего — это продолжение диалога между Востоком и Западом (налицо политический компонент разрядки). Так, регулярно ведется переписка на высшем уровне, в которой обсуждаются актуальные международные проблемы. Только за последнее время Москву посетили министры иностранных дел Бельгии, Англии, ФРГ, а также председатель СДПГ В. Брандт. Имеется договоренность о визите Л. И. Брежнев в конце этого года в Бонн. В Нью-Йорке состоялись встречи между министром иностранных дел СССР и госсекретарем США. 30 ноября в Женеве возобновятся советско-американские переговоры по ограничению вооружений. В этом же контексте следует непосредственно рассматривать и ту серию встреч, контактов и деловых бесед, которые проводил в Нью-Йорке А. А. Громыко с министрами иностранных дел различных государств мира.

Все эти факты говорят о том, что политическое сотрудничество не прервано, а продолжается, приобретая порой новые формы и направления. Советскую концепцию на эту область сотрудничества следующим образом изложил недавно в ООН А. А. Громыко: «В борьбе за обуздание гонки вооружений, за устранение военной угрозы, за урегулирование нерешенных проблем наша страна готова идти рука об руку со всеми государствами. Мы тут не испытываем политической аллергии ни к какому партнеру, независимо от различий в общественном строе или идеологии».

Действенность разрядки подтверждает возрастающее, но отнюдь не сокращающееся, как этого хотели бы США, торгово-экономическое, научное и культурное сотрудничество между восточной и западной частями Европы. Так, объем советско-французской торговли увеличился за последнее пятилетие в три раза; более 300 тем и направлений охватывает советско-французское взаимодействие в сфере науки, техники, культуры. Размещение советских заказов на предприятиях стран Западной Европы позволяет надежно обеспечить работой десятки тысяч человек в год. Почти удвоился за пятилетие объем торговли с ФРГ, которая как торговый партнер СССР занимает первое место среди капиталистических стран. Аналогичное положение и в отношениях с другими западноевропейскими государствами, стремящимися к сотрудничеству с СССР. По мнению недавно побывавшего в СССР министра экономики ФРГ О. Ламсдорфа, политика разрядки, вне сомнения, имеет будущее. При этом он подчеркнул, что продолжение гонки вооружений и разрядка плохо согласуются друг с другом.

Все это, вместе взятое, дает основание для того, чтобы, несмотря на создавшиеся в мире трудности, ставить вопрос об углублении разрядки. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, реалистична. Поэтому хотелось бы надеяться, что при возобновлении мадридской встречи будет в конце концов достигнута договоренность о созыве конференции по военной разрядке и разоружению в Европе, об обеспечении процесса, начатого в 1975 году в Хельсинки. Ведь, как показала практика, в разрядке в одинаковой степени заинтересованы и Восток и Запад, которые все эти годы пользовались и пользуются преимуществами этого политического курса.

Первый
секретарь
ЦК ПОРП
В. Ярузельский

Войцех Ярузельский родился 6 июля 1923 г. в Курове Люблинского воеводства. Окончил Академию генерального штаба им. К. Сверчевского.

В июле 1943 г. вступил в Войско Польское, формировавшееся на территории Советского Союза. Прошел боевой путь 1-й армии Войска Польского. Участвовал в освобождении Варшавы, в боях на Одере и Эльбе.

В годы народной власти занимал ответственные командные, штабные и партийно-политические посты. С 1960 г. — начальник Главного политического управления, с 1962 г. — заместитель министра национальной обороны, с 1968 г. — министр национальной обороны ПНР. Имеет воинское звание генерала армии.

С 1948 г. — член Польской объединенной рабочей партии, с 1964 г. — член ЦК ПОРП.

С 1970 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, с 1971 г. — член Политбюро ЦК ПОРП.

В феврале 1981 г. В. Ярузельский назначен Председателем Совета Министров ПНР с сохранением за ним поста министра национальной обороны.

На IX чрезвычайном съезде ПОРП (июль 1981 г.) вновь избран членом Политбюро ЦК ПОРП. Депутат сейма ПНР.

Награжден многими польскими орденами, в том числе орденом Строителей народной Польши. Награждался советскими орденами.

На 4-м пленуме ЦК ПОРП Войцех Ярузельский избран Первым секретарем Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии.

Утка пентагонская (помесь с ястребом).

Утка натовская (помесь с сорокой).

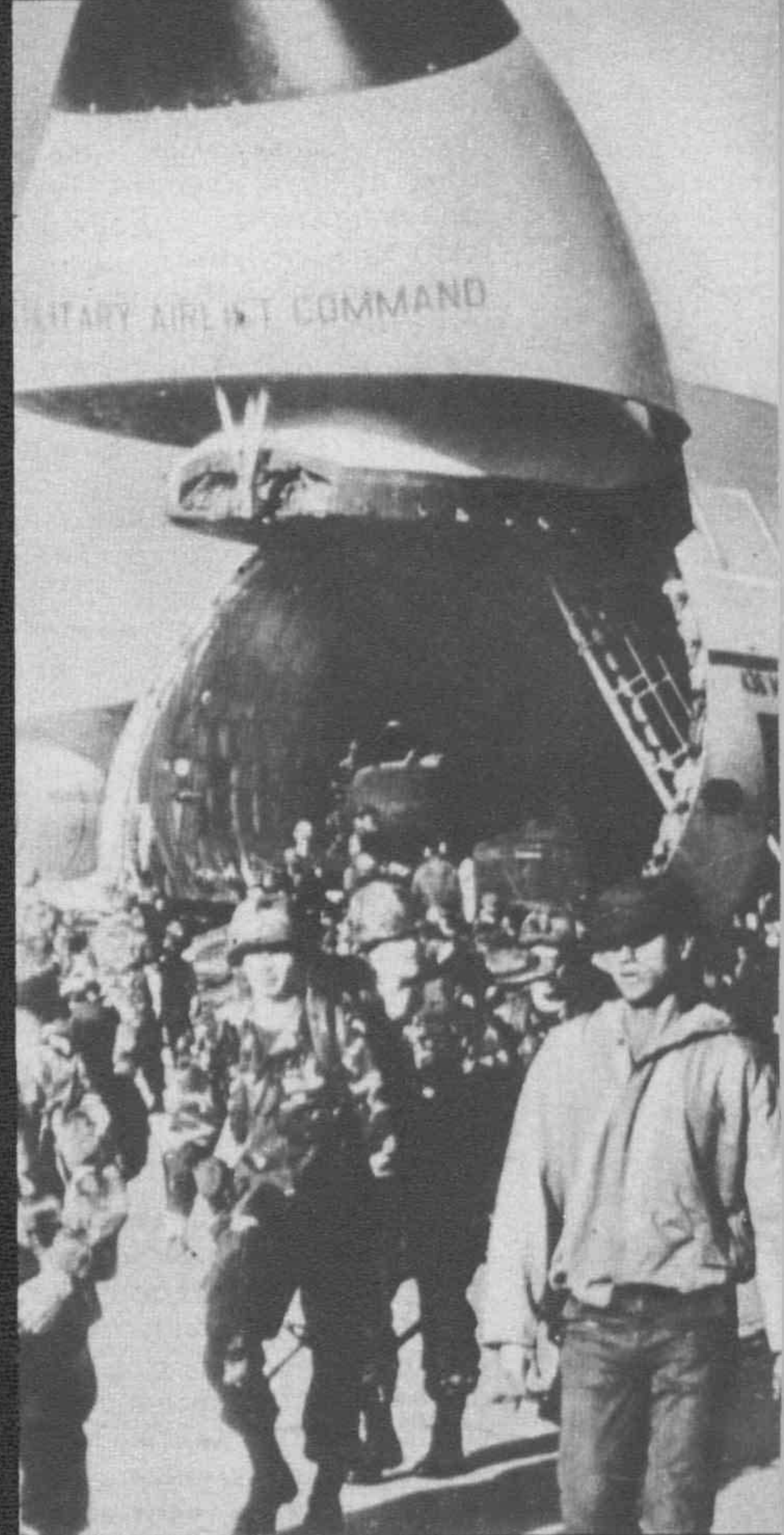
ПОРОДЫ АНТИСОВЕТСКОЙ ДИЧИ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Утка пекинская (помесь с попугаем).

Утка радиодиверсионная (двухголовая).

Так пентагоновский «живописец» изобразил «советское вторжение» (рисунок вверху).

На фото — свидетельства вмешательства американской военной машины в дела других государств: печальный финал американской авантюры в Иране (слева) и высадка «сил быстрого развертывания» в Египте в 1980 году (справа).

«ПОСЛЕДНИЙ ВОПЛЬ РЕЙГАНОВСКОЙ МОДЫ»

«ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ» ПО-ВАШИНГТОНСКИ, ИЛИ КАК В США ФАБРИКУЮТСЯ ВЫМЫСЛЫ О «СОВЕТСКОЙ УГРОЗЕ»

Юрий КОРНИЛОВ

Взгляни на этот рисунок, читатель: вот картинка «советского вторжения», призванная не только повергнуть в ужас западного обывателя, но и заставить его смириться с безудержным ростом военных расходов. Малюя сей милитаристский сюжет, автор, как видите, дал полную волю своей фантазии, уместив на одном листе бумаги и грохочущие танки, и готовые к запуску ракеты, и бронетранспортеры, и вертолеты, и бомбардировщики — не хватает разве лишь высывающегося из реки перископа атомной подводной лодки с буквами «СССР». Где же опубликовано это, мягко говоря,

малохудожественное произведение — в каком-нибудь падком до гнилых антисоветских «сенсаций» бульварном журнальчике или в расхожем вестерне, что в изобилии пекется в США и всучиваются покупателям по полдоллара за штуку? Нет. Рисунок, о котором идет речь, позаимствован нами из официального, подчеркиваем — официального, документа Пентагона, озаглавленного «Советская военная мощь», недавно изданного в виде брошюры в Вашингтоне. Если кратко изложить содержание этого сочинения, предисловие к которому написал не кто иной, как сам К. Уайнбергер, министр обороны США, то его можно свести к истерическому воплю: «Ка-раул, советская угроза!»

Сами по себе вымыслы о «советской угрозе» — дело не новое. Об этой «угрозе» разглагольствовал еще британский премьер Чемберлен, заключая в Мюнхене сделку с Гитлером в расчете об-

ратить его агрессивные устремления против Советского Союза. Криками о той же «угрозе» прикрывались нацисты, совершая разбойничье нападение на СССР. На нее ссылались те, кто создавал военный блок НАТО, и те, кто в свое время провозглашал на Западе направленную против СССР политику «на грани войны». Но никогда еще муссирование злонамеренных вымыслов о «советской угрозе» не приобретало таких масштабов, как ныне, когда в кампанию по раздуванию этого мифа активно включились высшие эшелоны власти в США. И никогда еще ложь об этой несуществующей «угрозе» не эксплуатировалась столь грубо, нагло и беззастенчиво, как это делается сегодня в Вашингтоне.

Хорошо известно, что ныне в мире сложилось примерное равновесие, паритет сил между Варшавским Договором и НАТО. Наличие такого паритета не раз кон-

статировали сами же западные лидеры, в том числе президенты США — от Никсона до Картера. «Если рассматривать все виды вооружений в целом, то между НАТО и Варшавским Договором существует примерный паритет сил» — эти слова принадлежат не кому иному, как генеральному секретарю НАТО Й. Лунсу. Как «примерно эквивалентный» охарактеризовал в январе нынешнего года общий стратегический баланс сил СССР и США Г. Браун, бывший министр обороны Соединенных Штатов. Таковы факты. Но что до фактов тем кругам в Вашингтоне, которые хотели бы рассматривать весь мир как «сферу американских жизненных интересов»? Им выгодна не правда, а ложь — и вот появляется на свет «документ Пентагона», основная цель которого — вдолбить в голову американца «тезис» о том, будто СССР «в беспрецедентных масштабах наращивает военную мощь».

и, «обогнав США и НАТО, угрожает Западу»...

Аргументы, доказательства? Таковых у Вашингтона нет да и быть не может. Вместо них пускаются в оборот заведомые фальсификации, ложь и клевета. Тут и сфабрикованные в недрах американских спецслужб «данные» о советском военном бюджете, и взятые с потолка «сведения» о советской военной индустрии, и такой недобросовестный прием, как выхватывание из общего баланса Советских Вооруженных Сил отдельных элементов и преднамеренно искаженное их сопоставление с вооруженными силами США. Но даже и подобных, с позволения сказать, «резонов» у изобретателей мифа явно недостает, чтобы выдать белое за черное, застрашать людей, скрыть от них реальный источник опасности. Да и может ли быть иначе? Ведь сам факт, что СССР располагает мощными вооруженными силами, не составляет секрета. Но стержневой принцип, который определял и определял советскую военно-политическую стратегию,— все для обороны, ничего сверх этого. Наша страна, убежденная в том, что сложившееся военно-стратегическое равновесие объективно служит сохранению мира, не добивалась и не добивается военного превосходства, хотя вполне очевидно, что она и не допустит, чтобы такое превосходство было создано другой стороной. Как же внушить читателю «документа Пентагона», что Москва-де «вот-вот» ринется на якобы слабо вооруженный и беспечный Запад?

Вот тут-то и призывается на помощь бригада пентагоновских «живописцев». На гонорары им г-н Уайнбергер, судя по всему, не скупится, и они из кожи вон лезут, стараясь переплести друг друга! Один малюет «советское вторжение», другой упражняется над неким таинственным «лучом смерти», сбивающим американские самолеты, третий живописует гигантскую ракетную установку, «выпускающую смертоносный снаряд из дебрей сибирской тайги», а четвертый, сам содрогаясь от ужаса, изображает в красках ядерную боеголовку, которая, перелетев через Северный полюс, обрушивается на Нью-Йорк. И так далее в том же духе... И вот эта-то провокационная ахинея включается в отпечатанный в красках на меловой бумаге официальный документ Пентагона, рассылается в срочном порядке в столицы государств—членов НАТО и усердно рекламируется американской да и всей натовской пропагандой, как «самое широкое документальное (да, да, документальное.— Ю. К.) раскрытие секретных данных о военной мощи Москвы». Вот, оказывается, как выглядит «документальность» по-вашингтонски...

Стало своего рода правилом, что попытки, намеренно извращая принципиальную, последовательную, глубоко миролюбивую внешнюю политику СССР, пустить в оборот выдумки о мифической «советской угрозе» предпринимались обычно именно тогда, когда надо протащить новый военный бюджет или попытаться оправдать военную активность НАТО. Так было раньше—так происходит и теперь: не успел пресловутый «документ Пентагона» появиться на свет, как президент Р. Рейган огласил новую «всеобъемлющую программу военных стратегических

приготовлений США, рассчитанную не на год, не на пять лет, а до конца XX века. Не больше и не меньше! Эта программа (которая, по подсчетам агентства ЮПИ, только в ближайшие пять лет обойдется американскому народу в огромную сумму — 180 миллиардов долларов) предусматривает форсирование военных приготовлений США в рамках всей «триады» — ракеты наземного базирования, ракеты морского базирования, стратегические бомбардировщики. И хотя, объявляя ее, хозяин Белого дома утверждал, что имеется в виду лишь «показать» нашу решимость сохранить стратегическое равновесие сил», новый, далеко идущий план милитаристских приготовлений, по мнению всех объективных наблюдателей, направлен на подрыв этого равновесия, преследует иллюзорную цель достижения военного превосходства над Советским Союзом.

Да, любой ценой, любыми средствами переломить в свою пользу ход событий в мире, опереться на «большую дубинку», получить возможность разговаривать с другими государствами «с позиции силы» — вот на что нацелен нынешний агрессивный, гегемонистский внешнеполитический курс Вашингтона! Именно поэтому империалистические круги США продолжают безудержно взвинчивать разорительную и чрезвычайно опасную гонку вооружений, именно поэтому они дают «зеленый свет» разработке и производству новых, все более опасных и бесчеловечных видов оружия массового уничтожения, таких, например, как нейтронное. А что сказать о планах США и НАТО, связанных с размещением на европейской земле почти 600 новых американских ракет, нацеленных на СССР и рассчитанных на превращение Западной Европы в «плацдарм первого удара», в ядерного заложника Пентагона? Что сказать о развязанной Соединенными Штатами необъявленной войне против революционного Афганистана, об их грубом, бесцеремонном вмешательстве в дела суверенного Египта, об их агрессивных приготовлениях в зоне Персидского залива, о безудержном наращивании американского военного присутствия в Индийском океане? Вот ведь как обстоит дело: в то время как в Вашингтоне лихорадочно малюют устрашающие картинки на тему о мифической «советской угрозе», угроза независимым странам и народам, причем не выдуманная, а вполне реальная, усиливается, нарастает! Взгляните на фотоснимки, которые мы публикуем. Это действительно документальные свидетельства нагнетания напряженности, бряцания оружием, угрозы миру. И число таких свидетельств без труда можно умножить...

«Изданная Пентагоном брошюра «Советская военная мощь» — последний вопль рейгановской моды», — свидетельствует газета «Чикаго трибюн». Что ж, мода на клевету на СССР в качестве прикрытия собственных агрессивных планов и акций для Вашингтона не в новинку. Но, видно, неважно обстоят дела у законодателей этой моды, коль скоро они не находят ничего лучшего, как пытаться подтвердить собственные выдумки не фактами и даже не подобием фактов, а низкопробной мазней купленных с потрохами пентагоновских «живописцев»...

ЖУРНАЛИСТ

стникам IX конгресса МОЖ. Приветствие огласил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

Международная организация журналистов — неправительственная организация, которая представлена на всех континентах нашей планеты и развивает свою профессиональную и социальную деятельность во всех важных областях — таких, например, как издательское дело и международные школы для молодых журналистов из развивающихся стран. Организация возникла, и это можно сказать без преувеличения, в огне второй мировой войны. Ее создание было вызвано необходимостью сплочения всех сил демократической и прогрессивной журналистики в борьбе против фашизма. 35 лет существования МОЖ подтвердили правильность пути, выбранного ее участниками, пути борьбы за подлинную демократизацию журналистики, солидарности с журналистами, подвергающимися преследованиям со стороны фашистских, расистских и сионистских кругов.

IX конгресс в Москве стал еще одной важной вехой в деятельно-

Самым большим и представительным из всех когда-либо проходивших форумов мировой журналистики назван IX конгресс МОЖ — Международной организации журналистов — в Москве президент этой организации К. Норденстренг.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева уча-

И ПРОСВЕТИТЬ ДОБРОМ СЕРДЦА ЛЮДСКИЕ...

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
И. А. КОЧЕРГИ

ТЫ — ЗА МИР!

сти МОЖ. Участвовавшие в нем посланцы более чем 110 стран всех континентов с особым вниманием отнеслись к вопросу о положении журналистов-демократов в тех странах, где выражение честного и объективного мнения о событиях в мире встречает упорное противодействие со стороны империалистической реакции.

Делегаты форума подробно рассмотрели те причины и механизмы, которые мешают сегодня распространению правдивой и объективной информации, особенно в развивающихся странах. Одной из основных таких причин была названа монополизация современных средств массовой информации. Генеральный секретарь Международной организации журналистов И. Кубка отметил, что «по мере возникновения крупных информационных систем, создания спутников связи и других современных технических средств гегемония США и ряда других капиталистических стран в области информации все более усиливается. Являясь наиболее дорогостоящими, эти средства, системы постепенно переходят в руки са-

мых богатых — военно-промышленных монополий».

IX конгресс МОЖ собрался в напряженный, трудный для всего человечества момент, когда империализм развернул мощное наступление против безопасности и международного сотрудничества. «Против опасности ядерной войны, гонки вооружений важно открыто и действенно бороться, разоблачать поджигателей войны, политику гонки вооружений, активно поднимать общественность против милитаристского курса империализма», — отметил в приветствии Л. И. Брежнев.

Понимая сложность и ответственность задач, стоящих перед ними, прогрессивные журналисты в ходе заседаний вновь заявили о верности принципам и традициям своей — теперь уже ставшей поистине всемирной — организации!

На открытии конгресса присутствовали заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Макеев, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

А. СОКОЛОВ

В зале заседания.

Фото В. Великанина, А. Семехина [ТАСС]

Иван Кочерга не был избалован милостями судьбы. Работавший всю жизнь напряженно, трудно, постоянно осваивавший новые темы, новые проблемы в своем творчестве, он создал произведения, которые, в общем, шумного успеха не имели. Но и сейчас, когда почти три десятилетия минуло со дня его смерти, пьесы эти помнят, ставят, читают. Его драмы не отличались блеском диалогов и умопомрачительной интригой, его героини не проливали красивых слез, а герои всегда были неизменно верны своим любимым. Лучшие его творения не изобилуют атрибутами современности, но, словно святыню, несут нам такие древние, такие вечные понятия, как добро, самопожертвование, отвага, честь. Его пьесы, лишенные назидательности, вновь и вновь настойчиво, порой наивно открывали для нас самую суть этих вневременных ценностей.

А начинал он легко, беззаботно. Юрист по образованию, ревизор контрольной палаты по служебному положению, молодой чиновник Иван Кочерга «баловался» литературой. Его развеселые водевили «Девушка с мышкой», «Полчаса любви» прорывались и на столичные сцены, а уж на Житомирщине с восторгом принимали летом 1915 года, в самый разгар первой мировой войны, игривые творения своего земляка. Кажется, даже синемаграф удостоил своим вниманием один из этих водевилей.

Но раскололась эпоха и поставила каждого перед выбором. И словно не было тех бездельных, словно, впервые взявшись за перо, писатель Иван Кочерга начинал свою дорогу в литературе, трудную, но единственно возможную. Он открывал мир заново, осмысливал его с позиций творца, и уже в ранних своих пьесах Кочерга утверждает силу прекрасного, его власть. «Фея горького миндала», написанная в 1925 году, говорит о неотразимой мощи искусства, о его воздействии на людские души. В ранних своих вещах Кочерга порой абсолютизирует красоту, но опыт, вынесенный из этого периода творчества, навсегда утвердил писателя в сознании того, что искусство — высшее творение сердца человека. На протяжении всей жизни Иван Антонович подчеркивал эстетическую ценность искусства и в публичных выступлениях и в журнальных статьях. В его драмах нередко главные персонажи — художники, композиторы, поэты, призывающие

к постижению прекрасного, к утверждению его в нашей жизни.

Писал он неторопливо, избегая всего внешнего, что могло вмяться, потревожить его размышления. Диапазон тем, волновавших писателя, необычайно широк, но, прежде чем воплотить идею в художественный образ, Кочерга досконально изучал все, что касалось его новых героев, их деятельности. Для него не существовало мелочей. Высокие обобщения, приподнятость интонации, вообще свойственные творчеству Кочерги, неизменно подкреплены конкретностью деталей, точностью предметного мира.

Что бы ни писал Иван Антонович — будь то героико-революционная комедия «Часовщик и курица (Мастера времени)», которая обошла подмостки многих стран Европы, или историческая драма «Ярослав Мудрый», — в каждой пьесе мы найдем прекрасное знание современного героям языка, ясные исторические реалии, осязаемую обстоятельность быта.

Обращение И. Кочерги к истории украинского народа не случайно. Художник — это аксиома — не может творить вне народных традиций. Истинное искусство рождается только на национальной почве. Вот почему сейчас забыты первые литературные экзерсисы молодого Кочергина (под этой фамилией он публиковал свои водевили) и вошли в золотой фонд советской драматургии пьесы Ивана Кочерги. Едва ли не самая сильная его драма — «Ярослав Мудрый» — написана так щедро, в таком упоении красотой и величием человека, что далекая история, подчиняясь воле художника, приближается к нам, завладевает нашими мыслями. Писатель с наслаждением живописует суть народной жизни, его герои могучи и чисты душою, свет истины для них превыше всего.

И знаю я, сокровищ больших нет,
Чем мирный труд моих родных селений,
Что я хранил усердно столько лет.
Покуда жив, бороться я клянусь
За Правду Русскую и за едину Русь!

провозглашает Ярослав. А писалась эта пьеса под грохот войны — драматург закончил ее в 1945 году.

«Меньше всего я думал о том, чтобы дать хрестоматийные сведения о делах и думах великого князя Руси Ярослава. Меня увлекала стихия народного движения, глубина и прозор-

ливость деяний, определяющих будущее народа. Хотелось показать исконное единство славянских народов, снять исторический глянец с легенды о том, что Русь и ее история были как-то зависимы от иноплемennых вождей. Я хотел показать талантливость народа».

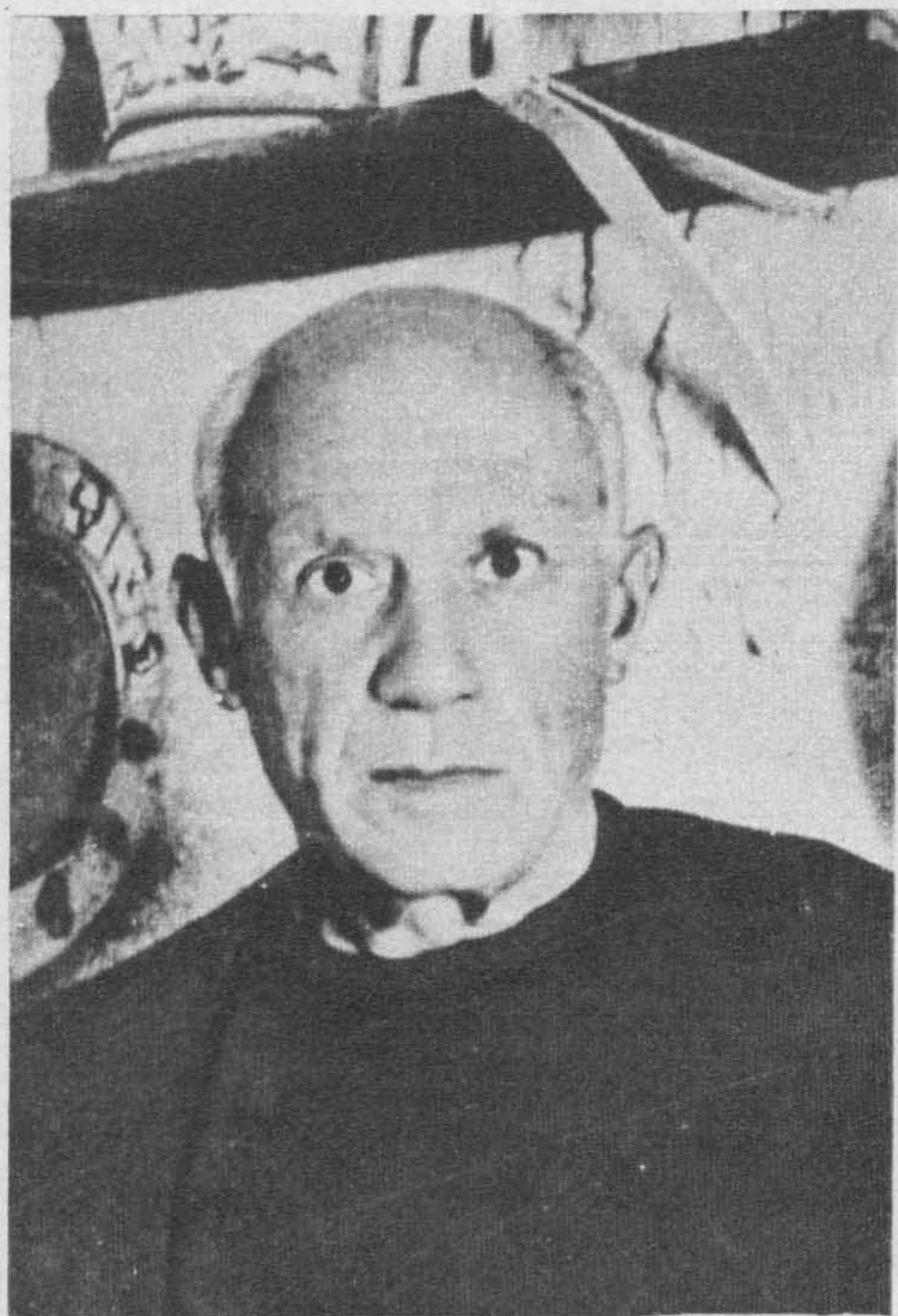
Одна из известнейших пьес Кочерги, «Свадьба Свички», тоже основана на историческом материале. Факт запрещения литовскими феодалами, которые владели Киевом, зажигать свет в «доме» горожан и ремесленников послужил материалом для создания драмы. «...Меня захватила... возможность нарисовать яркую картину городской жизни и социальной борьбы в старинном городе, а на этом красочном фоне дать почувствовать поэтический образ Украины, «что сквозит века и через столько бурь» пронесит неугасимый огонь своей культуры и свободолюбия», — писал Иван Антонович.

Пьесы Кочерги, и ранние — «Алмазный жернов», «Марно в аду», и более поздние — «Имя», «Ночная тревога», замечательную драматическую поэму «Пророк» отличают завораживающая прозрачность, мелодичность языка. Изящество поэтических образов не имеет ничего общего с вычурностью, его метафоры совершенны в своей простоте.

Всем своим творчеством Иван Антонович Кочерга утверждал безусловную силу добра. В пьесе «Часовщик и курица, или Мастера времени», написанной в 1934 году, он едва ли не первым в советской драматургии нарисовал страшную суть фашистской идеологии. За семь лет до начала Великой Отечественной войны Кочерга сумел разглядеть образ провозвестника гитлеровских идей. Карфуннель, так зовут этого маньяка, кричит: «Вы еще узнаете, что такое власть немцев, когда они захватят весь мир!» Но автор предвещает гибель фашизму: «...Они хотели бы отбросить мир на сотни лет назад, — говорит героиня пьесы Лида Званцева, — повернуть время к средневековью. Напрасные мечты. Даже если бы они захватили нашу землю, весь народ восстал бы над одним человеком, поднялся на борьбу за свою Отчизну».

Он был удивительно добрым художником, украинский драматург Иван Кочерга. Потому так удавались ему трогательные женские образы, так достоверны его могучие герои, утверждающие на земле добро и счастье. Он написал немного, но то, что он создал, основательно и прочно. Талант народа, истинным сыном которого был Иван Кочерга, навсегда запечатлен в его комедиях, трагедиях, драмах.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Михаил АЛПАТОВ,
действительный член Академии художеств СССР

ПИКАССО

истине апокалипсический фрагмент истории, как бомбежка Герники? Как отразить суть фашизма с его культом зла, ненависти, вражды между людьми?

Хотелось бы привести слова одного из крупнейших советских художников, Павла Дмитриевича Корина, сказанные им о картине «Герника» после посещения Нью-Йорка, когда этот холст еще находился там:

«До тех пор, пока не видал я подлинника, я не понимал этого произведения, не понимал вообще такого искусства. Но когда увидел это полотно, этот большой холст, прекрасную тональность, волевою, энергичную прорисовку деталей, меня это захватило. Я с сомнением приближался к «Гернике» — неожиданно картина произвела огромное впечатление... И после того, что я увидел, я изменил к Пикассо отношение, он стал для меня большим мастером. Я почувствовал: много мучений, много дум вкладывает он в искусство. Я понял: это — настоящее, большое искусство. Я художник и не могу не видеть, если красиво, если правда...»

Возвращение «Герники» на родину Пикассо, в Испанию, сделанное по завещанию мастера, превратилось в событие высокого политического звучания. Ныне планета отмечает столетие со дня рождения великого художника нашего века — Пабло Пикассо, совмещающая эту дату со знаменательным появлением «Герники» в Испании, на родине живописца, в стране, освобожденной от франкизма.

Пабло Пикассо родился 25 октября 1881 года в испанском городе Малага в семье художника. Его отец дон Хосе Руис был скромный преподаватель рисования, иногда выполнявший заказы по росписям интерьеров. Рисовать мальчик начал очень рано. Самые первые его наброски поражают артистизмом, профессиональным умением. Когда Пабло исполнилось десять лет, он вместе с родными покидает Малагу и переезжает в Корунью, а вскоре судьба перемещает подростка в Барселону, где его талант проявляется все с большей и большей силой. Он потрясает профессуру барселонской Школы изящных искусств, выполнив за один сеанс этюд натурщика, на исполнение которого был дан целый месяц. Но этот четырнадцатилетний виртуоз недолго радуется преподавателям, ему претят непрестанные студии гипсов, и, к удивлению всех, он покидает школу. Темперамент влечет его в Мадрид, где Пабло с легкостью одолевает экзамены в Академию художеств. Но и эти стены недолго удерживают молодого художника, уже решившего самостоятельно искать свою дорогу в живописи. В 1897 году он выставляет в Мадриде первое большое полотно «Посещение больной». Это начало вдохновляет его на создание ряда жанровых холстов. Так с самых ранних своих опытов Пабло Пикассо достигает столь зрелого умения, что, казалось, успех его обеспечен и путь определен.

Кто мог знать, что молодой живописец в своем безудержном стремлении к экспериментам на пороге двадцатого века уедет в Париж. Юный и сильный, он не растворился в суетной круговерти столицы мирового искусства, наоборот, с годами его характер, художническое видение, талант проявятся с такой силой, что именно он, Пабло Пикассо, окажется мастером, который во многом определит своим творчеством новое слово в искусстве начала столетия.

Скоро он создаст свои ставшие знаменитыми серии холстов голубого и розового периодов, в которых заявит о себе как о выдающемся мастере живописи.

Пабло Пикассо, как никто, пожалуй, в мировом искусстве, был одержим демоном искания. Его постоянно влекли новые, еще неведомые рубежи. Впереди ему предстояло прожить много-много лет, но можно сказать со всей определенностью, что ни одно десятилетие его художнической судьбы не похоже на другое. Пикассо все время находится в непрестанном движении, поиске. Поистине вулканическая работоспособность изумляет постоянно меняющейся панорамой сотен новых творений, в которых находит отражение бурное и полное драматизма время, в котором живет художник. Его холсты полны контрастов, столкновения крайней напряженности и покоя. Напрасно мы будем искать обобщающую формулу логики развития его искусства. В творениях разных лет с калейдоскопической, ошеломляющей противоположностью меняются лики его полотен, то показывая нам образцы классицизма, то поражающая тончайшим сочетанием изысканных розовых, серых, голубых колеров, то ошеломляя взрывом все разрушающих экспериментов. Таков Пикассо!

Маяковский писал в 1922 году:

«Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо. Это самый большой живописец и по всему размаху и по значению, которое он имеет в мировой живописи. Самыми различными вещами полна его мастерская, начиная от реальной сценки голубоватой с розовым, совсем древнего античного стиля, кончая конструкцией жести и проволоки. Посмотрите иллюстрации: девочка совсем серовская. Портрет женщины грубо-реалистичный и старая разложенная скрипка. И все эти вещи помечены одним годом».

Бывают в истории искусства мгновения, в которых сама жизнь как будто нечаянно определяет всю значительность, эпохальность того или иного явления живописи.

Начало сороковых годов. Оккупированный нацистами Париж. Ночь, полутемная студия, окна зашторены. Раздался резкий стук в дверь. Вмиг в мастерской возникла группа гитлеровцев. Обыск. Яркий свет фонарика выхватил из сумрака мольберт с начатым холстом, скульптуру, стол с наваленной стопой рисунков. Вдруг луч остановился на цветной репродукции. Большой лист. Контрастно очерченные образы композиции, казалось, иступленно зывали к зрителю. И эти зловещие стон и грохот, царившие в картине, становились еще слышнее, страшнее в тишине ателье.

Немецкий офицер, пожилой человек с исчерченным шрамами лицом, в сером мундире с железным крестом, застыл. Он был поражен и взбешен.

«Это сделали вы?» — спросил он у стоящего рядом художника.

Пабло Пикассо был бледен. Его огромные черные глаза сверкали в мерцающем свете фонарика. Минуту он молчал, не сводя взора с фашиста.

«Нет. Это вы сделали!..» — ответил мастер. И в этих словах — весь гнев, презрение, проклятие людей земли к нацистским изуверам.

«Герника», изображенная на репродукции, недаром взбудоражила гитлеровца. Этот холст Пикассо создал после событий 26 апреля 1937 года, когда Гернику — маленький беззащитный испанский городок — смели с лица земли фашистские бомбы.

Земля Испании, обогрелая этим преступлением нацизма, — родина Веласкеса, Гойи и Пабло Пикассо. Ко времени неожиданной ночной парижской встречи художник Пикассо был всемирно известен. Его творчество, феноменальное по своей необычности, темпераменту, новаторским поискам, уже принадлежало к явлениям всемирного охвата. Мастер, несмотря на опасность, ежедневно, ежечасно угрожавшую ему в столице Франции, не покинул ее и с 1940 по 1944 год жил в оккупированном Париже.

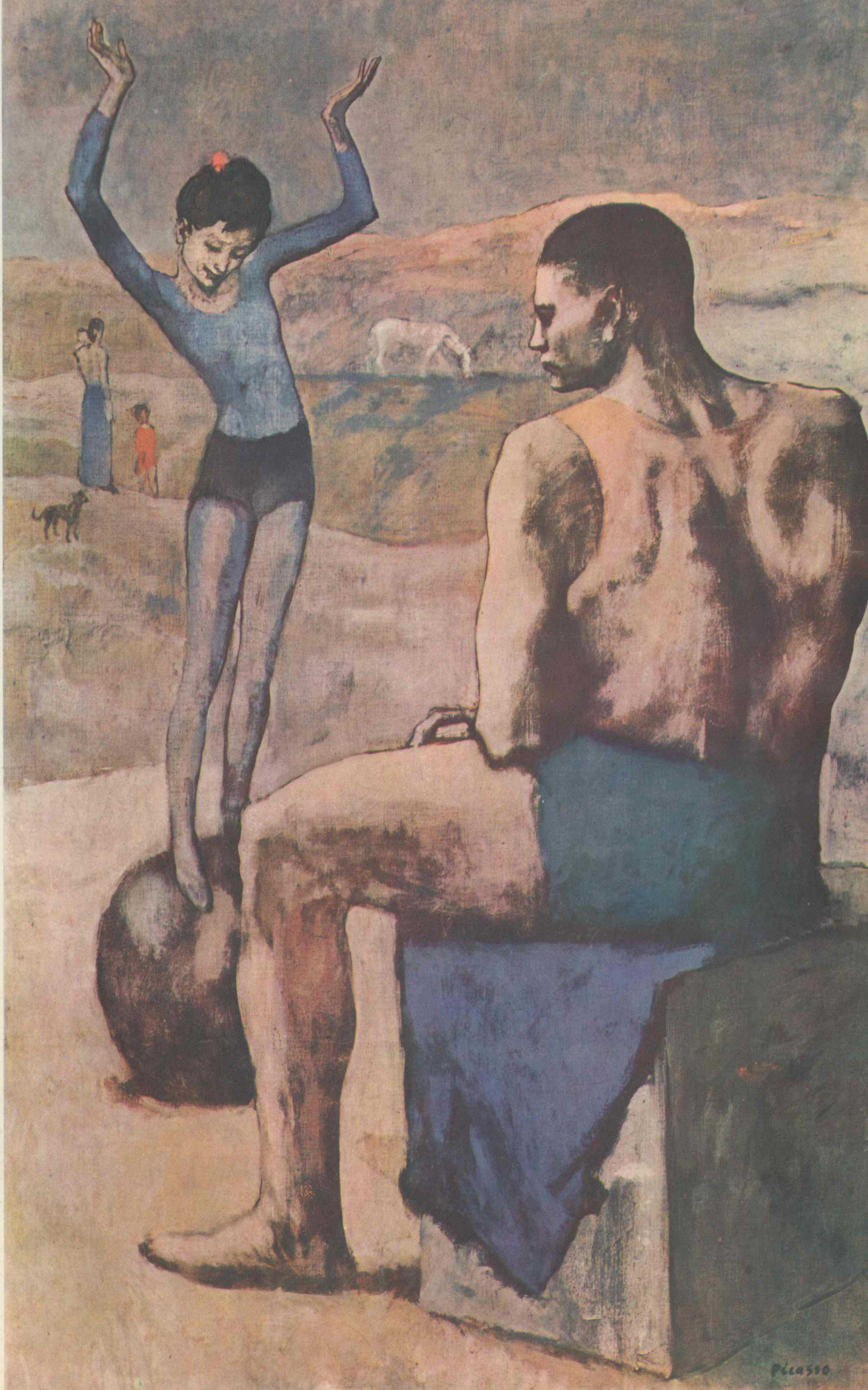
В августе 1944 года Париж освободили. В октябре того же года в Осеннем Салоне, носившем название «Салон освобождения», открыли выставку. В экспозиции особое место уделялось индивидуальному разделу Пикассо — семьдесят четыре полотна и пять скульптур.

Годы оккупации Франции не прошли для художника бесследно.

«Кем, вы думаете, является художник? — писал Пикассо во французской газете 24 марта 1945 года. — Не глуп ли художник, если он имеет только глаза, или музыкант, если он имеет только уши?.. Художник — это одновременно и политическое существо, постоянно живущее потрясениями, страшными или радостными, на которые он всякий раз должен давать ответ. Как можно не чувствовать интереса к другим людям и считать своим достоинством железное безразличие, отделение себя от жизни, которая так многообразно предстает перед нами? Нет, живопись делается не для украшения жилища. Она инструмент войны для атаки и победы над врагом!»

Может быть, картина «Герника» покажется иному зрителю фантастической по своей экспрессии и невиданному сочетанию доселе никогда не соседствовавших компонентов. Но задумайтесь... Как активно решить привычными средствами традиционного искусства такой по-

П. Пикассо. 1881—1973. ДЕВОЧКА НА ШАРЕ.

Это слова о радости общения с искусством.

Можно себе представить те сложные ощущения, которые я испытал в 1967 году, когда, будучи во Франции, услышал от друзей приглашение побывать в мастерской Пикассо.

Получив подтверждение, что Пикассо готов нас принять, мы вместе с журналистом Пьером Пондьером отправились из Парижа на Лазурный берег. По дороге мы остановились в Эксе, в Провансе, и завернули в мастерскую-музей Сезанна. Музей этот, правда, очень небогат: в обширном, пустом, как сарай, помещении хранятся лишь несколько акварелей художника и предметов его художественного обихода. Но когда мы вышли на площадку перед домом и вдали на горизонте голубым огнем блеснули очертания горы св. Виктории, прославленной кистью замечательного мастера, нельзя было не испытать волнения, как от встречи с живым свидетелем его славы. Так случилось, что встреча в Эксе послужила нам преддверием встречи в Каннах.

Впрочем, здесь нам пришлось набраться терпения, чтобы преодолеть преграды, с помощью которых близкие Пикассо вынуждены были охранять его покой. Привратник никак не мог запомнить мою фамилию и несколько раз возвращался, чтобы ее переспросить, пока, наконец, решетчатые чугунные ворота не распахнулись и в вестибюле дома нашему взору не предстал хозяин, радушный, приветливый, словно несколько смущенный тем, что заставил нас ждать. Он принял нас сердечно, будто мы были старыми знакомыми.

Пикассо оказался совершенно таким, каким можно себе его представить по фотографиям и по рассказам очевидцев, — живым, подвижным, общительным и простым, как всякий большой человек, а главное, несмотря на свои почти восемьдесят лет, веселым и молодым. Удивительно было только, что в общении он выглядел таким, каким мы привыкли видеть его на почтительном расстоянии сквозь объектив фото- и киноаппаратов.

Что касается мастерской художника, то она оказалась совсем иной, чем можно было ожидать. Вилла «Калифорния» в Каннах, где жил тогда Пикассо, — это роскошное здание в стиле «купеческого рококо» прошлого столетия, с обширными парадными залами, украшенными всевозможными лепными завитками, с каминами, зеркалами, тяжелыми люстрами и высокими узорчатыми окнами, в которые из парка назойливо заглядывают кисточки финиковых пальм. Казалось бы, такое архитектурное обрамление пристало салонному живописцу, а уж вовсе не такому художнику, как Пикассо.

Однако живописный беспорядок, который вместе с ним водворился здесь, одержал блистательную победу над холодной и мертвой архитектурой. На стенах повсюду развешаны картины и рисунки художника, то ласкающие глаз, как прекрасные античные мраморы, то пугающие, как страшные африканские маски. На диванах, на креслах и прямо на паркете груды всевозможных предметов: гитары и мандолины, связки старых газет и журналов, ящики с красками и выдавленные тюбики, сигарные и конфетные коробки, графины, негритянские божки, пустые бутылки и вазочки с засохшими цветами и кистями. Все эти предметы составляли такое зрелище, что, казалось, каждый художник, который стал бы их писать, создал бы натюрморт в духе Пикассо. И над всем этим, как драгоценный тотем, царил милый профиль грустной и задумчивой Жаклины, жены художника, и тут же была она сама, удивительно похожая на свои портреты, только немного растерянная из-за невозможности обуздать буйный художественный хаос или хотя бы найти место, где усадить гостей.

Хозяин нас предупредил, что большинство его картин ушло на очередную выставку, но выразил готовность показать все, что еще осталось дома. Мое внимание остановили на себе два небольших портрета — работы его давнишнего друга Анри Руссо, «таможенника», как его именуют. Заметив это, Пикассо блеснул на меня своим жгучим взглядом и наставительно напомнил о том, что и у нас был свой гениальный самоучка — Нико Пиромани. Потом из груды папок он извлек недавно приобретенные на аукционе рисунки Малявина и одобрительно отозвался о большой достоверности его зарисовок Ленина. Видимо, он рад был поводу сказать нечто заслуженно хорошее о моем соотечественнике, прекрасном русском живописце и рисовальщике.

Сейчас, по прошествии времени, мне трудно припомнить все те дивертисменты, которые обрушил на нас гостеприимный хозяин. Но вокруг нас суетился американский журналист Дэвид Дункан (Деде, как его называют товарищи) и обстреливал нас из своей фотокамеры. Уже много позднее перелистал я его альбом «Личный мир Пабло Пикассо». Из альбома Деде я узнал и о том, как пристально я разглядывал один рисунок Пикассо, вольную парафразу картины Лукаса Кранаха с богиней любви Венерой в модной широкополой шляпе, — картину, незадолго до того показанную на выставке в Париже. И это мое внимание дало повод задиристому американцу печатно высказать предположение, что советский искусствовед у себя на родине не имеет возможности любоваться работами Пикассо.

Впрочем, бойкий журналист попал впросак, обнаружив этим, что в бытность свою в Ленинграде и в Москве не заметил в залах Эрмитажа и Пушкинского музея превосходные коллекции картин этого мастера.

Переходя из комнаты в комнату, мы, наконец, остановились перед мольбертом с холстом, видимо, находившимся в работе. Чтобы как-то начать разговор, я спросил Пикассо, что его в настоящее время больше всего занимает. «Разве вы не видите, — сказал он, — я анализирую». И сразу стал очень серьезным и впился взглядом в картину, точно видел ее в первый раз. Видимо, слово «анализирую» существовало в словаре художника как спасительное заклинание против назойливых вопрошаний.

С одного взгляда было, конечно, невозможно разгадать заветные замыслы. Во всяком случае, было очевидно, что мы находимся в творческом цехе, где кипит работа. Художник, в каждый штрих которого всматривается чуть ли не весь мир, который в своем деле все постиг и

всем овладел, не удовлетворен достигнутым и настойчиво добивался еще большей силы воздействия, чтобы его создания, как в романтических новеллах, покинули багетные рамы, вышли в мир, смешались с живыми людьми. Написанные им на кусках фанеры и прикрепленные к стержням, как указатели дороги, женские лица окружали нас странным хороводом и наступали со всех сторон. Здесь нельзя было спрашивать, что это: красиво или некрасиво? В атоме живописного образа раскрепощались неведомые силы, пространство обогащалось новым измерением.

Мы стояли молча, как замороженные, и не задавали вопросов. Видимо, сам художник чувствовал, что слова «анализирую» недостаточно, и тут же прибавил: «Если я буду слишком много рассуждать, я стану плохим художником. Один профессор математики недавно просил меня объяснить ему на словах мою живопись. Но ведь это — то же самое, что просить математика объяснить свои формулы красками на холсте».

После этого мы где-то уселись, и я стал выкладывать Пикассо мои скромные подарки: книги и фотографии. Я делал это не без тайной надежды, что таким путем сумею больше узнать о художнике. Он очень внимательно рассматривал все, что ему попадало в руки. О Рублеве им было сказано немного, как о совершенстве, не подлежащем обсуждению.

Но меня поразило, что он сам остановился на «Явлении Мессии». «Вот прекрасная композиция», — заметил он, словно обращаясь к еще многочисленным хулителям Александра Иванова, которые готовы «признать» его пейзажные этюды, но в картине его не находят достоинств (художник всегда поймет другого художника, подумал я, припомнив, как в свое время Суриков проникательно угадал и горячо защищал молодого Пикассо). Пикассо обратил внимание на «Девочку-альбанку» Иванова и вспомнил в связи с ней аналогичные темы у Коро. «Это была одна эпоха и у вас и у нас». При виде «Мальчиков» Иванова он упомянул имя Дега. Среди библейских этюдов его больше всего поразили лист «Ближние Иисуса»: «Что за небывалая Голгофа!» Он отозвался тепло и о Венецианове.

Я спросил его, что произвело на него самое сильное впечатление в русской литературе. «Что я читал? Авторы, которых знают все: Гоголя, Лермонтова, Тургенева (этот уж очень офранцузился) и, конечно, больше всего Толстого и Достоевского». «Ну, а из этих двух кого вы больше цените?» «Сначала мне казалось, что в «Войне и мире» уж слишком много подробностей, а потом я убедился, что все они совершенно необходимы».

Некоторое время мы сидели молча. Потом, ни к кому не обращаясь, словно про себя или в ответ на собственные раздумья, Пикассо проговорил: «Как я люблю этих русских!» — и неожиданно улыбнулся.

Мы собрались покинуть виллу «Калифорния». Пикассо попросил нас минутку подождать и удалился в соседнюю комнату. Вскоре он появился в дверях, в его руках был каталог недавней выставки. Он протянул его мне со словами: «Вот вам русский мужичок». На белом листе виднелась быстро набросанная цветными карандашами бородатая голова античного бога вроде тех, какими в послевоенные годы художник так увлекался в Антибах на берегу Средиземного моря. Бог лукаво щурил свои голубые глаза, его огненно-красная борода торчала во все стороны.

Книжечка эта красуется на моей книжной полке, и когда мне кажется, что наше посещение виллы «Калифорния» всего лишь приснилось мне, я любуюсь задорным и блистательно точным росчерком великого художника как достоверным свидетельством того, что произошло на самом деле.

Когда мы направлялись в мастерскую Пикассо, мне вспомнились мудрые слова Делакруа: «Чтобы понять художника, нужно побывать в его мастерской».

Не так далек апрель 1973 года, когда художественный мир должен был свыкнуться с мыслью, что самый знаменитый мастер современности ушел из жизни. Но сегодня ясно, что никто не смог так воплотить свет и тени своего XX века, как это сделал Пабло Пикассо. И сколько бы ни было любящих или неприемлющих творчество этого гиганта, никто не может сказать, что сама материя культуры нашего бесконечно сложного столетия могла бы существовать без искусства Пикассо, без мира образов, созданных его фантазией, кистью, резцом, а точнее сказать, пламенным сердцем художника, который будто сумел обнажить саму анатомию бытия Запада. Он показал одиночество и ужас всеми покинутого человеческого существа и одновременно сумел воспеть прозрачный романтизм жизни артиста, бродяги, клоуна.

Гнев и нежность Пикассо принадлежали людям, поэтому искусство художника так потрясающе терпко, увлекательно, своеобразно или столь жестоко и неприемлемо. В этом загадка этого самого масштабного по мировидению художника своего времени.

Молодой Пабло приехал во Францию в 1899 году, где начал свой длинный и долгий творческий путь в стране, всегда слывшей великой державой в живописи и которую трудно было поразить чем-нибудь новым. Однако в самом Париже испанец Пикассо сказал свое слово. Единственное, неповторимое. Когда ныне вспоминаешь об удивительно яркой личности Пикассо, о забываемых часах встречи со всемирно известным художником, то невольно отлетает шелуха временных наслоений и во всю мощь предстает образ этого великого гражданина земли, широко по-своему любившего и понимавшего мир людей и остро ненавидевшего фашизм и войну.

Бескомпромиссность художественного языка Пикассо, заостренная первичность его видения мира порою делают его творения не всегда удобными для прочтения. Это опыты большого мастера-экспериментатора, искавшего в течение своей почти вековой жизни беспрестанно

новые пути, новые решения. Творчество Пикассо, оставленное людям, не только поражает объемом, количеством работ, но и поистине ренессансным по охвату размахом тех видов искусства, в которых художник достиг удивительных результатов. Живописец, скульптор, рисовальщик, офортист, литограф, мастер керамики, Пикассо свободно владел этой клавиатурой, позволявшей художнику достигать интереснейших, неслыханных созвучий.

Современная архитектура, дизайн, интерьеры не были бы такими, если бы Пабло Пикассо не проложил новые пути, не прочертил еще неведомые сочетания объемов и цвета, не совершил бы интереснейший поиск новых решений в области живописи и скульптуры, графики. Поэтому, когда иногда мало знающие весь охват искусства Пикассо и видящие лишь один фрагмент из тысяч его дерзких исканий почитают его порою формалистом, то это одно из заблуждений, которое наверняка рассеется вмиг, когда желающий ознакомится с колоссальным наследством Пикассо, включающим в себя иногда почти античные по своей классичности творения с самыми фантастическими и удивительными опытами. Только тогда станет понятно, какой это поразительный и неумный в желании понять и отразить свое время художник.

Пабло Пикассо... Иногда задают вопрос: кто этот поистине мифический по мощи темперамента и дарования двуликий Янус искусства? Ведь с первых своих шагов в живописи он показал миру изумительные по свежести и необычности полотна, сказавшие уже в начале века, что на земле появился мастер, продолжавший традиции испанской, родной ему школы, а иногда испытывавший влияние античности или французских новаторов... Значило ли это, что Пикассо — преемник традиционной эволюции в искусстве? Или то был талантливый экспериментатор, подчас создававший загадочные по своей парадоксальности произведения, сметавшие все представления о серьезности станковой живописи и звучавшие порою как эпатаж, разрушавший все сложившиеся ранее понятия о картине...

Думается, что сам этот вопрос неправилен, ибо творчество, искусство само по себе представляет движение, поиск новых, адекватных своему времени форм, несущих в себе порою не всегда привычные категории изобразительности. Потом по прошествии ряда лет казавшееся абсолютно непохожим на все предыдущее искусство — творчество того или иного мастера — находило свое место в потоке развития культуры и становилось понятным и доступным самым широким кругам зрителей. Подобный процесс не раз бывал в долгой и сложной истории искусства на нашей планете. Главное, чтобы язык полотен, скульптур или графических листов был созвучен той эпохе, в которой он жил и творил. И когда мы представим себе двадцатый век со всеми его невероятными контрастами, борьбой, столкновениями и открытиями, то само явление на свет такого удивительного по противоречивости, многогранности, динамизму мастера, каким был Пабло Пикассо, покажется нам органичным и естественным.

Таково возникновение этого порою странного и кажущегося не всегда логичным, а скорее даже противоречивым в своих поисках искусства Пабло Пикассо. Его судьба во многом отражает контрасты и сложности бытия западного мира. Он воплотил в своих бесчисленных произведениях борьбу света и мрака, добра и зла на протяжении почти трех четвертей столетия. Пикассо прожил девяносто два года, оставив гигантское по объему и размаху творческое наследие, требующее еще глубокого, требовательного и самого пристального исследования. Этот процесс изучения и обобщения искусства Пабло Пикассо, конечно, уже давно начат, о нем написаны сотни книг, но это, однако, не означает, что осмысление образа его личности закончено.

Задача сегодня, в дни столетнего юбилея со дня рождения художника, попытаться постичь его огромный труд, представить себе колоссальную галерею работ и, отдав должное этому подвигу в искусстве, понять масштаб опыта, меру открытий и глубину проникновения Пикассо в тревожную и сложную пору, в которую он жил и творил.

Пикассо, вступая в Коммунистическую партию Франции в 1944 году, делает заявление: «Мое вступление в коммунистическую партию — логическое следствие всей моей жизни, всего моего творчества. Ибо, и я горд в этом признаться, я никогда не считал, что живопись доставляет только наслаждение и развлечение. Я хотел при помощи рисунка и краски, ибо это мое оружие, все более глубоко проникать в понимание людей и мира для того, чтобы это познание все более освобождало нас. Я пробовал по-своему сказать то, что я считаю самым правдивым и справедливым, и это, естественно, самое прекрасное...» В этих словах весь Пикассо — сын своего времени.

Сентябрь 1981 года. В эту осеннюю пору в Мадрид прибыла «Герника». 25 октября, в столетнюю годовщину со дня рождения Пабло Пикассо, холст будет торжественно показан в стенах «Касон дель Буен Ретиро», одном из зданий музея Прадо. Этот акт — естественный апофеоз возвращения картины на родину в Испанию из США.

Урок «Герники»... Слова, которые звучат сегодня небывало остро и злободневно. Казалось, прошло много лет с того страшного момента 1937 года, когда мирного города не стало. Однако именно теперь, как никогда, особенно зловеще ощущается угроза новой катастрофической бойни, замышляемой наиболее агрессивными кругами империализма. И сколько бы ни произносилось фальшивых фраз в оправдание небывалой гонки вооружений, «Герника» говорит, обличает, призывает людей доброй воли: это не должно повториться!

Пабло Пикассо оставил необъятное наследие своих полотен, скульптур, эстампов, рисунков, творений декоративного искусства. Среди них — огромная картина «Герника», как бы символ сопротивления войне, фашизму. Художник, создавший это грандиозное по эмоциональному заряду, экспрессии, гражданственному чувству произведение, стал навсегда в ряды борцов за светлое будущее народов нашей планеты, за прогресс, цивилизацию, против ужасов войны и разрушения.

В «Гернике» продолжает вечно биться пламенное сердце Пикассо, яростно обличавшего силы тьмы и ненависти, страстно жаждавшего победы сил добра, света, и мира.

Директор подсобного хозяйства ЛОМО Александр Николаевич Смирнов.

ДОБРА

Всемерной поддержкой должны... пользоваться подсобные хозяйства промышленных предприятий.

Л. И. БРЕЖНЕВ

ЛОМО... Ленинградское оптико-механическое объединение имени В. И. Ленина. Оно в ряду тех, кого Леонид Ильич Брежнев на XXVI съезде партии поставил в пример. Фирму эту знают и уважают на всех континентах. Она обогатила науку «главным оком планеты», единственным на земле телескопом с диаметром зеркала в шесть метров, в десятки стран мира идут ее точнейшие и тончайшие оптические приборы и аппараты. В Объединении много разных поражающих высокой культурой производства цехов, и кто бывал в них — мы имеем в виду зарубежных гостей и наших специалистов, — тот мог убедиться: да, это действительно флагман мировой оптико-механической промышленности. Много трудных дорог ведет к столь почетному месту. Наш репортаж об одной из сторон деятельности ЛОМО, имеющей прямое отношение ко всем успехам фирмы.

Л. ЛЕРОВ,
О. ПЕТРИЧЕНКО,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Н

ам показали книгу, сухо озаглавленную «Комплексный план экономического и социального развития ЛОМО», книгу, основательно оснащенную статистикой. Среди множества цифр, таблиц было немало таких, которые убедительно свидетельствовали: руководители объединения, партийные, профсоюзные работники принадлежат к числу тех, кто весьма энергичен, инициативен, заботлив там, где дело идет об условиях труда, быта, отдыха трудящихся. Тут не жалеют сил и средств. Таков годами выработанный стиль деятельности фирмы. Некоторое представление об этом стиле читатели получат, если отправятся вместе с нами в путешествие по двум необычным цехам ЛОМО. Не имея по сути своей ничего общего с оптикой и механикой, они, однако, связаны крепкими узами с творцами уникальной техники. Любители изъясняться несколько высокопарно называют их так: цехи курортный и аграрный... Нам же чаще приходилось слышать куда более лаконичное определение — Тарасово. И тут же настойчиво советовали: «Вы поезжайте туда, в Тарасово, посмотрите, как оно выглядит в натуре, давно затеянное доброе дело...» И мы отправились в Тарасово. Это одна из жемчужин Карельского перешейка, обрамленная ожерельем сосновых лесов и прозрачных голубых озер. Голубые озера — достопримечательность и гордость здешних мест. Кто-то образно назвал их «голубыми гла-

зами времени», и в этом сравнении есть большая доля истины, ибо относятся они к числу уникальных, реликтовых и уже не одно тысячелетие отражают в себе неяркое северное солнышко. Необычайно глубокие, чистые и красивые, они манят к себе тысячи поклонников. Но слава юварна: поклонники не всегда оказываются достойными своего кумира, и озера терпят немало невзгод от массового и совершенно неорганизованного паломничества к их берегам.

...Втиснувшись в рейсовый, переполненный туристами автобус, мы стали свидетелями оживленной дискуссии на эту тему. Группа ребят в зеленых штормовках дружно обсуждала наболевшее — возможность навести порядок в заповедных местах. Мнения высказывались разные, но единственно заслуживающей серьезного внимания была признана высказанная кем-то со вздохом надежды: «Эх, передать бы эти озера под опеку ЛОМО — вот тогда был бы порядок!»

Пожелание отнюдь не случайное: и здесь, за десятки километров от Ленинграда, у фирмы заслуженный авторитет рачительного хозяина каждой пяди доверенной его заботам земли. И окрестные леса и берега «своего» озера Подгорное ухожены самым тщательным образом и круглый год находятся под защитой и присмотром. Здесь не встретишь ни хищных следов самовольных вырубок, ни черных пролысин случайных костров, ни ржавых консервнобаночных куч. На каждом шагу добрые приметы человеческого участия: в цветущие луга превращаются вчерашние болота, ярко пламенеют по осени редкостные для Карельского перешейка красные клены, любовно выращенные тружениками фирмы.

Все это появилось не сразу. История Тарасова восходит к трудным послевоенным временам. В ту пору ленинградцы героическими усилиями восстанавливали свой израненный город, его заводы, фабрики. А было все еще голодно, и, чтобы как-то быстрее, эффективнее решить проблему питания, ряду предприятий выделили земли в пригородных районах: «Налаживайте, товарищи, подсобные хозяйства, выращивайте овощи, обзаводитесь теллятами и коровушками...» Трудно сказать, почему — то ли вкуса не было, то ли опыта, а может, попросту любви к земле и готовности на большие хлопоты, — но у подавляющего большинства предприятий, получивших земельные

Пансионат «Дубки».

ТЕБЕ, ТАРАСОВО!

Работница оранжереи Людмила Милевич собирает урожай помидоров.

У хрюшек тихий час...

наделы, дела тут явно не ладились. Зря лишь земли пустовали. Последовало решение: передать те земли колхозам и совхозам. И передали. За исключением ГОМЗа — Государственного оптико-механического завода. Его руководители, стойко выдержав все «нажимы» сверху, строгие внушения и предупреждения и при поддержке парткома сумели все же убедить: надо оставить землю рабочим завода, на ней уже действует его база отдыха, ощутимы первые плоды подсобного хозяйства. «Поверьте, — страстно доказывали руководители ГОМЗа, — мы создадим здесь подсобное хозяйство, а на его базе оздоровительный комплекс». Им поверили. Им оставили выделенные земли, приплюсовав к ним часть тех, что сдали другие предприятия. Но кое-кто иронически-снисходительно проезжал в адрес экспериментаторов. «Чудаки... Ну что же, хотя позабавиться, поиграть в земледельцев, пусть себе... Ненадолго их хватит».

Хватило надолго и всерьез. Тарасово росло, крепло на радость рабочему коллективу. Подлинный же расцвет начался после создания Объединения. Совершенствование хозяйственного механизма повлекло за собой значительный рост прибыли и, как следствие, рост отчислений в фонд материального поощрения и социального развития.

Работники фирмы, дополняя друг друга, поведали нам эту не лишнюю драматизма историю Тарасова, сочтя нужным подчеркнуть одну немаловажную деталь. Средств в Тарасово было вложено достаточно — прибыль фирмы позволяла. Но тут проявилась, если так можно выразиться, стратегия генерального директора в использовании прибыли: отчисления от нее направлять главным образом туда, где можно рассчитывать на благо для всех членов коллектива, и не на один раз, а на долгое время: пансионат санаторного типа в Сочи, больница, поликлиника, солидный жилой фонд, детские сады, ясли... И, наконец, Тарасово.

Да, средства в него, повторяем, были вложены большие. Но истины ради надо заметить, что только деньгами, пусть и большими, такой комплекс не поднимешь. Не меньше денег тут нужен был энтузиазм. Плюс энергичный, заботливый хозяин, для которого все то, что мы видели сегодня, это не дополнительная, малопривлекательная обуза — на нем целое Объединение! — а любовь к человеку, готовность принять все те немалые хлопоты, что помогают лучше устроить его быт... Тарасово стало делом чести всего коллектива, его партийной организации, профсоюза. Надо было доказать, что не зря заводу землю дали. И доказали...

Видимо, все это и определило счастливую судьбу необычного комплекса. В его составе круглогодичный пансионат «Дубки», дачный поселок, дома в котором сдают семьям на все лето, коттеджи для двухнедельного отдыха с детьми, палаточный городок для тех, кто приезжает сюда на выходные, пионерлагерь «Лада», спортивный лагерь и, наконец, подсобное хозяйство — своего рода экономический фундамент, обеспечивающий не только отдыхающих тут, но и все предприятия общественного питания ЛОМО разнообразными продуктами высокого качества.

Мы имели возможность убедиться в этом, посетив центральную столовую поселка. Любопытства ради (и отчасти подгоняемые разыгравшимся в дальней дороге аппетитом) взяли всего понемногу из того, что предлагало меню. И ни в чем не ошиблись: молоч-

ные, мясные изделия, зелень — все было первозданным, парным, свежим, только что с грядки. Мы заинтересовались: «Как много дачников пользуются услугами столовой?» «Клиентов хватает, — ответили нам. — А к услугам тех, кто желает дома кашеварить, продуктовый магазин подсобного хозяйства. Все, что требуется покупателям, поступает туда с тех же грядок и ферм, без «перевалочных инстанций». Что же касается картофеля, то подсобное хозяйство доставляет его в ящичках прямо на дачи. Удобно!»

Привычное недоверие к общепитовской кулинарии тем не менее заставило нас произвести небольшой опрос дачников. «Может, день сегодня какой особенный?» — спросили мы у обедавших за соседними столами. «Нет, — дружно ответили нам. — Так здесь кормят всегда. И меню разнообразное. А если вам по душе кавказская кухня, извольте, вон там неподалеку шашлычная — барашки поступают прямо с нашей овчарни».

Однако подлинное изумление вызвали у нас... помидоры. Огромные их размеры (в два хороших мужских кулака), казалось бы, абсолютно точно указывали на привозное, южное происхождение. Предположение оказалось верным лишь отчасти. Нам охотно рассказали историю о том, будто несколько лет назад делегация ЛОМО ездила на Кубу, где ленинградцам подарили семена этих необыкновенных «золотых яблок». Согретые теплом дружбы, тропические гости хорошо прижились в суровых, непривычных для себя климатических условиях и дают по несколько урожаев в год. Но кто же помог им в этом? Заинтересовавшись, мы продолжили расспросы, и в конце концов они привели нас к овощеводу П. В. Пономаревой.

Обед из своих продуктов всегда вкусен.

— Не первый раз слышу эту версию, — улыбнулась Прасковья Васильевна. — Основа у ней верная, с островом Свободы Объединение и в самом деле связывает давняя дружба. И сорт называется «кубинский». Только попал он к нам с... Украины. Приехали ко мне оттуда как-то родственники и удивили громадным красавцем. Я тогда в зимних теплицах работала, ну и решила попытать счастья: вынула, как сейчас помню, четырнадцать семечек и стала экспериментировать. Возилась много, но зато теперь довольна — целую теплицу мои «кубинцы» занимают, весят в среднем по шестьсот граммов, а рекордсмены и более килограмма тянут.

С Прасковьей Васильевной мы познакомились в день для нее радостный и одновременно немножко грустный — только что товарищи проводили ее на пенсию.

Более двадцати лет отдала она Тарасову. Отдых заслужила. Но

сердцем осталась на работе. Волнуется, как-то там без нее девочки — Оля Николаева, Люда Милевич, Света Смазнова, Надя Бушуева. Подготовка у них, конечно, хорошая, окончили знаменитое Мичуринское СПТУ, а вот опыта еще маловато. Да и маловато их самих — со старшими всего шесть человек, а в теплицах четыре тысячи квадратных метров и обязательства на нынешний год очень напряженные.

Делать большие дела малыми силами — пожалуй, традиция подсобного хозяйства. В этом легко убедиться, взглянув на социалистические обязательства коллектива, рассчитанные, как говорится, на максимум, на уровень передовых хозяйств области, на энтузиазм. Здесь нет лишних людей, но те, что есть, трудятся на совесть. Это один из источников высокой рентабельности. Вот и на свиноферме — трое свинок обслуживают почти тысячу голов, обеспечивая плановые среднесуточные привесы в 420 граммов. Это довольно высокий показатель, и добиться его непросто, каждая рабочая минутка на учете. А у свинок Т. А. Крыловой и дома много хлопот — корова, теленок, двое поросят.

Знакомясь с тружениками Тарасова, лишней раз убеждаешься, сколь много значит умелая кадровая политика предприятия. На ЛОМО весьма требовательны к

цессов, насыщенности техникой — кое-что делали в цехах ЛОМО — еще одна составляющая высокой рентабельности хозяйства. Да к тому же и забота о быте работников подсобного хозяйства — жилье здесь строят добротно, дома кирпичные, со всеми удобствами...

В Тарасове уже добились рекордных для севера области надоев — 5000 килограммов на каждую корову, и так 5 лет подряд. Здесь мечтают и добиваются дальнейшего увеличения производства других продуктов, связывая свои планы с освоением новых мелиорированных земель, модернизацией по последнему слову сельскохозяйственной науки всех ферм и участков.

Таковыми же темпами, с таким же размахом развивается и оздоровительный комплекс. Многие можно было бы рассказать о комфорте круглогодичного пансионата «Дубки», в уютных номерах которого созданы все условия для отдыха 150 человек; о клубе, парке; о том, с каким вниманием относятся тут не только к быту, но и к эстетике отдыха, — все построенное прекрасно гармонирует с красивой здешней природой.

И все же куда важнее показало другое — детей здесь едва ли не больше, чем взрослых. Зная, сколько хлопот доставляет обычно родителям проблема отпуска вместе с детьми, понимаешь, насколько разумно продумана на ЛОМО вся система отдыха. О ней зашла речь с обитателями одного из дачных домиков.

— Система распределения дач у нас отлажена давно, — рассказывает В. А. Иванов, старший мастер сборочного цеха. — Каждому подразделению фирмы выделяется определенное количество мест, и цехом, учитывая стаж, качество работы, наличие детей, рассматривает поданные заявления. Пустые стоят недорого — двухнедельные по двадцать рублей на человека, а комната с верандой, кухней, как у нас, девятнадцать рублей за лето на всех. Газ, электричество, холодильник — есть все, что необходимо. В материальном отношении отдых здесь не обременяет никого. Прокат лодок для рыбаков, катание на катерах, водных лыжах не стоят ни копейки. Сам я в Тарасове — старожила. Мальчишкой отдыхал в пионерлагере, проводил тут лето с отцом (он тоже был мастером в нашем цехе), не раз приезжал сюда на выходные, а теперь вот в отпуск с семьей.

У Виталия Анатольевича двое детей, у его соседа через двор автоматчика Дмитрия Семеновича Демчишина — тоже двое, столько же у инженера ЦКБ Александра Константиновича Лебедева. Диапазон возраста детей, отдыхающих в Тарасове, от года до восемнадцати. Довольны все, а из главных впечатлений лета с восторгом отмечают работу в поле (кто постарше), а кто помладше — близкое, «незоопарковое» знакомство с такими невиданными ранее в естественных условиях «зверями», как лошади и корова. Если малыши угощают их кто конфетой, кто пирожком, то вклад родителей, старших братьев, сестер более существен. Они охотно откликаются на просьбу хозяйства помочь в уборке сена и в иных сельских делах. Это потребность совести, чувства хозяина. Его трудом формировалась та самая прибыль, отчисления от которой позволили соорудить эти «цеха», его трудом Тарасово растет, крепнет, хорошеет.

В Ленинграде уже появились «побратимы» Тарасова: бюро Ленинградского обкома партии одобрило этот опыт ЛОМО и рекомендовало использовать его. Приезжают гости и из других краев, областей, республик. Приезжают учиться большому искусству делать людям добро. Вот и нам, прощаясь с жемчужиной Карельского перешейка, хотелось сказать: «Добра тебе, Тарасово!»

УРАТАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Не успели партизаны выйти из палатки, как в дверях появился Бондаренко.

— Товарищ майор! Разрешите доложить результаты разведки.

— Проходи, Семен, садись, пей чай и докладывай.

Бондаренко присел к столу, растирая замерзшие пальцы, заговорил:

— На восточной окраине леса сегодня на рассвете появились наши кавалеристы. А в двух километрах от леса лежит село Степанище. Население, узнав, что недалеко появились красноармейские части, собрало продукты и скопом повалило в лес. Это шествие обнаружили немцы и, приняв жителей за партизан, нанесли по ним и по селу бомбовый удар. Село полностью сожжено, ранено и убито свыше двухсот жителей. Красноармейцы оказали раненым медицинскую помощь. Уцелевшие мужчины, подростки и здоровые, не обремененные детьми женщины в один голос заявляют, что, как только окрепнут раненые, они создадут партизанский отряд и начнут боевые операции против фашистов. В настоящее время они нуждаются в медикаментах и боеприпасах и частично в продуктах питания, так как у них все сгорело. Осталось несколько коров, но сгорели корма. Во время налета на Степанище красноармейцы пулеметным огнем сбили один «юнкерс-88», второй подбили, он задымил и, теряя высоту, скрылся за лесом.

— А где сейчас кавалеристы?

— Жители говорят, что после налета авиации они через час лесами ушли на юг, видимо, продолжают свой дерзкий рейд по вражеским тылам.

— Благодарю за доклад, вы молодцы.— Млынский помолчал, потом спросил:— Значит, говоришь, что жители Степанища собираются создать партизанский отряд и просят оружие?

— Именно так. Фактически это была их главная просьба.

— Это хорошо. Для такого дела выделим...— Млынский взял листок бумаги, набросал и сказал:— 40 автоматов, 20 карабинов, один станковый и два ручных пулемета, 50 ручных и 20 противотанковых гранат, мешок сахара, канистру спирта, бинты, йод. Получай все это у старшего лейтенанта Бейсамбаева и отведи с разведчиками ночью. А старшего ты видал? Надежный человек?

— За старшего у них секретарь партийной организации в селе, он же директор неполной средней школы, сам тоже родом из этого села. Лет ему около пятидесяти пяти. Думаю, что мы передадим оружие в верные руки.

— Тогда получайте и везите, только не забудь взять расписку, она нам пригодится для отчета, скажите, что больше дать не можем. Покажите, как нужно обращаться с противотанковыми гранатами. Недостающее оружие пусть добывают у немцев. Возвращайтесь завтра не позднее 18.00.

— Вас понял, разрешите действовать?

— Исполняйте!

Бондаренко козырнул и, круто повернувшись, вышел из палатки.

Млынский посмотрел на часы. Алиев что-то задерживался. Млынский поднялся и пошел

его разыскивать. Он нашел комиссара в медчасти. Алиев и Быстрова обсуждали, кого из врачей и медсестер можно перевести к партизанам.

— Ну, как дела, Гасан Алиевич? Докладывай, кого вы отобрали для Деда?

Комиссар вынул из кармана список.

— Это оказалось очень трудной проблемой, Иван Петрович. Все отлично понимают ее важность, но никто добровольно не хочет уходить из батальона. В один голос заявляют: пойдем, если будет приказ майора, и то будем просить, как окрепнет отряд, вернуть нас обратно к Млынскому. На должность начальника штаба мы рекомендуем старшего лейтенанта Остроухова. Перед войной окончил пехотное училище, член ВКП(б) с 1940 года, был с нами раньше в тылу. Командовал ротой, смелый, решительный и осмотрительный командир, умеет работать с людьми, геройски проявил себя в бою. Награжден орденом Красной Звезды. Думаю, за него нам краснеть не придется. Из врачей — капитана медслужбы Дарью Николаевну Майорову. До войны семь лет работала хирургом в районной больнице. Немного знает немецкий язык. Вместе с нею откомандировать медсестер Ольгу Тихову и Зухру Мамедову. Передать два расчета «ПТР», один — с братьями Ивановыми из Калинина. Вы их отлично знаете — два близнеца, только один брюнет, другой рыжий. Второй — в составе старшего сержанта Калашникова и рядового Фесенко. У того и другого на счету подбитые танки противника. Радисткой пойдет Шмелева Нина Ивановна.

— Гасан! Ты же отобрал лучших наших командиров и рядовых. Их и мне жалко отдавать.

— Правильно! Я отобрал таких товарищей, которые будут действительно настоящими помощниками Деда. А мы с тобой, Иван Петрович, обязаны подтянуть отстающих до их уровня.

— Я все понимаю, но просто по-человечески жаль расставаться с хорошими людьми.

— Ну, Иван Петрович, не ожидал я от тебя такого!

— Ладно.— Млынский рубанул рукой.— Если ты уже обговорил это с командирами, я согласен. Где они?

— Возле палатки.

— Зови их сюда.

Алиев откинул дверку палатки, позвал:

— Товарищи, заходите! — Через минуту палатка наполнилась морозным воздухом и людьми.— Прошу садиться!

Когда все уселись на чурбаки, Млынский окинул взглядом, в котором было откровенное сожаление, этих хорошо известных ему боевых товарищей и сказал:

— Друзья мои! Командование партизанского отряда имени Чапаева обратилось к нам с просьбой подкрепить опытными командирами и красноармейцами их отряд. Мы с комиссаром посоветовались и решили откомандировать вас в партизанский отряд для дальнейшего прохождения службы. Надеемся, что вы с честью и достоинством будете представлять там нашу воинскую часть, всю нашу Красную Армию. Нам жалко с вами расставаться, очень жалко.— Млынский замолчал. Вновь посмотрел на сидевших — такие родные, свои были эти люди! — Но каждый должен сражаться там, где он нужнее, где он принесет больше пользы. Сидевшие впереди девушки — Тихова, Мамедова и радистка Шмелева — заплакали.

— Ну, что вы, девушки, зачем же плакать? — неумело попытался их успокоить Алиев.

Млынский спросил:

— Может, есть вопросы или кто-нибудь хочет что-то сказать? — Сразу поднялось несколько рук.— Пожалуйста, старший лейтенант Остроухов.

Остроухов поднялся, волнуясь и несколько запинаясь, сказал:

— Товарищ командир! Товарищ комиссар! Как старший по занимаемой должности, я от имени всех откомандированных товарищей благодарю вас за высокое доверие. Мы обещаем, что приложим все силы, чтоб оправдать его. Одно только просим, как окрепнет отряд имени Чапаева или когда Красная Армия освободит места, где он действует, разрешите нам снова вернуться в часть.

Сидевшие дружно зааплодировали.

— Мы с радостью встретим вас, как самых дорогих и близких товарищей, — ответил Млынский.— Еще есть вопросы?

— Теперь нет.

— Тогда будем прощаться.

Провожал уходящих к партизанам Алиев. Он должен был вместе с Дедом разработать план совместной операции. На две пары саней погрузили полученное для отряда оружие, сами встали на лыжи и на рассвете отправились в путь.

Утро следующего дня было тревожным. Над лесом вилась, едва не цепляя хвостом верхушки деревьев, «рама». В 12.00 «рама» улетела, и все с облегчением вздохнули. Но спустя четыре часа она снова вернулась и продолжала крутиться над лесом до самого вечера. Вечером Млынский вызвал к себе командиров.

— Сворачивайте палатки, готовьте свои подразделения к перебазировке. Ровно в 24.00 уходим, иначе завтра нам несдобровать.

— А как же быть с ранеными? — спросила Быстрова.

— Потеплее оденьте, заберем с собой.

— Иван Петрович! Тяжелораненые не перенесут длинной дороги, мороз 30 градусов.

— Мы с комиссаром вчера дали радиogramму в Москву и просили прислать самолет. Наташа только что доставила нам ответную радиogramму, в которой сообщается, что самолет прибывает сегодня ночью в 02 часа 30 минут. Просят долго его не задерживать, а отправить с таким расчетом, чтоб он успел ночью перелететь обратно линию фронта. Рота Бондаренко и саперы готовят площадку для приема самолета в двух километрах отсюда. Конечно, принимать самолет у немцев под носом — большой риск, но другого выхода у нас нет. Поэтому тяжелораненые и раненые средней тяжести должны быть готовы к эвакуации. Легкораненых возьмем с собой. Этим же самолетом отправим все документы, захваченные в штабе дивизии. К прилету самолета батальон займет круговую оборону на подступах к площадке. Руководить обороной будет комиссар Алиев, а я займусь приемом и отправкой самолета. Всех командиров прошу подготовиться к выходу.

В 00 часов 15 минут вернулся Алиев, отряд двинулся из леса. Впереди — автоматчики, истребители танков, пулеметчики. В хвосте колонны шла медсанрота. Тяжелораненых везли на санях. Ровно через два часа, ревя моторами, из-за леса показался самолет, и в то же мгновение с обеих сторон расчищенной полосы вспыхнули костры. Самолет пронесся над полосой, развернулся и, сбавляя скорость, теряя высоту, зашел на посадку.

— С благополучным прибытием, — проговорил майор Млынский, протягивая руку спустившемуся по трапу командиру экипажа.

— Спасибо, рейс был трудноват — едва отвязался от «мессеров», спасли плотные облака. Я привез вам боеприпасы, медикаменты и свежие газеты. Забирайте и как можно быстрее грузите раненых и документы. Нужно перелететь линию фронта, пока темно, а то на рассвете начнет действовать немецкая авиация.

— Семен! — крикнул Млынский Бондаренко.— Быстро разгрузите самолет и помогите Быстровой скорее перенести в него раненых. На всю операцию даю тридцать минут.

— Ну, милые, через два часа вы будете в

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—42.

Москве.— Ирина Петровна обходила лежащих на санях раненых.— Потерпите еще немного. Подлечитесь, и через несколько месяцев мы с вами снова встретимся в хозяйстве Млынского.

— Спасибо вам, доктор, за помощь, за вашу доброту,— прохрипел пожилой партизан с забинтованной головой.

— Цыплят по осени считают, что сейчас загадывать,— произнес другой голос.— В госпитале подлечат, а попадем мы к вам или нет— вилами на воде писано. Кого обратно на фронт, кого— по чистой, а кого и в небесную канцелярию!

— Мужики! Не раскисайте, вы же бойцы отряда Млынского, а это звучит гордо!— крикнула Зина.— А вы, товарищи, несите осторожно, это не бревна, а ваши боевые друзья.

Пожилой раненый, услышав эти слова, шепнул лежащему рядом с ним безусому красноармейцу:

— Петро, ты же неженатый, приглядишься-ка к ней и, как выздоровеешь, женись, отличная будет жена.

— Э-э! Некогда уже присматриваться, что ж ты раньше не посоветовал!— усмехнулся боец.— Да она за меня, рядового, не пойдет. Ей, небось, командира подавай!

— Петро! Не болтай, ты плохо ее знаешь. Она уже не одного лейтенанта отбрила, а с тебя, по-моему, глаз не сводит. Вот и выходит, что ей не звание нужно, а человек.

— Дядя Прокоп! А ведь я и сам замечал, что она ко мне равнодушна, только проявить инициативу боялся. Как встречусь с Зиной, робость одолевает. Теперь наши пути-дорожки разойдутся, возможно, даже навсегда,— с горечью произнес молодой красноармеец. Его подняли с саней, бережно положили на носилки и понесли. У самого трапа к нему подбежала Зина, выхватила из кармана шинели запечатанный конверт, сунула в руку.

— Петя! Будешь в Москве, разыщи адрес, указанный на конверте, там живет моя сестра. Зайди к ней, передай письмо, пусть перешлет маме в Свердловск, и расскажи, как я живу, а то они уже давно обо мне ничего не знают, переживают, волнуются.

— Зиночка! Все сделаю, под землей найду,— прошептал Петро, пряча письмо в нагрудный карман гимнастерки. Зина еще что-то крикнула ему вслед, но он уже не слышал ее слов.

Закончив погрузку раненых, на борт подняли мешки с трофейными документами.

Бондаренко проверил загрузку самолета, быстро спустился по трапу на землю и доложил Млынскому:

— Товарищ майор! Ваше задание выполнено.

— Молодцы разведчики!

Млынский вручил командиру экипажа пакет.

— Передадите по адресу по прибытии. При угрозе захвата противником сжечь.

— Вас понял. Самолет к полету готов, разрешите взлет?

— Разрешаю!

Летчик плотно закрыл кабину. Взревели моторы, и самолет, поднимая снежную пыль, побегал по полосе, оторвался от нее, укрываясь за тяжелыми серыми облаками, взял курс на Москву.

Путь батальона Млынского лежал через поселок Лебяжье. Бондаренко с группой разведчиков проверил к нему подходы и, не обнаружив мин, вошел в село. К их удивлению, село оказалось пустым, ни единой живой души. Но дома не хранили печати заброшенности, казалось, что люди ушли ненадолго. Вернувшись в отряд, Бондаренко доложил обо всем этом Млынскому, предложив зайти в село и немного обогреться в домах.

— Пустая деревня? И не заминирована?— удивился Млынский.

— Мин не обнаружено,— подтвердил Бондаренко.

— Тут какая-то западня,— предположил Алиев.

— Непохоже, мы обошли вокруг деревни, никаких следов на снегу не обнаружили,— ответил Бондаренко.

Млынский подумал, сказал Алиеву:

— Гасан Алиевич! Давай-ка подстрахуемся от неожиданностей, войдем в поселок, но перекроем к нему все подступы. Посты будем сменять каждые два часа, но люди хоть попере-

менно отдохнут. Может, и секрет раскроем — в чем же все-таки дело.

Так и решили. Вошли в поселок, расположились в домах. Млынский устроил свой штаб в центре, в добротном доме. Ерофеев притащил сухих дров, растопил русскую печь, залез в подпол и обнаружил картошку. Поставил ее варить. Млынский с Алиевым склонились над картой, прокладывая маршрут дальнейшего движения на запад. Внезапно за окном послышался шум: громкая речь и окрик часового.

— Стой! Руки вверх! Буду стрелять! Пароль!

— Какой еще вам пароль? Я иду домой, — спокойно ответил женский голос, и на пороге показалась одетая в полушубок, в заснеженном платке женщина. Из-за нее выглядывал часовой.

— Товарищ майор! — обратился он к Млынскому. — Вот, задержал неизвестную. Я спрашиваю у нее пароль, а она прет прямо на штык.

— А что же мне, спрашивать у вас разрешения, можно ли в свой дом зайти? — недовольно ответила женщина.

— Пропустите ее.

— Слушаюсь, — ответил часовой, закрывая за собой дверь.

Женщина зашла в дом, не спеша сняла с головы шерстяной платок, стряхнула с него снег, бросила на стул, полушубок повесила на крючок, взглянула в зеркало, поправила волосы, подошла к столу, улыбнулась, протянула майору руку.

— Ну, теперь давайте знакомиться. Председатель колхоза имени Ленина Анфиса Андреевна Кузьмина.

— Командир отряда особого назначения Красной Армии Млынский, — пожимая ее огрубевшую руку, ответил майор.

— Комиссар отряда капитан Алиев.

— Да что же вы стоите? Садитесь. Рада принять в своем доме таких дорогих гостей.

Млынский и Алиев присели за стол, и вправду почувствовав вдруг себя гостями. Анфиса засуетилась:

— Не знала, что вы придете, а то приготовила бы обед. Но подождите, я кое-чего соберу на стол. — Набросила на плечи платок, зажгла свечу, вышла в коридор. Через минуту вернулась с большим блюдом квашеной капусты, куском сала и бутылкой водки. Поставила все на стол, нарезала хлеба, радушно сказала: — Угощайтесь чем бог послал.

Ерофеев вынул из печки кастрюлю с вареной картошкой, тоже поставил на стол. Анфиса улыбнулась:

— А вы тут уже сами начали хозяйничать. — Метнулась к буфету, достала граненые рюмки, вилки, поискала что-то еще, с сожалением сказала: — А вот пробочника не нашла, как сквозь землю провалился.

— Ничего, обойдемся без пробочника, — усмехнулся Алиев.

Млынский, взяв в руки бутылку, прочитал на этикетке:

— «Русская водка, крепость 40 градусов». Довоенная.

— Да, муж купил две бутылки перед уходом на фронт. Одну выпили на проводах, а вторую оставили, чтобы распить в День Победы. Но ради такой встречи не жалко распить и сейчас, — улыбнулась Анфиса.

Млынский легким ударом ладони в дно бутылки выбил пробку, разлил водку по рюмкам, проговорил:

— За нашу Победу! — И, опрокинув стопку, крикнул. Закусил капустой, воскликнул: — Какая вкуснятина! Давненько такой не пробовал.

— А я в жизни такой не ел, — проговорил Алиев.

— Кушайте, гости дорогие, я еще принесу.

— Спасибо, хозяйка, хватит и этой. Нам только дай — живо бочку опустошим, совесть тоже надо иметь, — проворчал Ерофеев, ставя чайник на стол.

— Где же ваши колхозники? Почему пустая деревня?

— Как началась война, все наши мужчины ушли на фронт. Остались женщины, старики да дети. Меня поставили председателем вместо Ремизова. Мы старались вести хозяйство не хуже мужиков. И удавалось: собрали урожай, посеяли озимые, заготавливали корм для скота, отправляли для Красной Армии муку, мясо, жиры, готовили теплую одежду. Когда немцы захватили нашу область, мы решили колхоз не распускать, а принять все меры к его сохранению. Ушли в лес, построили землянки, навесы, утеплили их, замаскировали с воздуха и

перегнали туда всех наших коров, овец и свиней. И теперь наш колхоз существует в лесу. А в селе мы оставили только деда Степана да двух его мальчишек-племянников. Он первый увидел вас и сообщил нам.

Алиев с восхищением посмотрел на Анфису.

— Ну, молодцы! А оружие у вас есть?

— Вот оружия у нас нет. Только топоры, вилы да лопаты. Если вам нужны мясо, мука, жиры, одежда, ты говори, командир, поможем, всем колхозом помогать будем, только защитите нас от этой проклятой банды. — Она поправила на плечах шаль, с надеждой спросила Млынского: — Вы к нам надолго?

Млынский поставил кружку на стол, ответил:

— Всерьез и надолго. Соседями будем, в случае нападения немцев в обиду вас не дадим.

— Спасибо, родные! Наши-то как обрадуются! — Анфиса поднялась из-за стола, заторопилась, накинула шаль, полушубок, поспешила к выходу. У порога остановилась и, в упор глядя на Млынского, спросила:

— А Сталин жив? Москва стоит?

— Да, Сталин жив, и Москва стоит и Ленинград. Погнали мы немцев из-под Москвы, начали наступать. Свыше двух тысяч населенных пунктов уже освободили. Да что я вам это рассказываю, вот возьмите сводку Совинформбюро, здесь все написано.

Анфиса взяла из рук Млынского листок, бережно сложила его вчетверо, положила за пазуху.

— Иван Петрович! — обратился к Млынскому Алиев. — Разрешите мне сходить с Анфисой Андреевной к колхозникам, поговорить, рассказать, что делается на фронтах, а заодно посмотреть, как живут, может, им наша помощь нужна.

— Не возражаю, только к вечеру возвращайся. Передай им привет от нашего отряда, от всей Красной Армии.

— Товарищ майор! И я пойду с ними, разрешите? — решительно произнес Ерофеев.

— А тебе зачем?

— Сопроводять комиссара буду, и кабаничку в счет мясopоставки попросим. Завтра же Новый год, а наши ребята и запах свежего мяса забыли.

Анфиса всплеснула руками.

— Боже, какая же я стала недогадливая! Да мы к утру вам не только свининки, но и телятинки и свежего хлебушка подбросим, чтоб по случаю Нового года ваших солдат побаловать. Иван Петрович! Отпустите старика, пусть идет с нами. Бабы увидят живых мужиков, им сразу легче станет.

Ерофеев подкрутил усы, одернул гимнастерку, молодецки сказал:

— Какой я старик? У меня душа молодая. Одолею немцев, вернусь домой, молодку в жены возьму.

— А старую куда денешь? — строго спросила Анфиса.

— Вдовец я, Андреевна, и старуху и всю семью немцы изничтожили. — В уголках его глаз блеснули слезы.

— Простите, что потревожила ваши раны, — смутилась Анфиса и открыла дверь.

За ней направились Алиев и Ерофеев. После двухчасового лыжного перехода они вошли в девственный лес. Огромные корабельные сосны взметнулись к нему свои буйные головы, надежно прикрывая кроной землю от вражеских самолетов. Алиев и Ерофеев увидели настоящую подземную деревню: под соснами были вырыты утепленные землянки, колодец, стояли две небольшие баньки. Тут же, искусно замаскированные сверху лапником, пристроились сараи и навесы для скота. В центре «поселка» в доме расположилась канцелярия колхоза. Из землянок тянуло дымком — он стелился по снегу, рассеиваясь между деревьями. Тут же высились прикрывавшие лапником и притененные снегом копны соломы, стога сена. От землянок к землянке вели расчищенные от снега дорожки. Ребятишки играли в снежки. Но, увидев Анфису Андреевну в сопровождении мужчин в красноармейской форме, затихли, с любопытством уставились на них. Оправившись от неожиданности, дети закричали:

— Наши, наши! — И, обгоняя друг друга, бросились им навстречу. Обступив со всех сторон, младшие щупали полушубки красноармейцев ручонками, трогали свисавшие с плеч приклады автоматов, а маленькая девочка с криком «Папа, папа!» вцепилась в Алиева: «Хочу на ручки, хочу на ручки!» Комиссар под-

хватил девочку на руки, поцеловал в щеку, спросил:

— Как тебя звать?

Девочка удивленно и с обидой посмотрела на него.

— Папка! Ты такой большой и забыл? Оля. — И крепко обхватила шею комиссара.

— Ах ты моя хорошая, моя Оленька. — Алиев гладил ее худенькие плечи. Старшие девочки и мальчики, стоявшие от них на некотором расстоянии, спорили между собой. Долговязый мальчонка с восковым лицом, в непомерно большой, должно быть, отцовской фуражке, перевязанный веревкой вместо пояса, громко доказывал:

— Это командиры Красной Армии, видите, звездочки на шапках и большая звезда на поясе у того, что держит на руках Олю.

— Неправда! Это партизаны! — бойко спорила с ними рыженькая девочка, обвязанная крест-накрест платком.

— Совсем не угадали, это советские разведчики! — громче всех выкрикнул белообрый коренастый подросток.

На шум из землянок стали выходить люди. Анфиса распорядилась:

— Ероним, открывай контору, пусть люди заходят, будем проводить общее колхозное собрание.

Ероним вынул связку ключей, отомкнул висевший большой замок и, широко распахнув дверь, сказал:

— Люди добрые, заходите!

Когда все уселись на самодельные скамейки, на подоконники и прямо на полу, Анфиса стала возле стола, застеленного красной выгоревшей скатертью.

— Товарищи! — Голос ее зазвенел, она волновалась. — Сегодня у нас большой праздник. К нам прибыли командиры нашей родной Красной Армии! — Раздался гром аплодисментов, кое-кто подносил к глазам платочки. Сидевший на полу мальчик прокричал:

— Моя правда, моя!

— Ребята, тихо! — строго проговорила Анфиса и обратилась к сидевшим в нетерпеливом ожидании колхозникам: — Товарищи! Сейчас перед вами выступит комиссар отряда Красной Армии капитан Алиев Гасан Алиевич. — Ее слова потонули в аплодисментах.

Алиев встал, провел рукой по седеющим сбившимся волосам.

— Друзья! Прежде всего разрешите мне передать вам боевой привет от красноармейцев, командиров и политработников нашего отряда, от всей героической Красной Армии, которая разгромила немцев под Москвой и сейчас успешно гонит их обратно на запад. Недалек тот день, когда она освободит и вас из фашистской неволи.

— Дай бог побыстрей! — выкрикнул дед Ероним.

— Глаза наши устали смотреть на дорогу, все вас выглядываем, — вслед ему проговорила пожилая женщина, сидевшая рядом с дедом.

— Ничего, мы подождем, вы только бейте их посильней, — добавила стоявшая у стенки молодая учительница, и все снова громко зааплодировали.

Алиев улыбнулся и, когда все затихли, продолжал:

— Нам особенно приятно приветствовать вас, людей, которые в час грозной опасности не только не дрогнули, а сохранили колхоз у немцев под носом. Спасибо вам за это, родные. Мы пришли в ваши края, чтобы вместе с партизанами и подпольщиками нещадно бить фашистов в глубоком тылу, не давать им ни минуты покоя, не допустить, чтобы они угоняли советских людей в рабство и вывозили в Германию наше добро. Будем бороться вместе, до победного конца. Он не за горами.

— Правильно! Смерть фашизму! — раздавалось из разных концов комнаты. Анфиса встала, подняла руку, сразу наступила тишина.

— Давайте от всего сердца поблагодарим комиссара за принесенные нам добрые вести, за теплые слова, сказанные в наш адрес, и заверим, что мы будем делать все, чтоб сохранить колхоз до прихода Красной Армии. А также поблагодарим за доставленные нам свежие газеты. Добрые вести помогают и в труде и в борьбе. Спасибо вам, родные! Передайте наш низкий поклон всему вашему красноармейскому отряду.

Продолжение следует.

КУДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПТИЦЫ

образ жизни —
советский

Александр ПОПОВ,
фото Анатолия БОЧНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

...У

тром над Верхними Ачаками, центральной усадьбой колхоза «Ленинская искра», где председателем Аркадий Павлович Айдак, скупо пролился крупный редкий дождь. «Неужели и сегодня не поможет? — часто заглядывал в окно Айдак. — За лето капли не упало». К десяти часам облака прорвало, тепло засветило солнце. «Обидно, — сказал председатель и с сожалением посмотрел на приготовленные плащи, — люблю гулять в дождь».

— Хотя нет худа без добра. Жатву мы закончили в идеальные сроки. Сухая погода позволяла работать ритмично, — продолжал Аркадий Павлович уже на улице.

Он нагнулся и поднял с земли ивовый прут. Хворостина сабелькой засвистела в его руках. Мы спустились вниз по крутому склону оврага, снова поднялись вверх и оказались на краю овсяного поля. Янтарный налитой овес сухо шелестел спелым колосом на ветру. Странно... Забыли убрать? Мне показалось, в глазах председателя мелькнула веселая усмешка:

— Оставили специально для птиц.

— Для кого?

— Для птиц... — спокойно повторил Айдак. Его серые глаза смотрели серьезно и пристально. — Весной, когда с кормом бывает трудно, сюда со всей округи соберутся сотни синиц, воробьев, грачей... Прилетят цапли, журавли. Многие потом соведут у нас гнезда. Кстати, мне вчера сказали, тут видели несколько куропаточьих выводков. Где-то они здесь в траве под кустами прячутся... Сейчас посмотрим...

Аркадий Павлович приложил палец к губам и жестом пригласил следовать за собой. Мы снова спустились на несколько шагов вниз по склону оврага. Среди густых кустов неожиданно открылась уютная глухая полянка. Айдак наклонился к земле.

— Точно, были! — воскликнул он. — Идите сюда, гляньте.

Ничего, кроме золотистых зерен овса на траве, я не увидел.

— Сразу видно, не охотник, — рассмеялся Аркадий Павлович. — Смотрите, сколько помета оставили.

Айдак выпрямился.

— Три года назад куропатки в наших краях пропали совсем. Потом мы стали подкармливать птиц: оставляли, как и в этом году, с полгектара зерновых, развешивали кормушки, на строили специальных навесов — один из них тут рядом, потом посмотрим... И куропатки вернулись.

Аркадий Павлович отходит на несколько шагов в сторону.

— И здесь были! — снова торжествует он, нагибаясь над рассыпанной подкормкой. — Распробовали!.. А теперь посмотрим навес.

К деревянному сооружению на четырех столбах, крытому соломой, нас приводят развешенные в определенной последовательности

кормушки на деревьях. Под крышей аккуратно подвешенные снопы.

— Синицам да воробьям на зиму, — поясняет Айдак.

Если внимательно приглядеться к столбам и перекрытиям навеса, можно заметить, что они сплошь в мелких пробуренных дырочках. Как выясняется, для мегахил. Это подвид диких пчел.

...Присели на жердочки между подпорками навеса. Айдак задумчиво кусал травинку. Слабый ветерок гладил на лужайке увядшие, побуревшие цветы. Казалось, он жалел их безвозвратно ушедшее время цветения.

— Можно подумать, живем расточительно, блажим — для птиц поле с овсом оставили, специальные навесы строим, — говорит председатель. — Но часто ли думаем мы над тем, что оставим после себя следующим поколениям? Ведь эти засохшие цветы не умрут, — кивнул он в сторону лужайки, — они уже бросили в землю свои семена. Что посеешь мы? Всем, кто удивляется, почему мы так нежно печемся о куропатках, я говорю: «Да это же красота!» Не сохраним мы ее, она сотрется и исчезнет бесследно. Останется она — наши дети будут любоваться, радоваться. Ведь иногда один светлый миг в детстве освещает потом всю жизнь... Не одним днем мы должны жить на земле.

«Айдак — идеалист», — вспомнилось мне, услышанное в Чебоксарах... Вспомнился и разговор с главным агрономом колхоза Николаем Васильевичем Атласовым. «Вот уже три года мы не пользуемся гербицидами», — заметил в беседе Атласов. «Почему?» «С одной стороны, это результат тщательного выполнения правил агротехники, а с другой — нам сильно помогают птицы. Они уничтожают вредителей. Вернулось природное равновесие, без которого нам, работающим на земле, не обойтись. Взять хотя бы мегахил и нашу палочку-выручалочку люцерну». «Не понимаю...» «Объясню все по порядку, — мягко остановил меня Николай Васильевич. — Это сейчас у нас завелись деньги — по миллиону чистой прибыли получаем. А ведь еще десять лет назад сидели в долгу как в шелку. Надо было что-то делать... Вот тогда наш председатель и предложил выращивать люцерну на семена, благо закупочные цены высокие. Начали сеять люцерну. До двух тысяч гектаров отдавали под эту культуру. Не пошло — урожаи семян получались низкие. В чем дело? Выяснилось — пустоцвета много. Обыкновенная домашняя пчела неохотно летит на люцерну. Тут мегахилы нужны. Стали строить для них специальные ульи. Нас на смех поднимают... А дело стронулось. С мегахилами и люцерной мы словно на золотую жилу попали».

— Ну, что, посидели, отдохнули — пора и дальше, — нарушает паузу Аркадий Павлович и легко спрыгивает с жердочки. — Иногда не верится, что мне уже сорок четыре, что уже семнадцать лет работаю председателем. Кажется, еще совсем недавно был студентом, потом мотался по району, спорил на комсомольских собраниях...

Я знаю, о чем говорит Айдак, что он вспоминает сейчас: учебу в пединституте (готовил стать учителем-словесником), работу секретарем райкома комсомола.

— Жизнь проходит стремительно. Не правда ли, банальная фраза? — улыбается он. — А между тем это так. Что остается после человека? Его дела. — Аркадий Павлович обводит вокруг себя рукой. — Те, кто их сажал, уйдут, но эти сосны, березы и ели будут расти.

— Деревья здесь сажали?

— Конечно... Если посмотреть на наши угорья сверху, можно за сердце схватиться: поля, словно противотанковыми рвами, изрезаны оврагами. Году в шестьдесят пятом мы начали бороться с эрозией почвы. Стали высаживать по склонам оврагов деревья, кусты, сеять траву. Задача была чисто практическая — уберечь пашню. Осенью семьдесят шестого на общем собрании постановили: каждый колхозник должен посадить к шестидесятилетию Советской власти сто корней по оврагам и балкам... Сейчас это решение стало у нас доброй традицией: весной и осенью каждый совершеннолетний житель наших деревень сажает свою сотню деревьев... Так мы отвоевали у оврагов уже сорок пять гектаров земли. У нас есть семьи — взять, к примеру, Потаповых, Русковых, — которые ежегодно сажают до трехсот деревьев. Разве их потомки, которые придут сюда, не будут гордиться, что этот лес посадили их отцы? В колхозе ведется «Карта личных лесопосадок». Все хорошо знают, где и чьи поднимаются рощи.

...Между едва оторвавшимися от земли елочками и рослыми березками мы снова спускаемся вниз, на дно оврага. Тропинка, словно пристегнутая, петляет вдоль мелкого прозрачного ручья, часто перегороженного запрудами, похожими на украинские плетни. Айдак замечает:

— Это чтобы задерживался ил, иначе ручьи, углубляя свое русло, будут углублять и овраги. На следующий год весной мы начнем высаживать вдоль таких ручейков иву. Она любит влагу и хорошо закрепляет почву: корневая система разветвленная.

Аркадий Павлович словно машинально пробует на изгиб ивовый прут, с которым не расстанется с начала пути. Минуту думает, а потом как бы невзначай говорит:

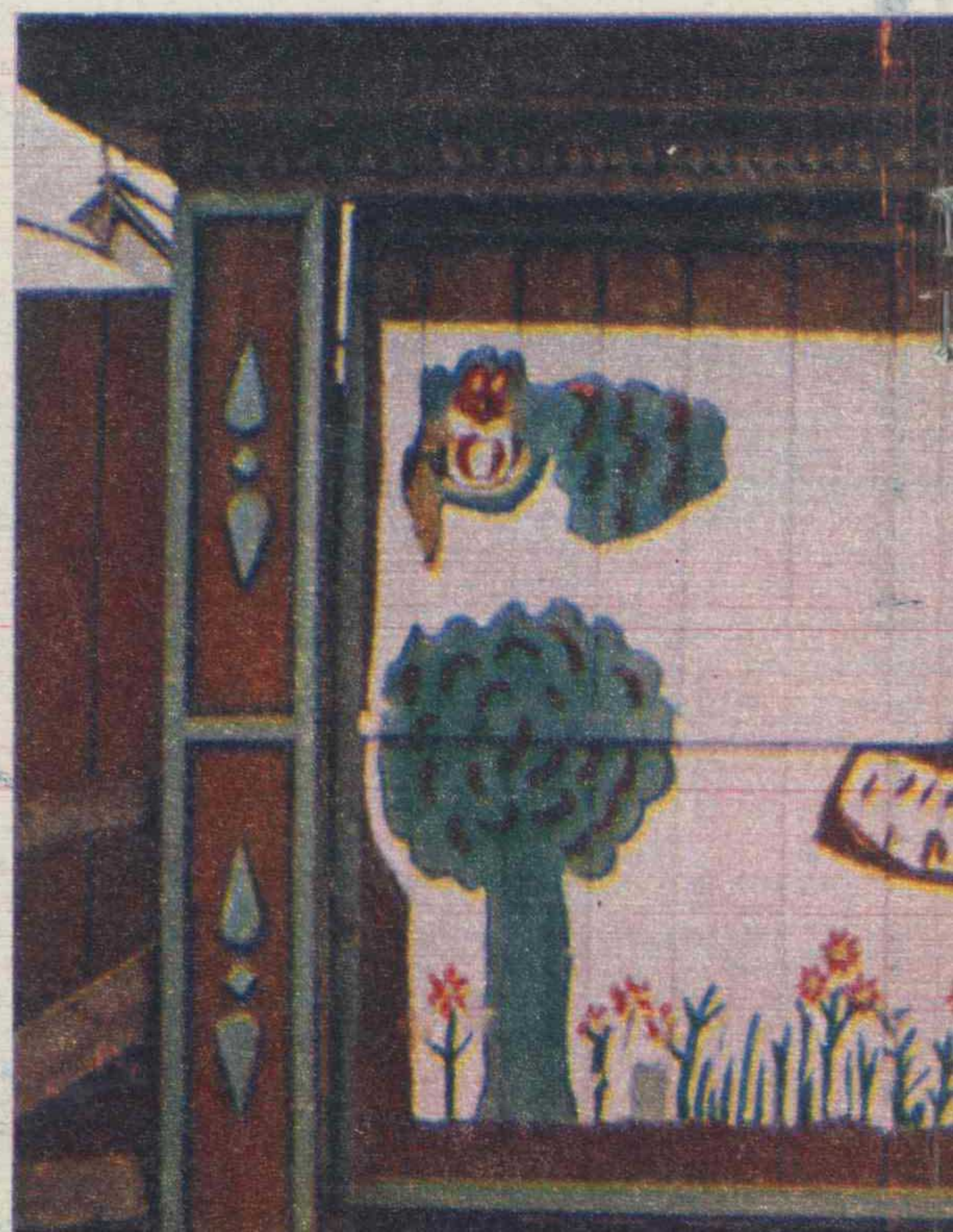
— Заодно будем плести из ивняка корзины. Скоро они резко подорожают в наших краях. Пустят Чебоксарскую ГЭС, поднимется вода во всех притоках Волги выше по течению. А значит, и в нашей Суре. Затопятся все ивовые кусты по ее берегам, где всегда резали ивняк для корзин... Вот тогда будут очень кстати свои ивы. Откроем подсобный цех. Людей у нас хватает. Займем женщин полезной и хорошо оплачиваемой работой.

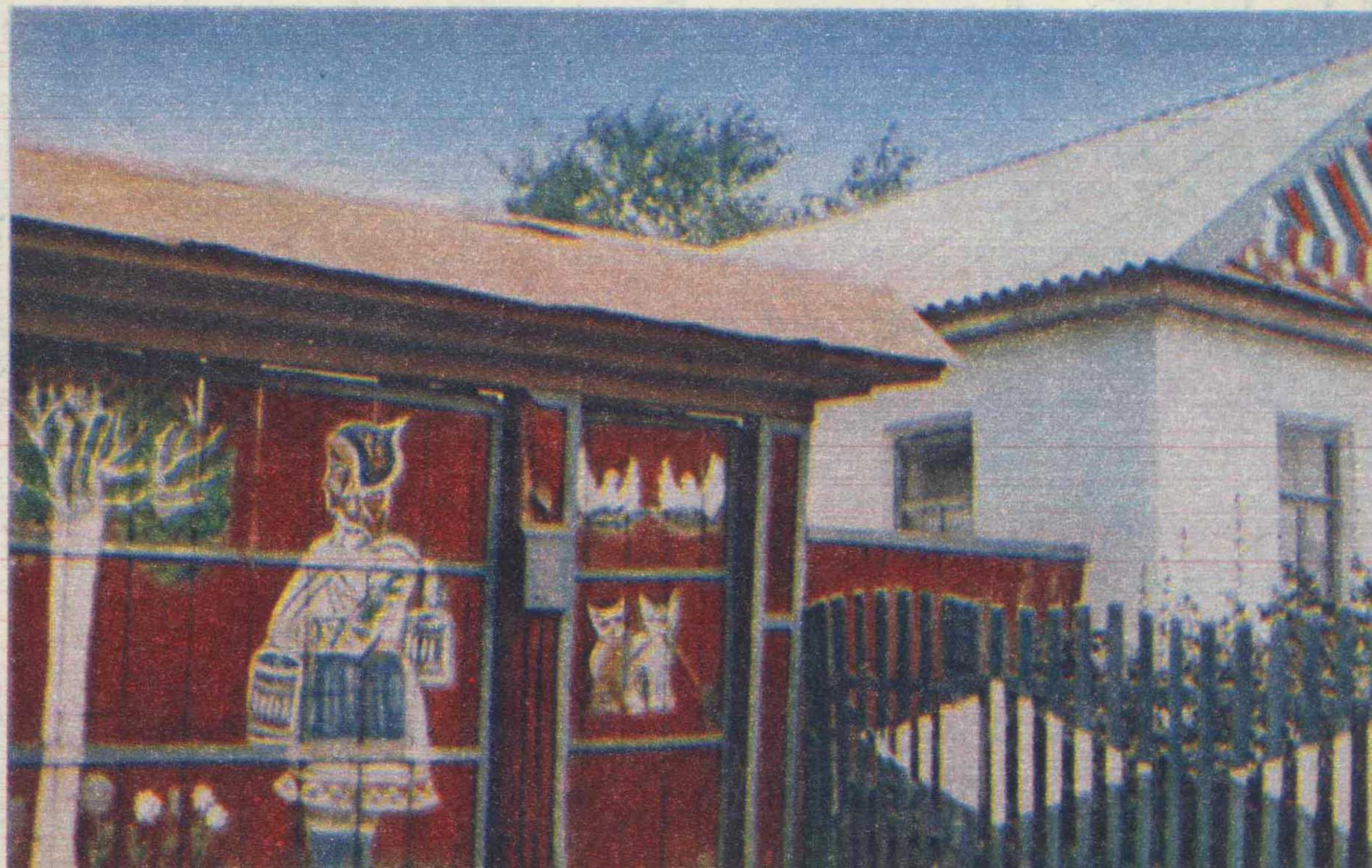
Занять работой — значит обеспечить работой. Звучит необычно для председателя нечерноземного колхоза. От скольких руководителей горьковских, владимирских, костромских хозяйств приходилось слышать совсем другое: «Проблема одна — острая нехватка людей, кадров. Приходится ходить с протянутой рукой к городским шефам. От весеннего сева до белых мух не обходимся без сторонних механизаторов, техников, косцов». Что же, у Айдака наоборот? Хватает рабочей

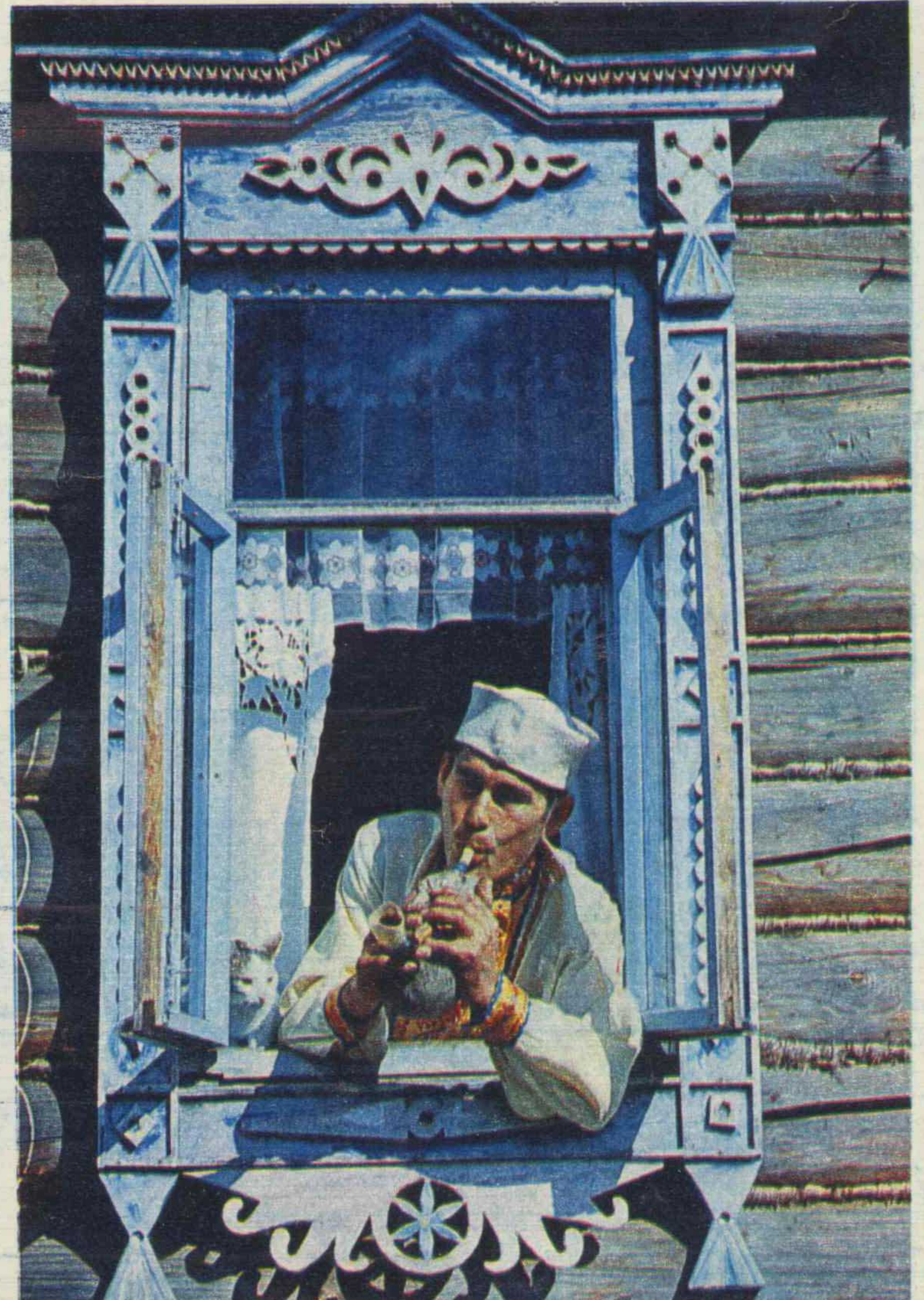
Правление колхоза «Ленинская искра»
В центре: А. П. Айдак * Животноводческий комплекс.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Резчик по дереву Ю. Е. Егоров со своим учеником Володей Михайловым * Деревня готовится к конкурсу на самую красивую улицу * Сейчас они в десятом... Через год придут в колхоз.

силы и даже чуть ли не избыток, если он думает и над тем, как обеспечить колхозников работой? Это действительно так. Деревни в «Ленинской искре» крепкие и многолюдные. Кажется, что процесс миграции молодежи из сел в города, докатившись так или иначе и сюда, схлынул, как прибой, ушел восвояси.

Незадолго до нашей прогулки мне бросилась в глаза пачка писем на столе у Айдака. «Посмотрите, может, покажется интересным», — предложил председатель. Это были просьбы принять в колхоз. Особенно почему-то запомнилось одно письмо из Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Писал парень местный, из «Ленинской искры». Он служил в армии под Москвой. Демобилизовавшись, поступил в Тимирязевку. Проучился год и вот написал письмо домой, в правление колхоза. Он обращался с просьбой обеспечить его стипендией. Не потому, выяснялось из письма, что туга с деньгами. Дело в другом: после окончания академии он должен будет ехать работать по распределению, а ему хочется попасть в «Ленинскую искру». Как колхозный стипендиат он приедет в родное хозяйство, которое его учило.

«И какое решение принято?» — спросил я Айдака. «Удовлетворить просьбу», — ответил Аркадий Павлович. — И не потому, что у нас не хватает специалистов... Нам нужны люди убежденные, влюбленные в свое село».

Закономерен вопрос: а чем же взяли в колхозе, если из него не уезжают люди? Приведу только один пример. До 1965 года натуроплату (зерно, картофель, сено) выдавали так: один процент от убранного. Айдак довел этот процент до десяти. Получалось, заскирдовал сто тонн сена — десять из них себе. Накопил десять тонн картофеля — десятая часть себе. «Нужно было сильно заинтересовать людей, чтобы работали на совесть», — вспоминал председатель. — Одновременно подтягивали дисциплину: если хозяйство давало, то оно имело полное право и спросить».

Потом взялись за финансы. Деньги выплачивались колхозникам нерегулярно, да и какие там деньги. Решили взять кредит по авансам у государства. Набрали на два года вперед. Как расплачиваться? При разумном хозяйствовании все выходит одно к одному. Выручила, по сути, увеличенная натуроплата. Люди в хозяйстве, почувствовав возможность, завели много скота. Колхоз стал скупать у населения молодняк на дорастивание, а потом продавать государству. Дело оказалось прибыльное. Кредиты погасили. Появившиеся оборотные средства позволили в итоге заняться и травами на семена, и доходным выращиванием хмеля (сейчас хмельники занимают в колхозе 96 гектаров), и устройством такой жизни в колхозе, чтобы она, по выражению Айдака, «стала страшно интересной для человека...».

Теперь, когда приходит зима, из «Ленинской искры» часть механизаторов уезжает на Горьковский автозавод, где можно в зимних условиях заработать больше, чем в колхозе. И где по договоренности с дирекцией завода у «Ленинской искры» появляется возможность за труд своих людей разжиться запчастями. Те, которые остаются в хозяйстве, выполняют уже работу, по сути, за двоих. У них зарплата зимой, как летом. Они не в обиде.

Молодые семьи отправляются в Кировскую область, в Коми АССР, на север — в леспромхозы. За две зимы молодожены зарабатывают здесь себе леса на дом, который ставится потом специальной плотницкой бригадой. Колхоз квартир не строит. Не оттого, что не хватает средств и сил. Председатель считает, что «если человек построит себе дом сам, своими руками, то он из него уже не уедет». Кому-то

может показаться эта точка зрения спорной. Может, Айдак и не прав... Только не лишена она и глубокого человеческого смысла, знания крестьянской психологии, понимания той правды жизни, которая заставляет человека пустить на земле глубокие корни.

...Аркадий Павлович замолчал. Он над чем-то напряженно размышлял, помахивая в такт шагам ивовым прутиком. Я пожалел, что нет с нами рядом того человека из Чебоксар, кто так неосторожно заявил: «Айдак — идеалист».

...Мы в пути более полутора часов. Прошли каскад прудов. Миновали серебристые на солнце сигарообразные сенажные башни животноводческого комплекса. «Вода нужна для орошения пастбищ», — разъясняет Айдак. — На комплексе более трех тысяч коров. Заодно разводим в прудах карпа. Улов идет на стол колхозников. А потом разве не приятно посидеть с удочкой на зорьке? — Аркадий Павлович улыбается. — У меня жена, чуть выпадет свободная минута, уже спешит на рыбалку...»

Через поле, на котором оранжевой букашкой ползает трактор, оставляя позади пепельно-серые отвалы земли, выходим на опушку леса. Становится жарко. На защищенном от ветра пространстве осеннее солнце греет полетному. Айдак круто сворачивает в сторону. Несколько шагов под косогор, и мы у кротко пульсирующего родника. «Напьемся? Вода здесь почти святая», — шутит Айдак. — Рядом когда-то монастырь был. Говорят, монахи брали здесь воду».

Источник заключен в аккуратный деревянный сруб.

«Несколько лет назад мы занялись благоустройством территории. — Председатель наклоняется к воде. — Порядок должен быть во всем... Он родной брат дисциплины».

Мне показалось, что эти слова я уже где-то слышал... Почти так же сказала хозяйка одного дома, Ольга Михайловна Петрова: «Если я у себя в избе не буду следить за порядком, то какой же из меня получится работник в колхозе».

На дворе и в доме у Петровых ухоженность и заботливая рука чувствуются во всем: начиная от расписных ворот, палисадника с цветами и завершая той удивительной чистотой в комнатах, когда, кажется, появившись соринка на блестящих крашеных поламищах, то она непременно хрустнет под ногой. Мы зашли в этот уютный, прибранный дом с начальником колхозной коммунально-бытовой службы Николаем Александровичем Александровым ненароком: бросилась в глаза табличка «Дом образцового содержания».

Потом мне Александров рассказал о ежегодных конкурсах на самую красивую и чистую деревню, улицу, избу. «Победители награждаются бесплатными поездками в театр, денежными премиями», — подчеркнул Николай Александрович. «В чем конечный смысл таких конкурсов?» — спросил я у него. Он ответил просто: «Это дисциплинирует нас. У людей появляется чувство порядка, которое не оставляет их и на работе. А потом это же красиво — нарядный дом, цветы под окнами, зеленая ухоженная трава во дворе».

...«Чотуй» называется этот родник по-чувашски. Что означает «светлое поле». Неужели его так назвали монахи? — задается неожиданным вопросом Айдак. — Впрочем, почему бы и нет. Но это я к слову... — прервал свои размышления Аркадий Павлович. — Речь, собственно, вот о чем. Хозяйство наше сейчас при деньгах. Думаем укреплять экономику и дальше. Но если наши прибыли не будут помогать нам в духовном обогащении человека, то грош цена нашим экономическим успехам. Это будет уже мнимая победа.

Айдак снова нагибается к воде. Долго пьет, умывает лицо.

Я мысленно соотношу слова председателя с рассказом его заместителя по воспитательной работе Никона Прокопьевича Прокопьева, от которого я узнал о конно-спортивной школе. Колхоз не пожалел пятьдесят тысяч на чистокровных коней. Чтобы развить у ачакских мальчишек не только ловкость, силу, но и любовь к животным, иначе, как считает Прокопьев, «несовершенен человек». Рассказал Никон Прокопьевич о конкурсах молодежи на лучшее исполнение революционных песен, о

праздниках «Агадуй», которые устраиваются после завершения страды. И тогда собираются на центральной усадьбе хозяйства сотни людей, чтобы послушать, например, игру музыкантов на чувашском рожке, восстановленном в колхозе благодаря местным умельцам. Побывали мы вместе с Прокопьевым в колхозной художественной школе, где ее преподаватель Михаил Разумов познакомил нас со своими учениками — возможно, будущими талантливыми художниками, скульпторами. Небольшая акварель Сережи Алексеева «Рассказ пастуха», гипсовая «Голова старика» работы Валеры Ильина заставляют надеяться, что так и будет.

Из художественной школы по совету Прокопьева я завернул к Юрию Егоровичу Егорову, колхозному резчику по дереву. Егоров долго работал продавцом в магазине, резьбой занимался в свободное время. Выстрогивал национальную утварь, наличники с затейливым орнаментом. Когда в колхозе увидели его работы, правление выделило специальную ставку и оформило мастера в хозяйство столяром. С условием, что он будет учить своему мастерству колхозных ребятшек. Егоров согласился. Теперь он преподает резьбу по дереву в художественной школе.

...С особым настроением рассказывал Прокопьев о походах. Понятен был его пафос, если представить, как рано утром после торжественных сборов выходит из Верхних Ачак походным маршем колонна парней и девчат. Впереди гарцует со знаменами конница. Всадники в буденовках, хорошо подогнанной красногвардейской форме. Золотом блесит на солнце медь трубачей. Колонну замыкает танка... Скоро конница стремительно уходит вперед. На разведку... Она прокладывает маршрут. По колонне передается команда: «Прибавить шаг!» — впереди долгий путь.

Так начинался и многодневный поход всей колхозной молодежи в село Ходары, где отец Ленина — Илья Николаевич — открывал школу. Так выходили и на родину чувашского поэта-революционера Сеспеля, летчика-космонавта Андрияна Николаева...

В пути участники похода проходят десятки деревень. В каждой — обязательный концерт для жителей, торжественное возложение венков к памятнику погибшим в Великой Отечественной войне, встречи с лучшими земледельцами, своими сверстниками. Сколько историй, впечатлений, неожиданных открытий!

— Совершенно верно, в походе пытливые ребята многое для себя открывают, например, свой край, — соглашается Айдак, когда я рассказываю ему об услышанном. — А это уже начало определения своего места в жизни. Я хорошо помню, как возвращались наши ребята из своего первого похода в семьдесят пятом. С каким воодушевлением и слаженностью они пели при входе в село «Смело мы в бой пойдем...»! Все как один, от мала до велика, высыпали тогда на улицу. У многих на глазах навернулись слезы... А парни и девушки, все двести человек, в каком-то одном порыве шли и пели. Разве забудут когда-нибудь они этот миг! Я помню, сколько было разговоров, когда в одной из деревень ребята узнали историю своего земляка Сидора Семенова, который одним из первых вошел вместе со своим полком в 1814 году в Париж... Они знакомятся, беседуют с участниками Великой Отечественной войны... Связь времен неразрывна. Нам надо всегда помнить об этом. Поэтому не должны быть забыты и чувашский национальный рожок, народные песни, старинное искусство резьбы по дереву, воинская доблесть прадедов и отцов, судьбы тех, кто, как Сеспель, боролся за Советскую власть, за свободу и справедливость... На следующий год мы думаем снова организовать поход — по местам пугачевского восстания. Пугачев проходил рядом с нашим селом...

Председатель задумался. Потом, словно подытоживая, добавил:

— Прокопьев рассказал вам, что можно увидеть в нашем хозяйстве, — но это только начало самого главного похода — за внутреннее, духовное совершенство человека. Я имею в виду воспитание чувства ответственности всех и каждого за все, что происходит вокруг нас, воспитание патриота своей земли.

...Мы возвращались в село прежней дорогой. Поле, на которое в полдень выехал оранжевый трактор, было вспахано. Только в центре темных борозд, как невыбранный кустик щетины, торчал островок стерни.

— Молодец! — коротко бросил Айдак.

— Кто?

— Механизатор. Когда пашут, под плугом гибнет много птиц, тех же куропаток. От шума двигателя они сбиваются обычно стайками в центре поля. Поэтому тот, кто работал здесь, не стал трогать середину участка, чтобы ночью птицы ушли в лесопосадки... На время, конечно.

Мы пересекли пашню. Впереди село. Наш поход с Айдаком закончен. А жаль.

Ядринский район,
Чувашская АССР.

Вкусные пирожки пекут Маргарита Иванова, Юлия Краснова, Мария Ренина * На репетиции к 7 ноября * Мастер-наладчик Анатолий Стеклов — лучший музыкант на чувашском рожке.

Анатолий КАЛИНИН

От материнского порога
И до победы иль до гроба
Теперь я твой, а ты моя,
Свинцом изрытая дорога,
Моя судьба и колея.
И если мой предел на свете
Отмерен картой фронтовой,
Хотел бы я в твоём кювете
Лежать на запад головой.

1941.

Бурунный край. Полинные ветры
Сухой песок неутомимо точат...
Перед броском напрягшись,
От «фокке-вульфов» корпус наш
Буркой ночи
Укрыт.

Он — как в седле застывший ураган,
Приказа алчущий среди курганов,
Столь долгожданного, которым
Селиванов¹
Его обрушит на тылы врага.

1942.

Лижет плавни сухой огонь,
В черном небе дрожат зарницы,
Ты испей-ка, донской мой конь,
Ты испей из Днепра водицы.
Я в тоске по тебе изнемог,
По твоей по волне рокошущей,
Хоть и в сердце моем ты тек,
Через берег плескаясь ночью.
Этот старый чумацкий шлях
Не дождем дочерна напитан,

¹ Командир 5-го Донского кав-корпуса.

Обмакни, золотой дончак,
В украинской реке копыта.
По чужим по безбожным крестам
Я вернулся к ее изголовью,
Но не прежде, чем злою

кровью

Окропиться дал стременам.

1943.

Помню такую же переправу,
Было давно, а как будто вчера,
Мы уходили с берега правого
На левый берег Днепра.
Стоял к переправе от каждого

тына,

От каждой калитки тянулся народ,
Казалось, за армией вся Украина
За Днепр от врага потянулась

в исход.

Крестьяне с котомками, пушки,

телята,

Солдаты и женщины валом шли.

Как дома, ходили над нами

пираты,

Своим опереньем касаясь земли.

Помню безумье толпы на пароме,

Свист над рекой — и паром горит,

Лошадь, бунтующую в постромах,

Раненой девочки смертный крик.

Черные трупы и бревна кровавые

Медленно плыли по черной реке,

Помню, как тысячи рук с правого

На левый берег тянулись в тоске.

Когда я сегодня стою на обрыве

И в ноги ко мне прибегает вода,

Я вижу тебя, Украина, в порыве

Такою, как мы оставляли тогда.

Я вижу простертые скорбные

руки

В белесом тумане за армией

вслед,

Я вижу тебя постаревшей

в разлуке,

В двухлетней разлуке на тысячу

лет.

И я, отступаясь, схожу к переправе,

Хмелея горячим дыханьем

Днепра,

Вот он, желанный, вот он,

правый

Берег, еще недоступный вчера.

Октябрь 1943.

Когда, над Брашовом сгорая,
Заря являет в вышине
Костела глыбу, то другая
Картина мнится мне в окне:
Навзрыд тоскующему взору
Вдруг подступают купола
Новочеркасского собора,
Войной раздеты догола.
Не потому ли, что в придачу
Из врат, раскрытых напролет,
Орган дивизиям казачьим
За подвиг славу воздает.

Румыния, Брашов, 1944.

Ругают женщину одну
За то, что в сорок лет запела
И вновь отпраздновать весну
Свою под осень захотела.
Такая строгая была,
С такой надеждой непреклонной
Она домой его ждала,

Шурша повесткой похоронной.
С одною думою и днем,
С одною думою и ночью,
Все с той же думою о нем
В своей постели непорочной.
В глаза, зовущие ее,
Ни разу встречно не взглянула...
И вдруг она окно свое
Кому-то в полночь распахнула.
И те же люди, что хвалой
Ее всегда сопровождали,
Теперь беспутною вдовой
Ее немедленно назвали.
Такою гордой головой
Она над ними возвышалась
И так внезапно над собой
И над другими надсмеялась.
И, той молвой не смущена,
Все так же голову насила,
А платье черное она
На платье белое сменила.
Должно быть, люди не со зла
Того запомнить не сумели,
Как десять лет она ждала
Его в своей пустой постели.

Когда Эльбруса появление
Из темных туч я сторожу,
Туда по властному велению
Я неизменно прихожу,
Где можно встретить этот миг
С тобой, покой твой не нарушив,
Туда, где скульптор Опекушин²
Твою бунтующую душу
За думой вечною застиг.

Я жду, помешанный на том,
Что он сверкнет из бронзы

тусклой,

Твой взор, скользкий по

Эльбрусу

С тобой покинутым седлом.

Ваш Али-Баба, экскурсоводы,
На меня давно уже наводит
Некое подобие тоски...
Слушайте, легенде вопреки:
Со скалы, нависшей над

источником,

Загляделся турок на Фатьму,
Умыкнуть ее он явно хочет
И умчаться на скакуне во тьму.
Но и впредь, с бессильною

угрозой

И со страстью бронзовою, он
На нее, отлитую из бронзы же,
Со скалы глядеться обречен.
Тут же бродят с жадными очами
У каймы Мисхорского причала
Девушки, созревшие вполне,
Чтобы их без выкупа умчали
В горы на прекрасном скакуне.

И млечный запах от коров,
И шорох листьев под ногами,
И капли слез на срезках дров
В меня впадают когтями.
И то, что в глубинах твоих,
Всегда насмешливо-живых,
Теперь хозяйничает скука,—
Все предвещает мне разлуку,
Как этот мой осенний стих.

² Автор памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.

Борису Примерову

Твое ли это детство было
Кнутом обвито, как ужом,
Когда в лугах оно бродило,
Отцовским балуясь рожком,

С бахчи арбузы воровало,
В копне крестилось на грозу
И звезды-звездочки считало,
Пока в мечтах не засыпало
В степи безбрежной на возу,

Чтоб над рогами на подушку
Проплыть на ласковых руках,
Заспав накрытую краюшкой
Парного кружку молока.

Уже и не вызвать из памяти срока,
Когда даже старый тоскующий кот
Покинул усадьбу... Одна лишь

сорока

Все так же упорно ее стережет.

Все так же, по саду летая,

хлопочет,

И ищет, и что-то клюет под

кустом,

И, вспрыгнув на крышу, сердито

стрекочет

С заломленным ветром

роскошным хвостом.

И, важной походкой по кромке

шагая,

Седого приезжего взор веселит,

Родимому дому на миг придавая

Нисколько не тронутый временем

вид.

Никому я не прощал измены
И себе бы тоже не простил...
Но тебе я, сторож мой

бессменный,

Получается, сегодня изменил.

Разрешил, чтоб на рассвете

синем,

Приманив тебя, мой верный пес,

Мой знакомый в собственной

машине

К новому хозяину отвез.

Потому что по ночам бессонным

У меня уже не стало сил

Слушать, как за сеткою, в загоне,

Ты метался яростно и выл.

Долгой ночью, на ветру холодном,

Был до боли вой твой нестерпим,

Я ж не мог пустить тебя свободно:

Ты ведь слишком на волка похож.

Не тебя ли тот же мой знакомый,

Перейдя по льду наискосок,

За Доном в дремучем буреломе

Из норы за шиворот извлек.

И не ты ли, быстро подрастая

На харчах обильных, оскалить

Стал все чаще клык свой, забывая,

Что с детьми не надо так играть.

Я вхожу в загон твой опустевший,

Я беру твою стальную нить

И над всей землей очугуневшей

Начинаю жалобно скулить.

В отборное слово
На ладонях таланта
Не с тех пор ли и верю я.

ИЗ ТРЕТЬЕЙ

Запомнив упорно,
Как, в туче половы
Склоняясь над лантухом¹,
Мать ссыпала из меры
Полновесные зерна.
Шелухой без семени
Уносит полу
Над страной беременных
Урожаем полей...
Мне бы из бункера времени
Искомое слово,
Как зерно Бочкарева²,
Достать для людей.

Соловья, поющего за Доном
С буйною отвагой на опушке,
Заглушить хотят надсадным
звоном
Из болота дальнего лягушки.
Так и надрываются от страсти,
Чуть не разрываются на части.
Но, скажите, разве можно гения
Заглушить пустопорожним пением?

Не обольщайся, клеветник,
Своей неузнанностью мнимой,
Твои усы я в тот же миг
Узрел под маской анонима.
Клянусь на кончике пера,
Узнать не стоило искусства:
Еще осталась со вчера
На них налившая капуста.
Могу сказать я наперед,
Что так тебя ночами гложет,
И сердце завистью сосет,
И душу злобою корежит.
Когда, растоптан, ты лежал,
Себя бесчестьем ославив,
Тебя за холку я поднял
И снова на ноги поставил.
С тех пор и пьет тебя тоска,
Мечту возмездия лелея,
Тому, чья некогда рука
Тебя унизила, жалей.
Но я не стану и во зле
Тебя преследовать за подлость!
Ее сильнее на земле
Великодушие и гордость.

После того как, испив из колодца,
Вы наследили и удалились,
Как вам, скажите, на свете
живется?
Ну и чего вы при этом добились?

Разве вы первый в сонме
презренных?
Разве теперь вам лучше, скажите?
Разве под грузом постыдной
измены
Вы еженощно себя не казните?

Все же печальна, все же печальна
Не той, что по библии отдана
блуду,
А той вековая участь и тайна,
Что носит под сердцем, не зная,
иуду.

Лучше — в гордой нищете,
Чем — с позором на щите.

¹ Лантух — разновидность брезента.
² Донской комбайнер.

Лучше — улицу мести,
Чем — у подлости в чести.

Лучше — злоба от врага,
Чем — кусок от пирога.

Лучше — с славою расчет,
Чем без Родины почет.

Борису Плевакину

Всю развеяв под ветром
Листву донага,
Вербы метлами веток
Подметают снега.
Время сладостных запахов,
Время зячких слез.
Время в старой папаше
Выходить на мороз.
Время трубам кизячный
Выстраивать дым,
Время песне казачьей
За вином молодым.
Время Дону до марта
В кольчуге вздыхать.
Время с другом над картой
Войну вспоминать.

Виталию Закруткину

На тризне памяти военной
Не самый главный эпизод
В ряду особо несравненных
Вдруг душу всю перевернет:
С неотразимостью экранной
Взойдет, как месяц над рекой,
Твой лик с наигранностью
странной,

В очках с оправой золотой.
Потрогав маузер небрежно,
Налив трофейного в бокал,
За милых женщин неизбежно
Ты первый тост провозглашал.
...Чего б теперь мы не отдали,
Каких не сняли б с неба звезд
За то, чтоб с теми, с кем пивали,
Распить банальный этот тост.

Волной землетрясения
На много верст
Мое сердцебиение
Под стук колес.
Клубится, не кончаясь,
И мой клубок,
С планетою вращаясь
К витку виток.
Пока лишь голубую
Тяну я нить,
Беспечно я ликую,
Что жить и жить,
Нисколько не смущаясь
В тумане лет,
Что пряжа, продолжаясь,
Меняет цвет.
Ах, синий ли, зеленый,
Мне все милей,
А в розовый влюблен я
Еще сильнее,
Тем более что нежному
Черед настал
Быть цветом неизбежно,
Который ал.
Но вот уже и этот
Совсем багровый,
Вращения планеты
Закон суров,

Возврата не бывает,
Темнеет нить.
...А поезд продолжает
Вперед спешить.
Волной землетрясения
На много верст
Мое сердцебиение
Под стук колес.

ТЮЛЬПАН

Цветок родимых мест,
Краса донских степей,
Неужто ты исчез
На памяти моей,
Когда ты в сенокос
Под косами вздыхал,
А после из-под кос
На окнах расцветал.
Неужто ты завял?
А я-то, и любя,
Навеки прозевал
Меж войнами тебя,
С седла не разглядел
В азарте на пути,
Когда и ты успел
С обочины уйти,
С курганов отступил
Под натиском огня
И выбился из сил,
Под лемехом звеня,
Померкнув под водой
В запруженной реке,
Оставив надо мной
Свой отблеск на древке.

В кругу веселого застолья
Все чаще я внезапный стон
В себе давлую, мгновенной болью,
Меня пронзившей, поражен:

Никто ушедших не заменит,
Никто их место не займет,
Никто утраченные звенья
Другим металлом не скует.

Валерию Зубкову

То ли на острове кто-то хохочет,
Или то сын на дальней усадьбе
Вечную память кому-то пророчит,
А мне поспать бы. Мне поспать бы.

То ли звезде приспело родиться,
Всех одиноких к сердцу
прижать бы,
Вот почему до рассвета не спится,
Зова о помощи мне
не проспав бы.

То ли вина перед вами, убитые,
Жгучей слезою пожизненно
гложет,
То ли земля сорваться с орбиты,
Если уснуть, без присмотра может.

То ли весенними пылками горнами
Юность трубит, опять начинаясь,
Или то одры под окнами черные
Шумно вздыхают, меня дожидаясь.

Или над крышей пролетная птица,
Или прошедшего стон
ускользающий,
Только на час бы всего
и забыться...
А что, если он-то и станет
решающим?

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

СТОИТ ЛИ БЛАГОДАРИТЬ?

«Иду на вы!..» — так назывался очерк Виктора Пронина, опубликованный в нашем журнале месяц назад. Речь шла о нарушениях, допускаемых в работе директором треста столовых Тушинского района Москвы М. А. Тихоновым. Далеко не всегда вели себя безукоризненно и его подчиненные. Нарушения эти касались и трудового законодательства и распределения дефицитных продуктов из столовой, о которой шла речь в очерке, — там далеко не редкостью были бесплатные застолья, гостицы почетным гостям и так далее.

Героиня очерка Нина Тимофеевна, которая восстала против порядков, установленных в хозяйстве М. А. Тихонова, была строго наказана — ее на несколько месяцев переводили на нижеоплачиваемую работу, пытались с помощью ОБХСС покарать в уголовном порядке, одно время ей пришлось работать уборщицей, несмотря на то, что она является мастером-поваром высшей квалификации, получила диплом заведующего производством.

На днях в редакцию пришел ответ начальника главного управления общественного питания Москвы Н. Ф. Завьялова. Вот что он сообщил: «Главное управление общественного питания Мосгорисполкома в связи с опубликованием в журнале «Огонек» № 38 (сентябрь 1981) статьи «Иду на вы!..» сообщает, что директор треста столовых Тушинского района т. Тихонов М. А. освобожден от занимаемой должности и переведен на работу в предприятие».

Честно сказать, нас несколько насторожило это слово «предприятие», употребленное без каких бы то ни было опознавательных знаков. Мы решили позвонить в главк заместителю начальника по кадрам Д. К. Гайдукову.

— Простите, — сказал Дмитрий Кириллович, — но, право же, я сейчас не помню, куда именно мы перевели Тихонова. Забыл.

— Может быть, позвонить через час-два?

— Нет, сегодня я вряд ли смогу установить точно предприятие, где сейчас работает Тихонов.

— Может быть, позвонить на следующей неделе?

— Позвоните лучше начальнику, — посоветовал Дмитрий Кириллович.

Такая таинственность насторожила нас еще больше — какой смысл «забывать» место работы М. А. Тихонова, если об этом знает весь район? Знает это и Нина Тимофеевна. Но когда мы сообщили ей по телефону радостную весть о том, что ее правота подтверждена начальником главка, что М. А. Тихонов «освобожден от занимаемой должности», что правда возгорестовалась, Нина Тимофеевна не заразилась нашей радостью.

— Шуку бросили в реку, — сказала она. — Как он был директором, так им и остался.

— Не может быть! — воскликнули мы и позвонили непосредственно товарищу Тихонову Михаилу Алексеевичу.

— Все совершенно верно, — подтвердил он. — В письме главка написано правильно, я действительно переведен в предприятие. Нынешняя должность моя — директор. Но если раньше я был директором организации, то теперь — директор предприятия фабрики-кухни № 21, расположенной в районе Олимпийской деревни.

Нам оставалось только поблагодарить Михаила Алексеевича за разъяснение.

ТЕТРАДИ

НА УЛИЦЕ ГОЙИ

Пока мы усаживаемся на высокие круглые табуреты, официант настороженно наблюдает за нами.

— Слушаю вас, сеньоры.

— Кофе и чурро*.

Официант отходит. Но полные подозрения взгляды тех, кто сидит вокруг, продолжают облеплять нас со всех сторон.

...Я знал, что кафе «Калифорния» на улице Гойи — штаб-квартира испанских фашистов. Чернорубашечники на улице Гойи... Знаменательное совпадение. Даже символическое. Помните зловещие человекоподобные фигуры, которые бьются в конвульсиях, пожирают лю-

ковник трижды выстрелил в воздух и закричал: «Не двигаться! Всем лечь!» Депутаты узнали Техеро Молина. Вскоре раздалась новая команда: «Сесты! Руки перед собой!»

Другие налетчики тем временем отключили внутреннюю телевизионную сеть. Парламент оказался отрезанным от мира.

Взобравшись на трибуну, Техеро Молина объявил: гражданское правительство низложено, отныне в Испании командуют военные; в парламент вот-вот придет «важное и компетентное лицо из вооруженных сил», которое скажет, что делать дальше.

Любопытно, что среди задержанных депутатов находился глава испанской делегации на Мадридской встрече по безопасности и сотрудничеству в Европе Хавьер Руперс. На следующий день он собирался произнести на встрече речь, посвященную «терроризму». Руперс планировал порассуждать о «поддержке Москвой международного терроризма»...

«Важное и компетентное лицо» все не появлялось. Зато на экранах телевизоров во втором часу ночи появился король Хуан Карлос.

лись детали, в заговор вовлекали и полицейских и гражданских лиц из числа влиятельных политиков и бизнесменов. Вооруженные акции должны были стать делом Техеро и уже с ним, а на господ в гражданской одежде возлагалась задача воздействовать на общественное мнение.

Но и это еще не все. Среди заговорщиков были и фашисты. На видный пост в военной хунте прочили Бласа Пиньяра. При его активном участии наметили первые шаги хунты: объявить в стране чрезвычайное положение, отменить конституцию, предать суду лидеров политических партий и профсоюзов, амнистировать ультраправых деятелей. Говорят, что именно «каудильо» произнес фразу, которая стала у заговорщиков паролем: «Еще до весны должен зацвести миндаль».

23 февраля миндаль, как известно, не зацвел; тем не менее предстоит борьба за то, чтобы простые фразы вроде «Над всей Испанией безоблачное небо» или «Еще до весны должен зацвести миндаль» не несли зловещего смысла. И борьба нелегкая. Тот же Пиньяр беспрерывно совершает воляжи по Испании. Он выступает с речами, восхваляя путчистов и уверяя, будто за события 23 февраля ответственны не они, а те, кто «неправильно руководит страной».

Франкисты и фашисты... Кто не знает, в какую пучину крови и страданий ввергли они некогда страну! Кто не помнит взволнованных

Тризрочки «КАПРИЧОС»

дей на полотнах замечательного художника, прежде всего в его серии «Капричос»? Появились они сегодня, и можно было бы смело сказать, что Гойя изобразил фашистов.

Вот что бросается в глаза на улице Гойи. Там и тут лотки с весьма своеобразным товаром. Портреты Франко, магнитофонные кассеты с записями его речей, ордена и медали, которыми награждались подручные каудильо. И еще таблички с... названиями улиц. Дело в том, что за минувший год муниципалитет Мадрида переименовал тридцать улиц, убрав имена фашистских главарей, и здесь торгуют табличками с прежними названиями.

— В этом квартале особенно сильно влияние ультраправых. Отсюда избран в парламент Блас Пиньяр — единственный депутат от неофашистской партии, — объясняет мой спутник, советский журналист.

Шестидесятилетнего Пиньяра, как и Франко, величают «каудильо». По профессии он адвокат, но защищать предпочитает гитлеризм. Его «Фуэрса нуэва», крупнейшая из неофашистских партий страны, возникла сразу после смерти Франко. Она объявила себя «новой силой» (отсюда и название партии) и наследницей идей диктатора. Молодчики из «Фуэрса нуэва» идут на все, вплоть до убийств и попыток военного переворота. События 23 февраля не обошлись без участия «команды» Пиньяра.

Что же случилось в тот день?

В парламенте шло вечернее заседание. Утверждалась кандидатура нового главы правительства. Адольфо Суарес подал в отставку, и на его пост выдвинули Л. Кальво Сотело.

Стрелки часов приблизились к половине седьмого. Вдруг послышались громкие крики. Разбрасывая охранников, в зал заседаний ворвались гражданские гвардейцы. Так называют солдат жандармерии. Их было около ста пятидесяти.

События разворачивались словно в детективном фильме. Коренастый уса́тый подпол-

Он был в военной форме. Это напомнило испанцам, что именно король — верховный главнокомандующий страны и что армия должна повиноваться только ему. Хуан Карлос не трагил слов понапрасну. Он приказал военному-служащим «немедленно восстановить конституционный порядок».

Техеро Молина об этом ничего не знал. Он давал по телефону интервью знакомому журналисту, похвалился: «Я чувствую себя великолепно...» И замолчал на полуслове, услышав выстрелы. Подбежал к окну и увидел, что здание окружено плотным кольцом войск, полиции и жандармерии. Увидели это и мятежники. Они начали выпрыгивать из окон первого этажа, размахивая белыми платками. К полудню освободили всех депутатов, а спустя полчаса сдался и Техеро Молина...

Попытка путча... Сообщение об этом было для испанцев словно гром среди ясного неба. «Какой позор!», «Как это могло случиться?» — такие высказывания звучали в конце февраля повсюду.

Но когда люди всерьез задумались о том, что произошло, ясное небо над Мадридом представилось им уже хмурым, со свинцовыми, тяжелыми тучами. Безостановочный рост дороговизны и безработицы (армия «лишних людей» перевалила за полтора миллиона человек) — ведь именно на такой почве растут семена насилия.

Испанцы задумались и о другом. О том, кто и почему попытался силой оружия захватить власть.

Непосредственные участники заговора — военные. У Техеро Молина в Испании мрачная слава. Три года назад он собирался захватить членов кабинета министров во дворце Монклоа и потребовать создания военного правительства. Тогда заговор раскрыли и его участников, включая Техеро, арестовали. Но вскоре выпустили.

Почему подполковника не уволили из армии? Почему дали возможность готовить новый мятеж? Эти вопросы остаются без вразумительного ответа.

Удар готовился несколько лет. Еще в 1977 году заговорщики устроили тайную сходку в провинции Валенсия. Тщательно отрабаты-

стرون Хемингуэя и Неруды! На весь мир прозвучали из осажденного Мадрида слова Михаила Кольцова: «Плач, рыдания, вопли обезумевших людей разносятся по улицам... На пороге 1937 года фашистский милитаризм перед глазами всего мира уничтожает громадный европейский столичный город».

О том времени снова и снова вспоминаешь в Мадриде.

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ

Пьем кофе, осматриваемся. С неофашистами доводилось сталкиваться в разных странах, и обстановка, как правило, была зловещей: темный, увешанный гитлеровскими реликвиями бар «Цум Егерлендер» в Гамбурге; охраняемое вооруженными громилками здание на лондонской улице Сауст Одли-стрит... Здесь же, в кафе «Калифорния», просторно и чисто.

Вглядываюсь в лица. Большинство пожилые. Раньше они верой и правдой служили Франко, а теперь изо всех сил стараются вернуть «коричневое прошлое».

Листовки ультраправых развешаны даже в самых дорогих для испанцев местах. На стене величественного собора рядом с полотнами Эль Греко, Тициана, Гойи в древнем Толедо — бывшей столице испанского королевства, в которой Сервантес нашел рукопись о безумствах Алонсо Кихано и зачитывался ею, а потом создал бессмертный образ Дон Кихота и где делают знаменитую червленую сталь... Возле мадридской гостиницы «Палас» — в ней в годы гражданской войны жили те, кто страстно ненавидел фашизм: Хемингуэй, Кольцов, Кармен, — и находился госпиталь республиканцев... На доме-музее Пикассо в южной красавице Барселоне... Смысл всех листовок одинаков: «Мы еще вернемся». Оформление тоже не оригинальное — свастика.

«Конституция ясно и недвусмысленно запрещает формирование военизированных группировок, — констатирует мадридский журнал «Калье». — Однако такие организации продолжают чувствовать себя свободно. Их членам, помимо всего прочего, систематически вдалб-

* Чурро — испанские пончики.

ливают в голову мысль о необходимости вооруженного восстания».

Франкисты окопались в политических, экономических и в военных кругах. В одном из полков каждое утро зачитывают приказ, в котором упоминают о событиях, происшедших в этот день во время гражданской войны. При этом прославляют франкистов и осуждают «происки красных».

Экстремистов объявляют героями и великомучениками. В казармах воинской части в Гетафе, где под арестом содержался несостоявшийся глава военной хунты генерал Армада, пытались устроить его чествование. А Техеро Молина чествовал сам себя. Тюрьма не мешала ему писать мемуары и рассылать их по редакциям газет и журналов.

Читаешь и не веришь своим глазам: кому газета предоставила слово? Обвиняемому? Нет, явно обвинителю, причем самозваному, который и в следующий раз, если представится случай, ворвется с оружием под парламентские своды!

«Подобная статья — прямой вызов консти-

те, тоже имеют отношение к армии. Время от времени они топают ногами, свистят.

Взоры обращены на кафедру, с которой проповедует весьма своеобразный «пастор»: с усиками, вместо сутаны — клетчатый пиджак.

У «пастора» хорошо поставленный голос: «Группа гангстеров из тред-юнионов пытается поднять мятеж, а русские их подстрекают...»

Это Уолтер Уокер, бывший главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Северной Европе. На кафедру он взобрался с благословения своего приятеля — vicария церкви.

Генерал возглавлял организацию «Гражданская помощь». Если верить Уокеру, его отряды насчитывали сто тысяч добровольцев. Правой рукой генерала был Джордж Янг, секретарь «Гражданской помощи», в прошлом заместитель директора «Сикрет интеллидженс сервис» — английской разведывательной службы. Другие руководители организации под стать им: бывшие разведчики и военнослужащие. А имя молодого человека у дверей — Брайон Казенс, он отвечал за безопасность.

Генерал дважды с помпой объявлял, что его армия приведена в состояние боевой готовности, поскольку коммунисты «усилили происки». Штурмовики готовили в специальных лагерях, чтобы перебрасывать в районы стачек. Они должны были захватывать заводы, фабрики, электростанции и работать на них в качестве штрейкбрехеров. В случае необходи-

мости им надлежало «проявить себя и в международном масштабе».

Может быть, именно для этого и прибыл в Мадрид Брайон Казенс?

— По-моему, мы встречались? — спрашиваю я.

Он удивлен:

— Когда же?

Напоминаю о церкви, о собрании английских неонацистов. На лице Казенса мелькает знакомая ухмылка:

— Да, мы тогда были сильны. Но потом началась грызня, и «Гражданская помощь» развалилась.

— А сюда вы зачем пожаловали?

— Неужели непонятно? Сейчас нам всем надо быть здесь.

Казенс отходит от стойки, снова садится за свой столик. Он что-то говорит соседям, показывая на нас...

Да, попытка переворота доказала, что международная реакция не намерена сидеть сложа руки. В заговоре участвовали не одни лишь испанские правые. Из Португалии прибыла вооруженная группа. Она состояла из ветеранов колониальной армии, а возглавлял ее некий «банкир из Анголы», бежавший оттуда после победы патриотов. Группа тайно пересекла границу и ждала сигнала от гвардейцев. Но так и не дождалась.

Провал испанских путчистов сорвал тщательную продуманную операцию их португальских «коллегов». Ее намечали на 25 апреля — годовщину революции. Профашистски настроенные офицеры, сторонники бывшего диктатора Салазара, планировали в этот день совершить переворот и свергнуть президента Рамалью Занеша.

Операцией командовал Герен-Сэрак. Он в прошлом капитан французской армии, один из главарей «Черного интернационала». Герен-Сэрак руководил и другим центром международного фашизма, который скрывался под вывеской информационного агентства «Ажинтер пресс».

В общем, налицо сеть единого заговора, опутавшего Пиренейский полуостров.

Но плели эту сеть не только на Пиренеях. Не обошлось и без участия Пиночета. Чилийский диктатор, давний восторженный поклонник Франко, встретился в Сантьяго с владельцем кастильского банка, которого пригласили испанские путчисты, и обещал ему сто миллионов песет.

Посланцы «коричневых» побывали и в Соединенных Штатах. Там их тоже встретили с распростертыми объятиями. Как сообщали газеты, Вашингтон дал понять, что он одобряет путч.

В таком же духе высказывался и Ф.-И. Штра-

мид — Москва.

И хотя мятеж провалился, все эти «друзья» Мадрида отнюдь не смирились с поражением.

В Париже в первых числах апреля прошло тайное собрание ультраправых из доброго десятка западноевропейских и полудюжины латиноамериканских государств. Они обвинили некоторых испанских генералов и офицеров в трусости и даже предательстве и призвали военных в следующий раз действовать «более решительно».

Впрочем, «ультра» не забывают и о собственном доме. В разных государствах Запады все выше поднимают голову террористы и фашисты.

Мюнхен, Париж, Болонья... В конце прошлого года взрывы бомб почти одновременно потрясли эти три города. И более того: они потрясли весь мир. Еще никогда в последние десятилетия неонацисты не заявляли о себе столь кровавыми преступлениями!

В Мюнхене погибли 12 человек, среди них трое детей, а 215 были ранены. Это злодеяние совершила «Военно-спортивная группа» Гофмана. Нет, к спорту члены ее никакого отношения не имеют. А вот к войне — самое непосредственное: они учатся убивать. У их фюрера К.-Х. Гофмана немалый опыт по этой части: он бывший наемник в Родезии.

Однажды по западногерманскому телевидению мне довелось лицезреть Гофмана. Вначале показали пивную «Красная лошадь» в Нюрнберге, которой он владеет. Развалившись за стойкой бара, Гофман вещал в телекамеру: «Австрия должна войти обратно в нашу империю, но до этого надо воссоединиться с зоной» (так на языке неонацистов именуется ГДР). Следующие кадры запечатлели Гофмана уже «в деле» — он демонстрировал приемы силовой борьбы, объясняя зрителям: «Я быю вот так. А если он удерживается на ногах, то вот так. Если вмешивается еще один, быю вот так. А этот уже валется на землю...»

В 1956 году полиция конфисковала у Гофмана пистолет, тогда ему было девятнадцать лет. В 1963 году его арестовали за контрабанду оружия. А спустя полтора десятилетия он и его «спортсмены» уже имели в своем распоряжении огромный арсенал пистолетов, винтовок, гранат. Они разъезжали на бронемашинах, проводили учения на полигонах.

Ныне западногерманские неонацисты вооружены лучше, чем штурмовики в канун прихода Гитлера к власти. А всего в ФРГ действует около 200 профашистских группировок, в них входит почти двадцать тысяч человек. Они совершают диверсии (недавно пытались взорвать телевизионные мачты «в наказание» за трансляцию антифашистского телефильма), распространяют листовки (например, таковую: «Прекрасно, что люди еще помнят о концентрационных лагерях, мы превратим эти воспоминания в действительность»).

Вот они, факты. И они напроочь зачеркивают утверждения некоторых западных идеологов о «малозначительности» и «безобидности» неонацистов.

«МЫ ПЛЮЕМ НА ДЕМОКРАТИЮ»

К нам приблизились двое. Руки в карманах, один — пожилой — что-то насвистывает, другой — верзила лет тридцати пяти — смотрит мрачно, угрюмо.

— Вы красные шпионы, — прошамкал старик.

— Почему вы так решили?

— Тут бывают только свои.

— Что значит «свои»?

— Могу объяснить. Особой тайны нет. Я — правая рука Пиньяра. Мое имя? Мигель Гонсалес. Нас становится все больше. К нам идут потому, что мы предлагаем выход.

— Выход откуда?

— Из тупика. Страна больна. Цены скачут. Нужна железная рука, такая, как у Гитлера. Или у Франко. А мы плюем на демократию, не верим этому слюнявству. Эти трусы посмели недавно арестовать одного из наших парней. Они, видите ли, нашли у него оборудование для производства огнестрельного оружия. Но даже если и нашли, что из того? Нам необходимо оружие. В том числе и для того, чтобы бить «красных». Вот таких, как вы.

Старик явно «завелся»: его лицо дергается, голос дрожит, он брызгает слюной. Верзила молча делает шаг в нашу сторону. Не скрою: становится жутковато.

В эту минуту дверь распаивается. Девушка в бирюзовом плаще кричит с порога: «Нацистская нечисть!» «Воины» бросаются за ней. И видят, что тротуар у входа в кафе заполнили молодые люди.

На плакатах, которые держали юноши и девушки возле кафе «Калифорния», начертано: «Нет — фашизму! Да — Мадридской встрече!»

Фашисты, выбежав из кафе, натолкнулись на стену. Стену более твердую, чем камень. И они остановились. Потом ушли. Им стало ясно, что силы не равны...

Мадрид — Москва.

23 февраля 1981 года. Попытка военного переворота в Испании. В центре — подполковник Техеро Молина.

тутции, всей нации», — с возмущением заявил депутат-коммунист Соле Туре. Председатель правительства Л. Кальво Сотело распорядился провести расследование выходки Техеро.

Тем не менее в испанских книжных магазинах появляются все новые сочинения, на обложках которых красуется мрачный усатый подполковник с пистолетом в поднятой руке.

К арестованным заговорщикам мог прийти практически любой; двери тюрьмы, как это ни парадоксально, были гостеприимно распахнуты. Заключение даже установили «часы приема». Что приносили с собой визитеры? Может быть, план нового мятежа?

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Метрах в пяти от нас сидит мужчина, лицо которого очень знакомо. Светлые выщипанные волосы, большой, немного приплюснутый нос, тяжелая челюсть. Где-то я его видел. Но где? Вот он встает, подходит к стойке бара и говорит, слегка заикаясь, по-английски:

— Четыре пива.

Этот громкий голос, легкое заикание. И тут все становится на свои места.

...Лондонская церковь. Серое с подпалинами здание, на башенке часы. Однако в тот день тяжелая металлическая дверь была на запоре.

Стучу.

Дверь приоткрывается. Мужской голос рявкает:

— Кто?

Отвечаю:

— Корреспондент.

— Подождите.

Минуты через две порог переступает блондин в сером костюме и модной рубашке в широкую полоску. Он громко, чуть заикаясь, произносит:

— Мы не можем вас впустить. И просим немедленно покинуть территорию церкви, сегодня здесь не место посторонним.

— Разве церковь — военная база? Или ваша собственность?

Вместо ответа он захлопывает дверь. Я снова стучу. Долго, настойчиво. Опять скрипит засов. Молодой человек снова стоит на пороге.

— Ну ладно, раз вам так хочется. Поглядим, получите ли вы удовольствие. — Его рот кривит угрожающая ухмылка.

Вхожу. Внутри жарко, накурено (хотя в церкви, как известно, курить не разрешается).

«Прихожане» преимущественно военные. А многие из тех, кто в штатском, судя по выправ-

В. ВИКТОРОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Баден-Баден не числится в ряду спортивных столиц мира. В этом уютном курортном городке, расположенном в отрогах Шварцвальда, между двумя крупными промышленными центрами ФРГ — Карлсруэ и Штутгартом, не проводятся соревнования ни на открытых, ни на закрытых аренах (кроме шахматных турниров). Не атлеты, а ревматики и игроки заселяют многочисленные отели, и бег шарика по кругу рулетки вполне заменяет здешним любителям острых ощущений бег по кругу стадиона.

Баден-Баден, выведенный Достоевским в романе «Игрок» под

На трибуне конгресса Владислав Третьяк.

названием Рулетенбург, славится своим казино и радиоактивными водами, и для посетителей рулетки и водолечебниц атлетические забавы такое же потустороннее зрелище, как для служивого баден-баденского люда — драгоценности, выставленные в витринах ювелирных салонов. И вдруг все изменилось на модном курорте. Апартаменты в отелях были забронированы для членов Международного и национальных олимпийских комитетов, президентов спортивных федераций, многочисленных журналистов, известных спортсменов. Распахнул свои двери обширный пресс-центр с неизменным строем пишущих машинок, телетайпных и телефонных линий, боксов, которые сразу же были до предела загружены кипами протоколов, извещений, рекламных проспектов и справочных брошюр. Все это так напоминало картину олимпийского пресс-центра в Москве, что невольно казалось, будто XXII Олимпийские игры стартуют заново. И это сходство еще более усилилось, когда журналистам были выданы традиционные сумки, именные удостоверения и

значки. Но на сей раз нас ожидало спортивное зрелище особого рода, в котором главные роли предстояло сыграть не спортсменам, а тем, кто обеспечивает расцвет олимпийского спорта во всем мире, — членам Международного Олимпийского Комитета, представителям национальных олимпийских комитетов и международных федераций. Нам предстояло наблюдать борьбу, но не столь явную, как на обычных соревнованиях, победы, но не столь убедительные, как на стадионах, и рождение рекордов, но не подлежащих регистрации. Короче говоря, мы должны были присутствовать на Всемирном Олимпийском конгрессе, и на значках, врученных нам, был изображен круг с вписанным в него зеленым квадратом. Квадрат можно было понимать как зал заседаний, а круг, его обрамлявший, как стадионный овал, и эта символика настраивала нас на тревожный лад. Ведь в течение многих столетий математики безуспешно пытались решить загадку квадратуры круга, и в конце концов само понятие «квадратура круга» стало символом неразрешимости.

Не потому ли квадрат, вписанный в круг, стал эмблемой конгресса, что ему предстояло решить неразрешимые задачи? Ведь в его программе значились сложнейшие вопросы — будущее Олимпийских игр, будущее олимпийского движения.

Эти вопросы витали в воздухе еще задолго до открытия XI конгресса, тревожа умы спортивных деятелей и атлетов. И надо сказать, что параллель между XXII Олимпиадой и XI Олимпийским конгрессом оказалась вполне правомочной еще и потому, что повестка дня конгресса родилась после попыток сорвать московский форум. На конгрессе надо было разоблачить окончательно беспардонных заокеанских политиков, пытавшихся подчинить себе олимпийское движение, использовать спорт в своих корыстных целях. Вот почему с первого и до последнего дня отзвуки Московской Олимпиады витали над Курхаузом Баден-Бадена, где проходил конгресс.

Его состав был исключительно представительный. В заседаниях мирового парламента спорта, как назвал Олимпийский конгресс в своей приветственной речи Президент Федеративной Республики Германии Карл Карстенс, участвовало 82 члена МОКа, представители всех 26 международных олимпийских федераций, 9 федераций, признанных МОКом, чьи виды спорта еще не включались в программу Игр. На конгресс прислали свои делегации все 149 национальных олимпийских комитетов, входящих в МОК. А кроме того, впервые в его работе приняли участие 34 олимпийских чемпиона и призера Игр. 500 журналистов съехались со всех концов света и заполнили балконы зала Курхауза, превратив его в импровизированную ложу прессы, в которой они могли с помощью синхронного перевода слушать ораторов. А им было что послушать. Уже в день открытия конгресса в выступлении президента Национального Олимпийского Комитета ФРГ Вилли Дауме прозвучали слова, которые стоят того, чтобы их процитировать. Член исполкома МОКа, один из претендентов на пост прези-

дента Международного Олимпийского Комитета, предупредил участников конгресса:

— Подмести здесь, в Баден-Бадене, в течение двух недель все под ковер и потом продолжать, как раньше, — вот самая большая ошибка, которую мы можем допустить.

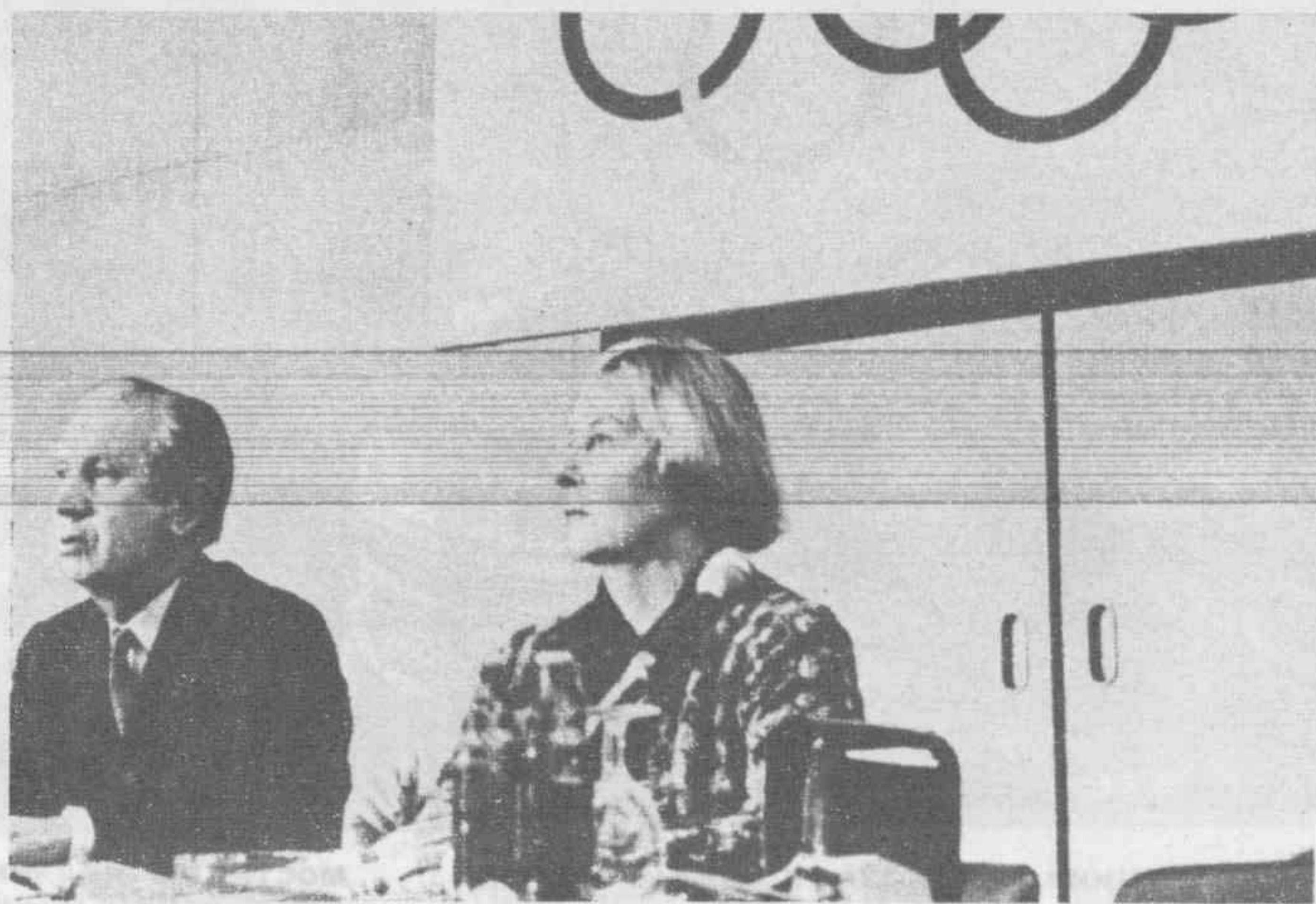
И конгресс не прятал сор под ковер. Выступления ораторов были проникнуты максимальной откровенностью, они без стеснения разоблачали тех, кто пытался подорвать олимпийское движение в мире, открыть двери профессионалам и коммерсантам, прекратить борьбу с апартеидом, смешать спорт с политикой.

Вот, к примеру, мысль, высказанная президентом МОКа, избранным на этот почетный пост в Москве на заседании Международного Олимпийского Комитета, — Хуаном Антонио Самаранчем: «Олимпийское движение прошло в последние годы через бури, которые опрокинули бы любой другой корабль. Но оно вышло, наоборот, усиленным из последнего испытания, самого тяже-

чтобы преодолеть новые преграды на пути олимпийского движения? Ведь Самаранч напомнил в своей речи о том, что враждебные силы еще существуют. Где же таятся эти враждебные силы: внутри или вне олимпийского движения? На этот вопрос ответ можно было получить только после окончания работы конгресса, но уже его начало говорило о том, что опрокинуть олимпийский корабль никому не удалось, что он после всех испытаний приобрел еще большую остойчивость.

Такова жизненная сила олимпийского движения. Ведь не случайно именно после трагических событий, разыгравшихся на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене, состоялся в 1973 году в Варне X Всемирный Олимпийский конгресс, на котором были заложены новые, демократические основы работы МОКа, а вот теперь, после успешно завершившихся Игр 1980 года в Москве, мы присутствуем на новом конгрессе, который призван укрепить эти демократические основы, придать им новый размах, решить, какими будут Олимпийские игры в будущем.

Одним из главных достижений

За столом президиума президент МОКа Хуан Антонио Самаранч и директор МОКа Моник Берлю.

Фото В. Донатова

лого, которое я помню. Однако враждебные силы и различные интересы, которые безуспешно пытались лишить его своей мечты, все еще существуют».

А я, наслаждаясь этими прямыми, точными, как удар боксера, словами, невольно искал в президиуме того, кто принял на свои плечи натиск бури и устоял, привел олимпийский корабль в московскую гавань. Я искал прежнего президента МОКа — лорда Майкла Килланина, ныне почетного и пожизненного президента МОКа. Его львиный профиль был невозмутим, он внимательно вслушивался в слова своего преемника Самаранча и, может быть, в эти минуты вспоминал кровавую трагедию на Олимпиаде в Мюнхене, отсутствие многих африканских спортсменов на Олимпиаде в Монреале и преступную попытку американской администрации сорвать Олимпиаду в Москве. Все эти грозные события обрушились на плечи лорда Килланина. Не повторяются ли они? Не придется ли новому президенту призвать на помощь все свои силы для того,

конгресса в Варне было привлечение к работе МОКа двух таких больших сил, как национальные олимпийские комитеты и международные федерации. Их представители совместно с представителями МОКа образовали Трехстороннюю комиссию, которая многое сделала для того, чтобы сорвать все попытки политиков, пытавшихся организовать бойкот Московской Олимпиады, и вот теперь трехсторонний принцип снова в действии.

Один за другим выходили на трибуну ораторы, и мы в тот же день получали стенограммы их выступлений. И вот что симптоматично: каждая новая стенограмма начиналась такой формулой: «Силу имеет только живое слово». Да, это была большая сила — слово, звучащее с трибуны конгресса, живое слово. Выступали люди, которые намерены были сохранить олимпийское движение для будущего, обеспечить интересы самой сильной, самой цветущей молодежи мира, те, кто поддержал лорда Килланина в самые для него трудные времена. Всех их — и старых и молодых членов МОКа (молодые постепенно заменяют старых, уходящих в отставку) — объединяет

КВАДРАТУРА КРУГА

любовь к спорту, преданность олимпийской идее. И вот мы слушаем прекрасную речь лорда Килланина, посвященную вопросу о будущем Олимпийских игр. Весомо, грубо, зримо падает в зал слово за словом:

— Очень быстро мы поняли, что нечестным, необдуманным действиям президента США, вздумавшего бойкотировать Олимпийские игры, принадлежащие МОКУ, а не Советскому Союзу, могут быть принесены в жертву олимпийское движение и олимпийские соревнования. Я счастлив сказать, что эта попытка потерпела крах... Победу одержало олимпийское движение, поддержанное многими национальными олимпийскими комитетами, которые использовали свое право участвовать в Играх, организованных, быть может, лучше, чем в предыдущие.

Таково было знаменательное начало конгресса, и оно получило свое продолжение в исчерпывающем докладе председателя Оргкомитета Московской Олимпиады И. Т. Новикова. А мы, слушая его доклад о подготовке и проведении Олимпиады, снова чувствовали себя на московских стадионах. Новиков подводил итоги прошедшей Олимпиады, а спортсмены, впервые получившие слово на конгрессе, говорили о будущем Олимпийских игр. Вздвигаясь, звучал голос нашего замечательного хоккейного вратаря Владислава Третьяка и чемпиона Московской Олимпиады английского бегуна Себастьяна Коу, кенийского стайера Кипчоге Кейно и фехтовальщика из ФРГ Томаса Баха, норвежского лыжника Ивара Формо и болгарской спортсменки Светлы Отцетовой.

Под сводами Курхауза поистине царила олимпийская атмосфера, еще больше укрепившаяся после выступлений председателя Национального Олимпийского Комитета СССР С. П. Павлова, президента Международной федерации гимнастики Ю. Е. Титова, вице-президента МОКа В. Г. Смирнова.

В выступлении Смирнова, заместителя председателя Оргкомитета Московской Олимпиады, прозвучала важная мысль о том, что Олимпиады, несмотря на все их значение, не могут быть восприняты как изначальная и единственная цель олимпийского движения, что Международный Олимпийский Комитет, международные олимпийские федерации должны повседневно заниматься широким воспитанием молодых поколений, и это предложение было воспринято на конгрессе как отклик на решение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта». Знаменательное совпадение: решение партии и Советского правительства было обнародовано на следующий день после открытия Олимпийского конгресса.

И еще более знаменательно то, что мысли, высказанные в этом решении, прозвучали в речах многих членов МОКа. Так, в выступлении Ашвини Кумара — члена Исполнительного комитета МОКа, деятеля индийского олимпийского движения, ставящего вопрос о необходимости культивировать спорт в развивающихся странах, — были такие слова:

— Еще недавно спорт был хобби праздных богачей. Сегодня миллионы людей живут в современных условиях. Спорт стал частью современной жизни и является противовесом чрезмерному комфорту и роскоши нашего времени. Государственные программы оздоровления могут содействовать спорту как вспомогательному средству для достижения физического и духовного благополучия. Это доказанный факт, что занятие физкультурой в свободное время содействует улучшению здоровья... Нам не нужны экзотические спортзалы и стадионы, а нужен объединенный спортивный план, который должны контролировать компетентные международные спортивные организации и национальные олимпийские комитеты, задачей которых является улучшение положения при помощи Игр, поднятие уровня здоровья бедных, угнетенных народов.

Да, на конгрессе не прятали сор под ковер, и Масадзи Киекава (Япония), вице-президент МОКа, и Денис Фоллоус, президент Олимпийского объединения Великобритании, и Хосе Хамарра Соринья, президент Олимпийского комитета Бразилии, и Милан Эрцеган (Югославия), президент международной федерации борьбы, и Сабино Эрнандес, президент Олимпийского комитета Эквадора, и Луис Гиранду Н. Дье (Берег Слоновой Кости), защищавший интересы африканских народов, и принц Александр де Мерод (Бельгия) ставили вопросы о сохранении любительского характера Олимпиад, требовали не допускать к соревнованиям профессионалов, препятствовать коммерциализации Игр и не допускать применения допинга, сохранять торжественный церемониал открытия и награждений, бескомпромиссно бороться с апартеидом. С трибуны звучали молодые голоса вне зависимости от того, сколько лет было выступавшим. И Майкл Килланин и Владислав Третьяк были единодушны в своих взглядах, мнениях и предложениях.

— Теперь вы мне скажете: держать руль — это хорошо, но куда мы плывем? В этом заключается, собственно, цель нашего конгресса, — так говорил в своей речи президент МОКа Самаранч, и когда прозвучали последние выступления, когда была обнародована заключительная декларация и конгресс закончил свою работу, открыл свое очередное заседание Международный Олимпийский Комитет для того, чтобы суммировать многочисленные предложения и идеи, высказанные в течение недели. Вот тогда мы получили ответ, гласящий, что олимпийское движение уверенно плывет в будущее и что руль олимпийского корабля находится в верных руках, что его недруги находятся вне олимпийских рядов.

Поразительным было единодушие людей различных национальностей, различных взглядов, самого разного социального положения, объединенных единой целью, — вопреки усилиям всех врагов олимпийского движения двигать его вперед. Нет, зря нас испугала символика значка XI Олимпийского конгресса: квадрат отлично вписался в круг.

Баден-Баден — Москва.

ГРУСТНОЕ И СМЕШНОЕ РЯДОМ

Популярность народного артиста СССР Аркадия Райкина, отмечающего в эти дни свое семидесятилетие, велика. Люди подчас совсем забывают, что они идут на спектакль Ленинградского театра эстрады. Что за этим спектаклем стоят большой труд актеров, усилия целого коллектива. Они идут «на Райкина».

Бюрократы, единоличники, пьяницы, мещане, халтурщики и бракоделы... Да разве перечислишь все персонажи Аркадия Райкина, созданные им за многие годы работы в Ленинградском театре эстрады! Время идет. Театру за пятьдесят. Его руководитель народный артист СССР А. Райкин в этом театре с первого дня. И он в коллективе — признанный лидер. С него, с его театра началась и новая глава в истории советского театра малых форм. Знакомиться с творчеством Райкина — значит знакомиться с его удивительным умением перевоплощаться, трансформироваться на сцене.

Райкин пришел к сатире от юмора. Это в известной степени наложило отпечаток на все его творчество. Персонажи артиста часто смешны уже внешне. Грустное и смешное — постоянные соседи всех райкинских миниатюр. Больше того, очень часто они уживаются в одной миниатюре, в одном человеке. Трансформация у Райкина — это не только хорошо подготовленный технически трюк, это маленький спектакль со многими действующими лицами, но играть его приходится в необычных обстоятельствах. И надо видеть, как это умеет делать артист. В одной из пантомим, которая длится всего три минуты, Райкин успевает «рассказать» всю жизнь человека от колыбели до смерти. А в другой — буквально на наших глазах побывать в самых разных качествах и сменить не только лицо, но и характер, манеру поведения.

Начинал Аркадий Райкин с эстрады, будучи студентом Института сценических искусств. Как-то ему предложили выступить в концертной программе для подшеф-

ного детского дома. Концерт был приурочен к какому-то событию. Райкину предстояло исполнить инсценированный рассказ в образе докладчика. Он вышел с портфелем, набитым газетами, небрежно бросил его на стол, налив стакан воды из графина, то есть вел себя именно так, как ведут докладчики-профессионалы. И, по правде говоря, никто тогда не понял, что зритель разыгрывают. Несмотря на то, что доклад был составлен из витиеватых и малопонятных фраз, а выступающий все время хотел увязать свой доклад с местным материалом и то и дело поворачивал голову в сторону кулис, громким шепотом спрашивая, кивая в зал: «Какая организация?» Это повторялось несколько раз: докладчик никак не мог удержать в памяти название организации.

Реакция зала была неожиданной. Райкина еще не знали. Еще никто не ведал, что подобные «доклады-монологи» у этого артиста станут любимым средством общения со зрителем. И ему аплодировали без тени улыбки, с уважением, серьезно. А в довершение всего оркестр детдомовцев грянул марш!

Райкин сидел за кулисами и хохотал. Это был первый и последний случай в его творческой жизни, когда в зале стояла тишина, а сам артист смеялся. Теперь люди идут «на Райкина», хорошо зная, что это будет и остро, и смешно, и, может быть, немножко грустно. И его узнают не только на сцене, но и в жизни. Автор этих строк был свидетелем того, как однажды в проезде Серова, за «спиной» ГУМа, выстроился длинный ряд машин и долго задерживался из-за того, что мимо проходил Райкин и водители не могли упустить случая поприветствовать его. Не разобравшись, в чем дело, сотрудник ГАИ пытался было навести порядок, но, когда увидел артиста, уважительно взял под козырек.

Ю. КЛИМОВ

К. И. ДЕРЕВЯНКО,
контр-адмирал в отставке

КАПИТАНЫ СОРОК ПЕРВОГО

К началу сороковых годов в советском торговом флоте выросла целая плеяда замечательных капитанов дальнего плавания. Грянула война, и они показали свою отвагу и мастерство.

Военные дороги свели меня с многими капитанами, которые водили торговые суда рядом с боевыми кораблями: они ходили с десантами и в конвоях, прорывались в осажденные города с пополнением, оружием и боеприпасами...

В дни героической обороны Одессы я был начальником штаба военно-морской базы. Тогда-то и довелось мне познакомиться с капитанами дальнего плавания Андреем Ивановичем Чирковым и Владимиром Яковлевичем Трушом.

Встречаясь с ними перед каждым выходом в море, наставляя на инструктажах, я видел, как упорно и, не боясь этого слова, творчески они стремились постичь сложности тактики морского боя, и главное — умение отражать атаки авиации и кораблей противника. А слушая их доклады по возвращении из опаснейших рейсов, я восхищался их храбростью, изобретательностью и мудростью.

За первые полтора месяца войны грузовое судно «Курск», которым командовал В. Я. Труш, трижды ходило в кавказские порты, доставляя туда раненых, женщин, детей, а назад — боеприпасы и технику для защитников Одессы. Путь этот был непростой — полторы тысячи километров непрерывных боев с самолетами противника.

В августе сорок первого на Черном море появилась фашистская торпедоносная авиация. Встреча с такими самолетами порой заканчивалась гибелью даже для боевых кораблей, а неповоротливые и тихоходные торговые суда, можно сказать, были обречены. Так что плавание таких судов в зоне действия торпедоносцев являлось героическим делом. Если же судно с помощью кораблей охраны сумело отбиться от самолетов, это воспринималось как величайшее искусство экипажа и большое военное счастье.

...Конвой, в котором следовал «Курск» с двумя тысячами солдат пополнения, подвергался непрерывным атакам бомбардировщиков и торпедоносцев, но они были успешно отражены.

На разборе В. Я. Труш доложил, как они отбивались от торпедоносцев.

Перед выходом из Новороссийска капитан получил информацию о тактических приемах вражеских торпедоносцев: как правило, они атакуют в сумерках и на малых высотах. Причем заходили с темной стороны горизонта — самолеты обнаружить трудно. Торпеды сбрасывали с расстояния около тысячи метров — увернуться от них практически невозможно.

Владимир Яковлевич не скрывал, что встречу с торпедоносцами ждал с большими опасениями. Что он мог противопоставить неуязвимым самолетам? Только одно: обнаружить их как можно раньше, чтобы иметь время на маневр.

Ночью на море чем ближе к воде, тем лучше и дальше видно. Поэтому капитан приказал уложить на палубу наблюдателей с винтовками. Как только наблюдатель обнаружит самолет, он должен открыть огонь трассирующими пулями для целеуказания. Позже этот прием позаимствовали и другие капитаны. Вскоре зашло солнце. Начали сгущаться сумерки. Вдруг один из наблюдателей начал стрельбу. Наводчики развернули пушки и пулеметы, открыли огонь по самолету. И хотя он не был подбит, летчик не смог выполнить прицельное торпедометание. А тем временем

Капитан «Курска» В. Я. Труш.

Капитан парохода «Чапаев» А. И. Чирков.

капитан начал маневр уклонения от торпед. Торпеды прошли мимо. Такой же безрезультатной оказалась атака и второго самолета. Это была победа экипажа и капитана судна! — А что вы делали, попав под огонь вражеских береговых батарей на подходе к Одессе? — спросил я у В. Я. Труша.

— Применил противоракетный зигзаг. То есть вел судно переменными курсами. Наш разбор подходил к концу, когда вблизи разорвался снаряд. Капитан побежал осматривать судно.

Еще шла разгрузка боеприпасов, а по трапам «Курска» уже несли носилки с ранеными, шли женщины и дети. В принципе это было грубейшим нарушением правил и величайшим риском. Но другого выхода не было: надо торопиться, чтобы с темнотой выйти в море.

Дабы ободрить своих пассажиров, Владимир Яковлевич не уходил с верхней палубы: он их встречал, размещал в трюмах, помогал организовать питание.

Началась очередная бомбежка, а затем и

артобстрел порта. Но люди спокойны. Они верят морякам и не сомневаются, что благополучно пересекут море. В. Я. Труш просит меня усилить эскорт «Курска»: он знал, что у фашистов появились пикирующие бомбардировщики. Бороться с этими самолетами могли лишь корабли, имеющие сильную артиллерию. Для охраны «Курска» назначен эсминец «Способный», которым командовал капитан-лейтенант Е. А. Козлов. Отразив все атаки авиации, конвой благополучно пришел в Новороссийск.

А вскоре Ставка выделила для обороны Одессы свежую дивизию. Доставить ее должны были торговые суда. В составе конвоя и «Чапаев». По прибытии командир конвоя капитан-лейтенант С. С. Ворков и капитан «Чапаева» А. И. Чирков рассказали, как они отбились от самолетов-пикировщиков. Подойдя к конвою, самолеты образовывали круг, а потом из него по очереди пикировали прямо на пароходы. Но врасплох они никого не застали, хотя и заходили со стороны солнца, считая, что оно будет слепить наблюдателей. Дружные залпы судовых пушек сорвали атаку. «Чапаев» получил лишь несколько пробоин.

В связи с осложнением нашего положения в Крыму Ставка решила перебросить Приморскую армию из Одессы на помощь крымским войскам. В числе других судов «Курск» и «Чапаев» должны были вывозить полки 25-й Чапаевской и кавалерийской дивизий. «Курск» прибыл, а «Чапаева» нет! Нас это очень беспокоило. Истекли последние часы обороны, а с ними и вера в приход «Чапаева». И вдруг донесение с Тендровского поста: «Чапаев» проходит Тендру. Радоваться этому сообщению или печалиться? Ведь судно вошло в зону действия вражеской авиации днем. Приказ предписывал плавать здесь только ночью. «Чапаева» могли утопить в любую минуту. Так уже не раз было и с торговыми судами и с боевыми кораблями, которые пытались днем прорваться в Одессу.

Когда в порту увидели подходящее средь бела дня судно, все ахнули! А капитан порта В. И. Коваль воскликнул: «Да, после такого рейса будет страшно обидно не дожить до победы!»

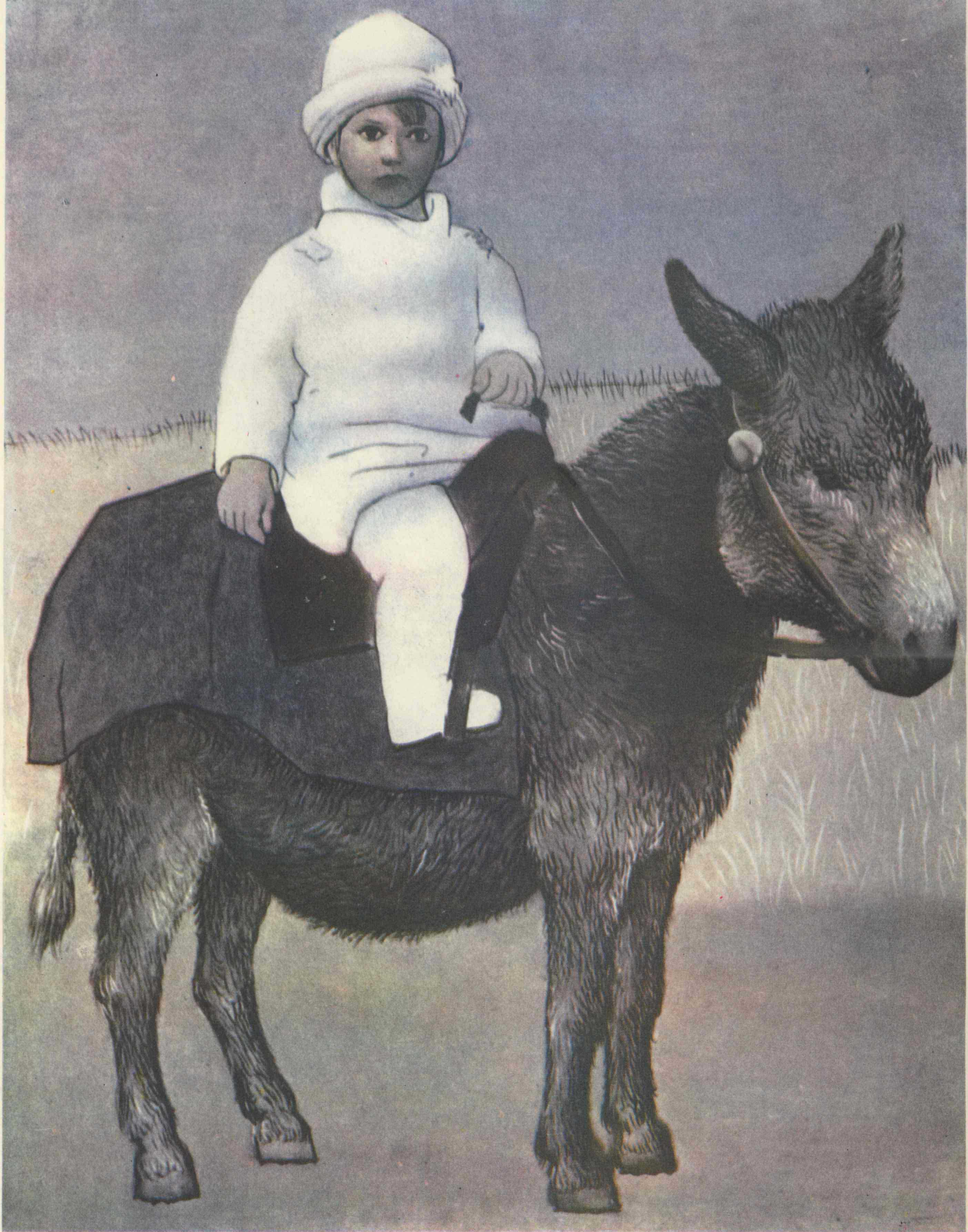
Опасность и риск — на войне обычное дело. Но ведь есть и мастерство. А еще и военное счастье. И действительно, бомбардировщики противника в этот день бомбили вокруг да около и не заделали «Чапаева». Это ли не военное счастье?!

Тогда не принято было изливать восторги. Поблагодарив капитана за дерзкий прорыв, мы поставили ему боевую задачу и попрощались. Как оказалось, навсегда. Весной сорок второго Андрей Иванович Чирков при прорыве в осажденный Севастополь погиб вместе с судном.

А с В. Я. Трушем мне довелось воевать еще целых три года. Он прошел на «Курске» всю войну бессменно — это редкостный случай! Прошел сквозь огонь, разрывы бомб и снарядов, удары торпед, встречи с морскими минами. И не погиб. А ведь на Черном море мы потеряли больше половины торговых судов.

За войну «Курск» совершил сорок восемь боевых походов. И не куда-нибудь, а в самые горячие точки Причерноморья. Это судно участвовало в защите всех черноморских городов-героев: Одессы, Севастополя, Новороссийска, Керчи, а также Кавказа и Крыма, высаживало десант в Феодосию.

За отвагу и большой вклад в победу капитан «Курска» Владимир Яковлевич Труш награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени и многими медалями.

П. Пикассо. СЫН ХУДОЖНИКА.

П. Пикассо. ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

«...С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

Из письма А. С. Пушкина Н. Н. Пушкиной от 21 августа 1833 г.

А ДУШУ ТВОЮ ЛЮБЛЮ...

Художественно-документальная повесть известной советской писательницы Агнии Кузнецовой «А душу твою люблю...» посвящена Наталье Николаевне Пушкиной-Ланской. Чем больше мы узнаем о Пушкине, тем сильнее привлекает нас его окружение и в первую очередь образ жены поэта.

Писем Натальи Николаевны к Пушкину пока не обнаружено. Но есть письма к ней Пушкина, ее обширная переписка с родными и знакомыми, многочисленные воспоминания современников. На основании этого богатого документального материала писательница проследит судьбу своей героини. На страницах повести Наталья Николаевна, умирая, возвращается памятью к прожитой жизни, и за каждой ее страницей — молодости, зрелости, старости — видится облик Пушкина.

Мы предлагаем вниманию читателей несколько глав из новой повести А. Кузнецовой, которая полностью будет напечатана в журнале «Октябрь».

Агния КУЗНЕЦОВА

Шел 1863 год. С деревьев на мокрую землю медленно падали последние разноцветные листья. Они цеплялись за голые ветви, как за единственную надежду продлить жизнь. А безжалостный, холодный дождь, редкий, но крупный сразу же впечатывал их в мокрую землю, как в могилу.

Жухлая трава, прихваченная инеем, жалко клонилась в прощальном поклоне. Солнце, недоброе и нещедрое, пряталось за раздраженными сизыми тучами. Плакал ветер, бесильно бросаясь в окна петербургской квартиры Ланских, где умирала Наталья Николаевна.

Она не верила в то, что умирает. Даже приезд всех детей ее и Пушкина, кроме Натальи, которая находилась за границей, не убеждал ее в этом. Последние годы она часто болела. Ее нездоровье началось с судорог ног, точно таких же, как тогда, когда умирал Александр Сергеевич. Малейшие неприятности, связанные с детьми и мужем Петром Петровичем Ланским, она переживала во много раз тяжелее, чем прежде. Для нее была трагедией неудавшаяся личная жизнь младшей дочери ее и Пушкина Натальи и то, что старшая, Мария, в свои 28 лет была еще не замужем.

Началась бессонница. Ночью тихонько, чтобы не разбудить мужа, она соскальзывала с постели и босая, в одной рубашке прокрадывалась из спальни в столовую, там бросалась на диван и, вцепившись зубами в подушку, старалась заглушить сотрясающие ее рыдания. Потом она подолгу стояла у окна, смотрела на спящие петербургские дома с темными окнами, а на рассвете уходила в свою маленькую молельню, застланную ковром, увешанную иконами, под которыми теплилась лампа-

да, вставала на колени и разговаривала с богом:

— Боже! За что ты наказываешь меня?

Она вспоминала всю жизнь с детства до последнего дня. «Нет, никогда, никому сознательно я не делала плохого... Может быть, ты, господь, наказываешь меня за второе замужество? Но семь лет я выполняла данный самой себе обет. А Пушкин, умирая, дал мне всего лишь два года...»

Потихоньку к бессоннице примешивалась гнетущая тоска, охватывала порой до мучительной физической боли. Иногда хотелось закричать или сделать что-то с собою, чтобы не жить, не страдать этой тоской и бессонницей. Но она знала, что это великий грех, понимала, какое горе принесла бы она детям, мужу, родным. И жила, стараясь скрыть ото всех свое состояние.

Но все чаще и чаще жизнь казалась ей бессмысленной и жестокой, сердце изнывало тоской за родных, обреченных на страдания. О внучатах своих она думала в такие мгновения с отчаянием — представляя огромный, жестокий мир, в который вот-вот бросит их судьба.

Наталья Николаевна лечилась за границей, сваливалась, снова вставала и жила. Казалось, и теперь все будет так же.

Несколько лет тому назад по совету врачей Петр Петрович решил отправить жену на воды, но он хорошо знал, что ради себя она не оставит семью.

Вечером по тайной договоренности задержался домашний врач Ланских. На диване сидела Наталья Николаевна, усталая, исхудавшая, равнодушная ко всему, что в данный момент происходило в столовой. Мария и Александрина играли в шахматы в углу, за круглым столиком, Ланской разговаривал с врачом — пожилым, добродушным и настолько толстым, что, казалось, с трудом он втиснул свое грузное тело между двух бархатных ручек кресла.

— Вот послушай, Таша, что думает Порфирий Андреевич, — сказал Петр Петрович. Наталья Николаевна затушила пахитоску в хрустальной пепельнице и неторопливо повернула к мужчинам бледное, изможденное лицо.

— Я думаю, Наталья Николаевна, что мадам-мазель Марии неплохо было бы провести какое-то время на курорте, попробовать ванны. Да и вам такое лечение было бы небесполезно. Эти лечебные воды были известны еще древним римлянам. Проверено, как видите, временем.

— Мамочка! Поехали! — с восторгом воскликнула Мария, смешав на шахматной доске фигуры.

— А я? — надувая губки, капризно спросила Александрина.

— Ну и ты, разумеется, тоже, — поспешно ответил отец, опасаясь, как это часто случалось, капризной вспышки его старшей дочери.

— За совет спасибо, Порфирий Андреевич, — с мягкой улыбкой сказала Наталья Николаевна доктору, мысленно прикидывая, сколько же будет стоить такая поездка, — мы подумаем.

И все же, как ни сопротивлялась Наталья Николаевна, Петр Петрович настоял, чтобы она с Машей, Александриной и своей старшей сестрой Александрой Николаевной, которая с 1834 года всегда жила с ней, поехала лечиться за границу.

Наталья Николаевна, видимо, страдала истощением нервной системы и переутомлением, хотя точный диагноз не был поставлен и за границей. Она писала мужу: «Уверю тебя, как только сколько-нибудь серьезно заболеешь, теряешь всякое доверие в медицинскую науку. У меня были три лучших врача, и все разного мнения».

Из Бонна и Берлина Наталья Николаевна с семейством переехала в курортный городок и поселилась в недорогом отеле. Она принимала ванны. Пыталась любоваться природой, совсем не такой, как в родном Полотняном Заводе или на петербургских дачах, старалась развлекать себя новыми знакомствами. Но тоска не отступала, и она писала мужу: «В глубине души такая печаль, что я не могу приписать ничему другому, как настоящей тоске по родине».

Родина, думает Наталья Николаевна, вспоминая ту поездку, какая бы она ни была, для меня всю жизнь была священна. Вряд ли я могла бы жить вне своей родины, как мои сестры.

В одном из писем она писала:

«Сегодня утром я тебе писала, что' личности, сидящие с нами за табльдотом, мало интересны, придется мне исправить эту ошибку. Мы, оказывается, были в обществе ни много, ни мало как принцев. Два принца... учатся в Боннском университете, старший из них наследный принц. С ними еще был принц Лип-Детмольдский. Что касается этого последнего, то уверяю тебя, что тетушка, рассмотрев его хорошенько в лорнетку, не решилась бы взять его и в лакеи». «Эти дураки были бы очень удивлены, найдя в Петербурге такую роскошь, о которой не имеют и представления, и общество несравненно более образованное, чем они сами».

В 1862 году здоровье Натальи Николаевны стало еще хуже. К бессоннице и тяжелому настроению прибавился кашель. Ночами она сидела в кровати, опираясь на подушку, и засыпала только под утро. Уже без особых уговоров она провела зиму в Ницце, и ей полегало. Окончательно здоровье ее было подорвано после поездки в Москву. Родные и близкие знакомые уговаривали ее не ездить. Но как же могла она оставаться в Петербурге, когда ее ждали на крестинах внука, которого сын Александр в честь великого деда назвал Александром. Надо было посмотреть на младенца, сердцем матери порадоваться теплоту уюту семьи сына, который женился на Софье Александровне Ланской — племяннице мужа Натальи Николаевны. Столько было тогда хлопот, связанных со свадьбой! Брак долго не разрешали, считая жениха и невесту родственниками. С просьбой об этом браке Наталья Николаевна обращалась к императору. Тогда она еще могла сделать это...

Брак оказался счастливым, не то что у дочери Натальи, которая разошлась с мужем и осталась одна с тремя крошками на руках. Больше года сопротивлялась Наталья Нико-

лаевна браку Натальи с Михаилом Леонтьевичем Дубельтом, ей не хотелось отдавать дочь и потому, что он был сын жандарма, и потому, что жених был старше на 13 лет, и, главное, оттого, что все говорили о тяжелом характере Михаила Леонтьевича, о его увлечении картежной игрой. Но дочь все же настояла на своем.

Историла тоска за дочь Наталью Николаевну. День и ночь думает о ней и не может найти выхода из создавшегося положения. Двое малюток теперь здесь, у Ланских. Дочь Анну отец не отдавал Наталье, а так как работа его была связана с поездками за границу — он возил всюду с собою и дочь.

Как-то в горькую минуту отчаяния сказала Наталья Николаевна детям, чтобы потом... письма к ней Александра Сергеевича, которые хранятся у сына Александра, переданы были Наталье Александровне. Это наследие дорогое.

Знала бы Наталья Николаевна, что пройдут годы и ее Таша, возвратившись на родину, выйдет замуж за приехавшего в Россию принца Николая-Вильгельма Нассауского. А перед

но накрыт стол, и в ожидании обеда каждый занимается своим делом.

Из детской доносятся мягкие удары мяча, грохот падающих игрушек, залихватский смех. Иногда голос няни Параши.

Александра Николаевна, сбросив туфли, уютно устроилась в кресле в будуаре сестры, а та рассказывает со смехом, как вчера на балу у графини Разумовской Наталья Николаевна сражалась в шахматной игре с иностранцем, о котором шла слава как о большом мастере, и обыграла его.

...Они сели за шахматный столик в небольшой комнате, друг против друга. Иностранец, пораженный красотой своей партнерши, некоторое время бездумно любовался ею. Потом опомнился и, быстрым самоуверенным взглядом окинув окруживших их гостей, поглядывая на прекрасную русскую женщину, рискнувшую соревноваться с ним в шахматном искусстве, сказал снисходительно:

— Ну что же, мадам, начнем?

Наталья Николаевна молча кивнула.

И они начали играть. Когда он проиграл,

ся и бледнеет. Она одна знает об оскорбительном письме Пушкина барону Геккерну, посланном вчера.

Пушкин писал:

«Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Портрет А. С. Пушкина работы Т. Райта.

Портрет Н. Н. Пушкиной работы А. Брюллова.

венчанием в Лондоне ей будет пожалован титул графини Меренберг.

Но не дано человеку предвидеть будущее. Лежит Наталья Николаевна под голубым одеялом, разметались ее несобранные темные с проседью волосы по подушке, отороченной кружевом. Часто приходит полузабытье. А в иные минуты ярким видением проносится прошлое. Вся жизнь. С момента сознательности и до последнего мгновения. И особенно одно воспоминание неотвязно всплывает в памяти.

...Серый-серый петербургский день, с ветром и мокрым снегом, сизое, угрожающее небо, нависшее над потемневшими домами.

Днем Наталья Николаевна ездил за старшими детьми, которые были у княгини Мещерской — близкого друга дома Пушкиных. Обычно в такое, сердце Натальи Николаевны в тот день не чуяло беды. Не заметила она и того, как, чуть свернув в сторону, ее сани пропустили встречные, в которых ехал Пушкин с Данзасом. Сердце-вещун и тут смолчало.

Александр Сергеевич опаздывал. Уже дав-

графиня Разумовская, смеясь, сказала гостю:

— Вот какие наши русские женщины! А вы и не знали, что сегодняшняя партнерша ваша — лучшая шахматистка Петербурга!

...И опять молчит сердце-вещун. А в это самое время на Черной речке смертельно раненного Пушкина секунденты ведут к саням.

В безумной тревоге за приемного сына примчался к месту дуэли барон Геккерн. Пушкин не знал, что карета врага привезла его к дому.

...Наталья Николаевна, покинув свой будуар, подошла к окну и, узнав остановившуюся подле их дома карету Геккерна, в негодовании подождала слугу и сказала:

— Передайте барону, что я не могу его принять.

Она возвратилась в будуар, собираясь рассказать сестре, что старик, несмотря ни на что, снова приехал в их дом. Но вдруг сестры услышали поспешные шаги. «Это не шаги Александра Сергеевича», — думает Наталья Николаевна, и в первый раз в этот день в тревожном предчувствии замирает ее сердце.

Александра Николаевна тоже прислушивает-

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможности и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впрямь ваши отеческие увещания. Я не могу

позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин. 26 января 1837 г.

А за два дня до этого Александра Николаевна писала брату Дмитрию в Полотняный Завод:

«...Все кажется довольно спокойным. Жизнь молодоженов идет своим чередом. Катя у нас не бывает; она видится с Ташей у Тетушки и в свете. Что касается меня, то я иногда хожу к ней, я даже один раз обедала, но признаюсь тебе откровенно, я бываю там не без довольно тягостного чувства. Прежде всего я знаю, что это неприятно тому дому, где я живу, а, во-вторых, мои отношения с дядей и племянником не из близких... Катя выиграла, я нахожу, в отношении приличия, она чувствует себя лучше в доме, чем в первые дни: более спокойна, но мне кажется скорее печальна иногда. Она слишком умна, чтобы это показывать и слишком самолюбива тоже; поэтому она старается ввести меня в заблуждение, но у меня, я считаю, взгляд слишком пронзительный, чтобы этого не заметить...»

В письме этом лежат две неисписанные странички почтовых листков. На обеих в середине написано:

«Не читай этих двух страниц, я их нечаянно пропустила, и там может быть скрыты тайны, которые должны остаться под белой бумагой».

Дальше, на следующем листке, Александра Николаевна продолжает: «...Что касается остального, то что мне сказать? То, что происходит в этом подлом мире мучает меня и наводит ужасную тоску. Я была бы так счастлива приехать отдохнуть на несколько месяцев в наш тихий дом в Заводе».

...Дверь открывается без предупреждения, и возникший в ее проеме Константин Карлович Данзас, в расстегнутой верхней одежде, взволнованно говорит прерывающимся голосом:

— Наталья Николаевна! Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Александр Сергеевич легко ранен...

Она бросается в прихожую, ноги ее не держат. Прислоняется к стене и сквозь пелену уходящего сознания видит, как камердинер Никита несет Пушкина в кабинет, прижимая к себе, как ребенка. А распахнутая сползающая шуба волочится по полу.

— Будь спокойна. Ты ни в чем не виновна. Все будет хорошо, — одними губами говорит Пушкин и пытается улыбнуться.

...Потом были ночи и дни, но когда была ночь и когда день — она не знает. Не знает с тех пор, когда ее самое потряс ее же безумный крик:

— Пушкин! Ты будешь жить! — И его лицо, величественное, спокойное и прекрасное, каким она не знала при его жизни.

Иногда она приходила в сознание, видела тетушку Екатерину Ивановну, с багровыми пятнами на щеках, видела свою близкую приятельницу Юлию Строганову, в слезах, с опухшими глазами, Веру Федоровну Вяземскую. Как-то мелькнули в сознании образы Владимира Ивановича Даля, доктора Пушкиных Ивана Тимофеевича Спасского, придворного доктора Арендта, склоняющихся над ней.

Графиня Дарья Федоровна Фикельмон, приятельница Пушкиных, жена австрийского посланника при короле обеих Сицилий, писала тогда: «Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которой ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние».

Наталья Николаевна первый раз заплакала,

когда привели детей. Они испуганно жмутся друг к другу, не понимая, что с матерью и что происходит вокруг. Еще бы! Ведь Сашеньке — белокурому любимцу Пушкина — всего четыре года; Машеньке, как две капли воды похожей на отца и курчавыми волосами и глазами в голубизну, — только пять; толстощекому кудрявому Гришеньке — три, а восьмимесячную Ташу — беленькую, похожую на ангелов, изображенных на стенах церкви, — держит на руках осунувшаяся, потрясенная Александра Николаевна.

— Азенька! — заломила руки Наталья Николаевна. — Азенька! Как же мы теперь без него! Что же теперь я?!

Она не знала, что в эти дни народ толпился не только в прихожей, но и во дворе, у дома и на улице. Не знала, что петербуржцы брали извозчиков, давая им адрес просто «К Пушкину!». А Жуковский на дверях вывешивал бюллетень состояния здоровья Александра Сергеевича.

«...Так принять смерть мог только Пушкин — это одна из сверхчеловеческих особенностей, из которых складывался гений», — думает Наталья Николаевна и вспоминает тот день...

27 января 1837 года.

Накануне Пушкины поехали на бал к графине Разумовской. Было весело. В разгаре танцев Наталья Николаевна как-то вскользь заметила, что Пушкин танцевал несколько раз. Это ее удивило и обрадовало. Последнее время он не танцевал на балах и был мрачен... Он всегда-то на балах вел себя так, точно отбывал повинность, будто попал совсем не в свое общество. Но когда он бывал в небольшой компании близких друзей, не было никого веселее, остроумнее, интереснее его. Как любила Наталья Николаевна эти незабываемые встречи с друзьями!

На том последнем балу у Разумовской Наталья Николаевна слышала, как Пушкин просил Вяземского прислать очередную статью в «Современник» и, как узнала она потом, занимаясь деловыми разговорами и танцуя с дамами, он в то же время тайно ото всех искал секунданта для завтрашней дуэли...

Ночью к Пушкину приезжал секундант Дантеса д'Аршиак и передал вызов на дуэль. Он был подписан Геккерном, а внизу приписка Дантеса: «Читано и одобрено мною».

Пушкин принял вызов.

Наталья Николаевна, утомившись на балу, крепко спала и ничего не слышала.

27 января 1837 года.

До 11 часов он работал, затворившись в кабинете. Читал сочинения Ишимовой. Написал ей письмо. В 11 часов позавтракал в одиночестве, потому что все завтракали раньше и уже разбрелись по комнатам, каждый занялся своим делом.

Наталья Николаевна в своем будуаре подписывала счета. Она рассеянно перечитала их, не стала подсчитывать. Остановилась только на фразе: «Оплачено 222 рубля. Остается долга 314». Обмакнула перо в чернильницу, подписала: «Наталья Пушкина». И прислушалась.

Александр Сергеевич был необычно весел сегодня, ходил по комнате и пел.

В 12 дня она по голосу узнала, что приехал библиотекарь Цветаев. Из кабинета доносились оживленная беседа. Дважды приносили письма. Наталья Николаевна не знала, что были они от секунданта Дантеса.

А она в эти часы подписывала счета и с улыбкой вспоминала, что всегда быстрее, чем Пушкин, могла сосчитать большие суммы. Муж удивлялся и говорил: «У тебя, верно, немалые способности к математике. Вообще мужские способности — шахматистка, наездница...» И вспоминал, как в лице преподавателя математики вызывал его к доске — он долго маялся с непонятными цифрами, не зная, что с ними делать. И когда тот с нетерпением спрашивал: «Ну что в итоге, господин Пушкин?»

— В итоге нуль, — наугад отвечал он.

— У вас, господин Пушкин, на моих уроках все кончается нулем. Садитесь и пишите стихи.

Попутно Пушкин с улыбкой вспоминал, как в аттестате по окончании Лицея было написано, что он проявил особые способности к фехтованию, танцеванию и посредственные к русскому языку.

...27 января 1837 года.

В 12.30 Пушкин вышел на лестницу, но почувствовал, что на улице холодно, — вернулся и вместо бекеши надел шубу.

...Так принять смерть мог только Пушкин, снова думает Наталья Николаевна.

Умирая, он просил составить список неоформленных долгов и подписал их. Он попросил доктора Спасского при нем сжечь какую-то бумагу. Он вынул из поданной ему шкатулки перстни и раздал их друзьям. Данзасу — с бирюзой, тот, что подарил ему когда-то лучший друг Нащокин, подарил со значением, чтобы кольцо это спасало от несчастий; Жуковскому — кольцо, когда-то подаренное графиней Воронцовой.

Он в эти последние часы думал не о себе, не о страшной загадочности смерти, а о детях, о Наталье Николаевне. Доктора поражались его мужеству. Друзья говорили ей потом, что в те моменты Пушкин сотворил с ними чудо — он примирил их со смертью.

Он, умирая, просил передать Николаю I его просьбу заступиться за Данзаса, принимавшего участие в дуэли. Он любил Данзаса за его удивительную храбрость и хладнокровие, ценил его остроты и детскую беспечность, его пренебрежение к благам жизни. А вину свою перед другом он чувствовал остро в минуты смерти.

Князь П. А. Вяземский писал Д. В. Давыдову:

«...Еще сказал и повторил несколько раз Арендт (придворный врач) замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении:

— Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил.

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи с Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом в том же положении, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его рассеянность, его привычку к подобным сценам, чтобы понять всю силу его впечатления. Стало быть, видимое им было так убедительно, так поразительно и полно истины, что пробудило и его внимание и им овладело».

«Посреди самых ужасных физических страданий (заставивших содрогнуться даже привычного к подобным сценам Арендта), Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее невинною в своей смерти и что никогда ни на одну минуту не лишал ее своего доверия и любви».

Княгиня Е. Н. Мещерская-Карамзина

«В течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания непрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь сожалел и о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было три отечества и два имени».

Княгиня Е. Н. Мещерская-Карамзина

НОВАЯ ШЛЯПКА ПОЛИНЬКИ

ТВ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Да разве кто-нибудь помнит ныне эту нелепо-странную, смешную сегодня дамскую шляпку «корзинкой», изобильно украшенную всяческими кружевами и перьями, которую экран ТВ показал нам вдруг крупным планом, когда знакомились мы с жизнью героев пьесы Островского «Доходное место»? Показал хоть и мимоходом, но отнюдь не случайно, а вроде бы сделав ее той — пусть малой — каплей, которая, согласно пословице, даже камень точит...

Вот так ведь и «точит» злополучная шляпка нравственные устои Полинькиного мужа, бедного чиновника Жадова в фильме-спектакле «Доходное место», поставленном по А. Н. Островскому М. И. Царевым и В. М. Рыжковым... Со шляпки начинается Полинькино «противостояние» Жадову, Полинькин внутренний бунт. Завороженная шляпкой — щедрым подарком Юлиньки, сестры, разбогатевшей благодаря взяточничеству супруга Белогубова, пусть Юлинькой и нелюбимого, зато всегда тороватого, а для жены особенно, (да еще если приласкает) — Полинька, при всей детской хрупкости ее натуры, быть может, в дальнейшем и совсем ломает те принципы, которыми

руководствуется честный человек Жадов...

Прочтение телевидением классической пьесы, которая не сходит — и никогда не сойдет, наверное, со сцены, пока существует театр, — кажется на первый взгляд традиционным. Тут будто бы все узнаваемо, начиная от оформления художника Е. Куманькова, кончая крупной, искони присущей Малому театру лепкой образов, отчетливостью характеров и отношений. Но в то же время постановщики очень остро и очень чутко уловили именно те особенности драматургии А. Н. Островского, которые нужны телевидению. Точнее говоря, нужны зрителю, находящемуся порой один на один с прошлым и будущим героев — со всей их жизнью, со всем ее звучанием и настроением. А главное, с той стержневой внутренней мыслью, идеей, духовной концепцией, которая во всей этой жизни непременно содержится и ее определяет.

Вот так они и зазвучали, эти жизни; так выявились коллизии; так мощно определилась драматургия великого писателя, которую столько уж раз пытались сбросить с афиш, изъять из репертуара как якобы отжившую, ненужную; да и при жизни А. Н. Островского не больно-то ее читали... Так порой случается еще и нынче. Но это — к слову... Что же касается сути «Доходного места», бережно и серьезно прочитанного телевидением, то здесь главным

стала, хочется повторить, жизненная глубина существования каждого человека. Та самая глубина, которая и есть заветная суть искусства, суть его проникновения в окружающий нас мир — вчерашний и сегодняшний...

Не отжившие уникамы возникают перед нами на экране, а люди с плотью и кровью, с их малыми радостями и большими страданиями, — чаще всего со всей той нравственной, а то и реально свершившейся, грянувшей бедой, которую чаще всего оборачивались (и, наверное, будут еще оборачиваться) любые «доходные места», — самая жажда их, самое стремление к ним...

Коллектив спектакля-фильма, сохраняя верность буквально каждому слову Островского, добивается той правды отношений и поступков героев, той обоснованной, доказательной их силы, которая дается лишь пониманием сложности, многосторонности души, пусть вроде бы самой «малой» (в русской литературе, кстати сказать, таких вообще не бывает)... И вот мы видим перед собой сановитого, вельможного, уверенно-властного Вышневого; он по-своему даже все еще красив у М. И. Царева, красив личиной кажущегося могущества, уверенности. Но мы видим и то, что все это не более чем личина: герой Царева и несчастен и нелюбим. Он вовсе не знает дела, которое ему доверено и которым не он командует, а хитрейший невежда, плут и подхалим Аким Акимыч Юсов, блистательно сыгранный Р. Филипповым... Мы видим несчастную жену Вышневого (Н. Корниенко), в прошлом бедную невесту, купленную когда-то этим магнатом. Купленную и себе и ему на горе. Она всей душой сочувствует Жадову, племяннику Вышневого, но помочь ему не может ничем. Аким Акимыч куда сильнее всех! Сильнее в главном — в распределении милостей начальства, доходных мест и всех вообще благ, которыми надо уметь завладеть хитростью и подхалимством... Жадов же В. Богина, пожалуй, слишком уж прямолинейно честен. В отличие от ярко сыгранного В. Павловым Белогубова, откровенно пресмыкающегося, трепетно целующего то ручку, то плечико покровителя, Жадов предельно скуп на выражение чувств вообще. Пожалуй, даже слишком скуп... Невольно вспоминаешь, какою богатой душою наделил Жадова в свое время М. И. Царев. Ведь Жадов — сложнейший образ, — выражение передовых взглядов лучшей части той русской разночинной молодежи, которая в более поздние годы шла в революцию. Жадов человечен и силен у Островского. А тут Полинька вдруг оказывается, пожалуй что, и посильнее мужа. Получив «уроки» поведения от сестры и маменьки, она слишком уж легко

тянет Жадова к Вышневскому за «доходным местом». Да поздно: кончился Вышневецкий! Прогнали его. Разве что теперь лишь Аким Акимыч чудом уцелеет. Но ему-то Жадов вовсе ни к чему!

Может — опять же чудом — уцелеть Белогубов!.. И вот тогда-то Юлинька снова приедет к сестре с новомодной шляпкой — разумеется, иного уже фасона, — либо привезет что-нибудь, еще более соблазнительное: сапожки на высоченном каблучке, да мало ли что еще придумают «законодатели» фасонов для таких вот юлинок и полинок, неведомо зачем живущих на земле, не приносящих людям никакой пользы, а себе — один лишь вред...

Е. Доронина в роли Юлиньки играет юную особу, вполне достойную тех «трудов», что были затрачены на растление ее души маменькой, Фелицатой Герасимовной. Маменька — О. Хорькова — явление страшное, я бы даже сказала, грозное, — так бесстыдно-наступательна, уверена она в своей хищнической сути... Может быть, сегодня таких маманек в столь откровенном виде уже и не увидишь (как увидишь, например, скромненького внешне Аким Акимыча). Но ведь важен торгашеский, сутенерский смысл того безнравственного «воспитания», того полного душевного отторжения Фелицаты Герасимовны от внутреннего мира своих девочек, смысл того яда, каким она пичкает дочерей так старательно...

Полиньку-то мать не шпыняла и не муштровала уж очень настойчиво, когда устраивала «смотрины» своих невест перед очередным парадом, или, вернее, перед их торговой выставкой. Поэтому Полинька выглядит у Е. Цыплаковой более наивной, хрупкой, милой и беззащитной. Но все это может слететь с нее — да ведь и слетает — при первом же испытании (шляпкой!)...

При первой же ссоре с Жадовым эта нежная Полинька вдруг и покажет свои, очень острые зубки! И скажет мужу злые и обидные слова. И сравнит его — унижительно сравнит! — с разбогатевшим жуликом Белогубовым, который так холит и лелеет свою ненаглядную, продавшуюся ему Юлиньку...

Я еще не сказала об одной небольшой, но замечательно сыгранной роли: это А. Кочетков — адвокат, умело обирающий купцов. Как всегда бывает у артиста, способного принести на сцену всю судьбу человека со всеми его достоинствами и недостатками, он потрясает нас и горечью и цинизмом своего особого «доходного места», своей выстраданной возможностью отплатить унижением за унижение. «Купчишки» — клиентура Досуева — теперь боятся как огня этого человека с глазами загнутого зверя... Еще один вариант безрадостно добытого человеком, презираемого им «дохода»... Вариант, может быть, страшнее всех прочих... Кстати, они чем-то близки здесь — Вышневецкий и Досуев...

Поистине бессмертен Островский; бессмертны его простые, из жизни взятые человеческие трагедии; бессмертно утверждение вечных законов добра и совести, отвергающих самое страшное в жизни — корысть. И предательство.

О. Хорькова
и Р. Филиппов
в «Доходном
месте».

Фото
Н. Агеева

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ МДИВАНИ

Умер Георгий Мдивани... Более полувека отдал он драматургии театра и кино, написав более пятидесяти сценариев и тридцати пьес. Уже сами по себе эти цифры говорят о том, что Мдивани был великим тружеником, неуносительно сле-

довавшим прекрасному завету писателя: ни дня без строчки. Нередко между словом «талант» и словом «труд» ставится знак равенства. И это справедливо: талант неизменно осуществляется в труде. Вся жизнь Мдивани подтверждает это. Но талант его вбирал в себя и многое другое. У него был свой особый голос — романтически приподнятый, эмоционально подчеркнутый, укрупненный. Всегда, как художник, Мдивани был одержим поиском новых выразительных средств, являвшихся, однако, для него не самоцелью, а средством, способом, наиболее полно и точно запечатлеть черты нашей действительности, в которую он был влюблен как истый и пламенный патриот.

Георгий Мдивани постоянно, обостренно прислушивался к требованиям времени. Оперативность и публицистическая страстность — первые и немаловажные качества дарования писателя, всегда чувствующего себя на переднем крае борьбы двух миров — нового и старого, — отличали все его творчество. Достаточно вспомнить такие пьесы, как «Алькасар» (написана во второй половине тридцатых годов) или «День рождения Терезы», появившуюся в начале годов шестидесятых, чтобы убедиться в этом. Пьесы эти обошли многие театры страны, и спектакли, поставленные по ним, становились своеобразными манифестациями единства советских людей со сражавшимися патриотами Испании и Кубы. Сцена и зрительный зал сливались на этих спектаклях воедино, воодушевленные высшим гражданским чувством.

Широк и разнообразен был диапазон явлений жизни, волновавших писателя, будораживших его воображение. Если читать подряд друг за другом сценарии и пьесы Мдивани, то неизбежно возникает впечатление своеобразной летописи жизни — и нашей страны и планеты. Все, что написано им, пронизано страстной силой художника, утверждавшего величие наших идеалов, исторического пути, пройденного нашим народом, ненавистью к тем, кто хотел бы преградить народам земли путь к свободе и счастью.

Всенародно известны такие фильмы, как «Солдат Иван Бровкин» и «Иван Бровкин на целине», «Посланники вечности», «Большая дорога», «Далеко на Западе», снятые по сценариям Мдивани. Во многих театрах ставились его пьесы «Честь», «Люди доброй воли» и другие... Сегодня, в дни, предшествующие 40-летию разгрома немецко-фашистских полчищ под Москвой, нельзя не вспомнить и о такой, казалось бы, забытой пьесе писателя, как «Батальон идет на Запад». За ней последовала пьеса «Небо Москвы», поставленная осенью 1941 года в Камерном театре А. Таировым, создавшим спектакль обжигающей патристической страсти, поднимавший защитников столицы на новые ратные и трудовые подвиги. Это были едва ли не самые первые отклики нашего театра на события начавшейся войны.

Нельзя также не сказать и о спектакле Малого театра «Твой дядя Миша», вот уже восемнадцать сезонов подряд не схо-

дящем с его сцены. Мдивани удалось в этой пьесе создать образ удивительной целостности и чистоты, единства помыслов и действия — образ коммуниста Ермакова, оказывающий поистине огромное облагораживающее влияние на умы и сердца зрителей самых разных поколений.

И еще нельзя не сказать о том, что спектакли и фильмы, поставленные по пьесам и сценариям Мдивани, дали возможность в высокой степени проявить свой талант и мастерство таким замечательным художникам сцены и экрана, как Н. Крючков и С. Лукьянов, П. Гайдебуров и М. Штраух, А. Хорав и В. Хохряков, Л. Гриценко и О. Викландт... Возможность эта дорого ценится и зрителями и самими артистами!

Г. Мдивани равно принадлежал и грузинскому искусству и русскому. Почти всю свою творческую жизнь проживший в Москве, он за месяц до кончины поехал на отдых в Тбилиси, к своим родным и землякам. Он часто ездил туда. На этот раз он оттуда не вернулся. Наверное, поэтому я не могу себе представить, что Георгий Давидович Мдивани уже нет среди нас. Кажется, вот-вот зазвонит телефон, и раздастся его хрипловатый голос с таким неповторимым, характерным акцентом... Фильмы, снятые по сценариям Мдивани, еще долго будут волновать миллионы зрителей, и к пьесам, написанным им, еще не раз обратятся наши театры.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

МЕСТА ВДОХНОВИВШИЕ

У каждого художника — музыканта ли, писателя, живописца — есть свой начальный источник памяти, всегда потом питающий душу его творчества, свой пусть малый, но неповторимый уголок земли, откуда все и пошло, отчий дом, образ которого обрабатывается часто всеобщим образом Родины.

Вот сосновые лапы дремучего бора, солнечные пятна влажных, росистых прогалин, вот желтые песчаные осыпи, из-под которых прорастают цепкие, когтистые корни, а вот дорога вьется меж спелой ржи к горизонту, к звонко-синему небу. Это — шишкинские мотивы.

Иван Иванович Шишкин... Сто пятьдесят лет прошло со дня его рождения, и кто не знает теперь этого замечательного мастера, истового русского живописца, без чьего имени вся история нашего изобразительного искусства была бы весьма неполной.

Детство и отрочество Шишкина прошли в многочисленной и небогатой купеческой семье, в старинном уездном городишке Елабуге, на берегу Камы, — сердцевина прошедшего столетия, сердцевина провинциальной России: прямо за околицей начинались здесь леса и дали, открывалась почти первозданная природа, так любимая маленьким художником, уже с самых своих первоначальных лет на рисунки изводившим в дому «всю бумагу, которая ему попадалась под руку». Из родственных писем и записей известно, что мальчику не сиделось в гимназии, поскольку страх «сделаться чиновником» сызмальства был сильнее других страхов, и художеству оттого посвящалось буквально все свободное время: «Когда только позволяла погода, он с утра обыкновенно забирался куда-нибудь за город и целые дни бродил по замечательно красивым окрестностям Елабуги, зачерчивая и, главное, наблюдая, усваивая себе ту природу, которой он оставался верен всю жизнь и к которой постоянно до последнего времени возвращался в своих картинах. Дома он казался дикарем, нелюдимым, постоянно сидел у себя в комнате, где из окон открывался чудный вид на прибрежные луга и Закамские леса».

Потом, когда Шишкин станет на ноги крепко и придет к нему первая известность, когда будет закончено Училище живописи и ваяния и покорена Академия художеств, в которой за успехи обретутся все, какие могли только быть, медали, — мастер настолько останется верен своей родине — Предуралью, что станет искать близкие камским пейзажные мотивы — на Валааме, к примеру, создаст множество рисунков и холстов с изображением милых его сердцу сосен, песчаника, гранитных валунов.

В Елабугу он возвращался беспрестанно, всю свою жизнь, как только выдавалась возможность, — писал там виды древнего Чертова Городища и развалин живописной связи с излучиной Камы, вновь и вновь работал пейзажи кистью и карандашом. Именно тут окончательно и созрела, развилась его неповторимая техника в рисунке пером, детально передающая листья, сучья, травинки — это прелестное кружево, сплетенное самой природой.

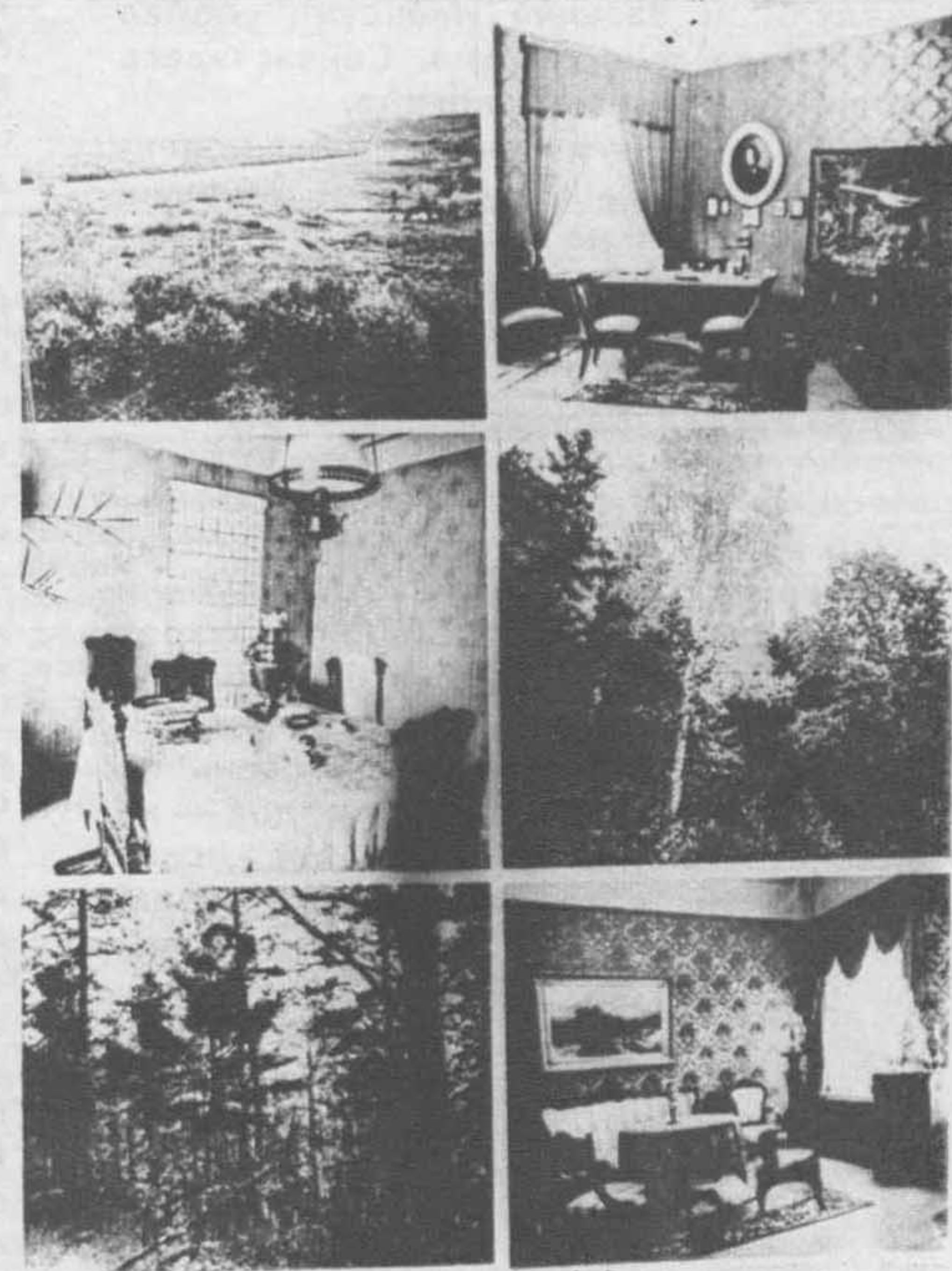
Чтобы создать масляную станковую картину, Шишкин надолго уходил, практически жил в лесах, писал огромное количество этюдов — так сочинены «Рубка леса», «Лесная глушь», «Утро в сосновом лесу», «Сосны, освещенные солнцем». Есть у Крамского портрет Шишкина, определенный как «типический»: он в высоких сапогах и мягкой шляпе, с огромным белым зонтом и этюдником стоит на возвышенности, сильный и довольный, зорко всматриваясь вдаль.

Тот же Крамской и устно не раз выражал свое к нему отношение: «Шишкин нас просто изумляет своими познаниями, по два и по три этюда в день катает, да каких сложных... И когда он перед натурой, то точно в своей стихии, тут он и смел и ловок, не задумывается, тут он все знает, как, что и почему... Я думаю, что это единственный у нас человек, который знает пейзаж ученым образом... Шишкин — верстовой столб в развитии русского пейзажа, это человек-«школа». И добавлял, что он «останется единственным... как знаток и рисовальщик дерева вообще и хвойного леса в особенности».

До конца дней был живописец верен своей отчей земле, находя в ее красоте любовь, восторги и вдохновения, подвигнувшие на создания замечательных творений: «Соснового бора», воспроизводящего бор неподалеку от Елабуги, величественной «Камы», задушевного «Святого ключа близ Елабуги», лебединой своей песни, написанной в год смерти, — «Корабельной рожи».

В этой картине он искал уже не переменчивых настроений утра, дня, дождя или тумана, какие встречались у него раньше, но величавого спокойствия и невозмутимости русского леса в целом, как идеи. В центре — несколько могучих вековых сосен, освещенных солнцем, они уходят вглубь, то появляясь в бликах, то скрываясь в тени; рядом же — молодая поросль, поспевающая на смену великанам: тонкие сосенки, сама молодая жизнь пробивается вверх, к небу.

Сегодня мемориальный дом-музей Ивана Ивановича Шишкина окружен искренней и усердной заботой. Сюда приезжают любители искусства, опытные и начинающие живописцы — отдать дань замечательному ма-

стеру пейзажа, полюбоваться красотами окрестных мест, постичь эстетику той земли, о которой Чернышевский, современник художника, так точно сказал: «Проезжайте двести, триста верст по дороге, — не говорим в Крыму или Швейцарии, нет, в Европейской России, которая, говорят, бедна видами, — сколько вам встретится на этом небольшом переезде таких видов, которые восхитят вас... В природе на каждом шагу встречаются картины, к которым нечего прибавить, из которых нечего выбросить».

Стоит в Елабуге деревянный особнячок, и виды из его окон бескрайние хвойные леса, сине-зелеными волнами уходящие вдаль, к бесконечному куполу прозрачного неба. И каждый, кто увидит их, обязательно почувствует: именно здесь совершилось первое крещение художника, отдавшего навсегда свое сердце родной природе.

А. БАСМАНОВ

РАССКАЗЫ О ПРИ

Семен ДУБРАВА

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

ПЕРУНОВО ДЕРЕВО

По обыкновению в один и тот же августовский день, в один и тот же час он навещал свой дуб-великан, что стоял на Лысой горе. Правда, она сейчас уже далеко не лысая, но название сохранилось с незапамятных времен, видимо, потому, что на ней, кроме этого Перунова дуба (так его окрестили жители ближайших сел за то, что он не раз отводил удары грома-Перуна, брал их на себя), других деревьев в свое время не было. Сейчас же дуб окружала поросль из берез, лип, кленов. Величавый, с пышно разросшейся кроной, он возвышался над ними, словно гигант над карликами.

Владимир Ефимович Мизнев, колхозный счетовод, опираясь на палку, с которой давно не расставался, подходил к дубу и метрах в ста от него останавливался. Он снимал кепку и долго стоял с непокрытой головой, всматриваясь в раскрытый молниями могучий ствол, толстые ветвистые суки. Особенно волновал его один сук, который был сильно надломлен у основания. Он продолжал цепляться за жизнь, и каждую весну, хотя и с некоторым запозданием, на нем набухали почки, а потом появлялась листва. Несколько лет назад этот сук дал желуди, и Василий Иванович собрал их и посадил близ своего дома. Сейчас здесь шумят листвою небольшие деревца.

Сегодня к дубу он шел быстрее обыкновенного. Ночью была большая гроза, и, видимо, не одну молнию взял на себя этот дуб-великан. Но что в сравнении с тем временем, когда...

...И перед глазами во всей жестокости и грозной силе возник памятный день Великой Отечественной войны: тогда их часть отбивала прорвавшихся в соседний городок фашистов. Он в то время служил в артиллерии, был наводчиком и как раз сидел на этом дубе и корректировал огонь своей батареи. Батарея была точно. Фашисты — как на ладони. Но враг вскоре заметил, откуда ведут за ним наблюдение, и сосредоточил мощный огонь по дубу. Сколько было выпущено снарядов — не счесть. Мизнева контузило, но он успел привязать себя к соседнему суку. Владимир Ефимович продолжал, когда приходил

в сознание, подавать команду на батарею. И вновь гремели залпы... Но вот словно удар грозы — и он полетел вниз. Потом госпиталь, вновь передовая, вновь бесконечные бои. Однако тот бой запомнился ему навсегда. Враг тогда так и не смог закрепиться в занятом им городке, который открывал путь на Москву. По существу, здесь было не только его боевое крещение. Здесь он понял больше — цену жизни, смысл жизни. И не только своей... Дуб-великан, будучи весь израненный, изуродованный снарядами и осколками, продолжал твердо стоять на земле.

...Он подошел к дубу, когда несколько колхозников электропилой намеревались спилить великана.

— Не трогать! — что есть силы закричал Владимир Ефимович. И по-военному скомандовал: — Кругом, шагом марш домой!

— Владимир Ефимович, да вы посмотрите, как его сегодня гроза исполосовала, почти на две части расколола, — сказал один из рабочих, надеясь убедить Мизнева.

— Я что сказал! Не трогать! — повторил Владимир Ефимович. — Дуб выживет, непременно выживет. Он не такое на своем веку видел, не такие раны перенес...

ЗАПАДНЯ МУРАВЬИНОГО ЛЬВА

Силы у него были на исходе, но он продолжал трудиться. Уже пятую или шестую строил западню, вкладывая все умение, все старание, на какое был способен, — и все напрасно. Несколько сооружений, едва он успевал их закончить, какими-то существами, громадными и странным образом передвигавшимися, тут же были разрушены. А однажды, когда он, завершив одно из них, уже замаскировался, ожидая жертву, едва не был этим существом раздавлен.

Выбравшись на поверхность и приведя в порядок себя, а также свои строительные принадлежности, он отыскал другое место и вновь принялся за работу. Но и здесь неудача. Некоторое время он пребывал в растерянности и потом, однако, побуждаемый каким-то непонятным устремлением, в котором ощущалась жгучая жажда грядущей жизни, с небывалым усердием принимался снова за работу, словно усталости и не было. И вот очередной круговой порог воздвигнут. Раз за разом, осторожно работая лопатами-лапками и ковшом своей головы, он, словно бульдозером, сдвигал и выбрасывал весь мусор и песок за оградительный вал. Последнее усилие — и очередная западня готова. Передохнув немного на краю вала и, видимо, оставшись доволен своей работой, он медленно опустился в центр конусообразной ямы и мгновенно зарылся в песок, чуть выставив на поверхность концы громадных челюстей, вооруженных острыми зубами. На этот раз ему повезло: торопившийся муравей с добычей, вместо того чтобы обогнуть вал, решил пройти прямо. Едва перешагнул вал, как с сыпучим песком тут же скатился к центру конусообразной ямы и моментально оказался в сомкнутых челюстях измученного голодом льва. От удовольствия, что, наконец, добыча в руках, лев выполз из засады и важно прошелся вокруг крепости, кое-где на ходу поправляя образовавшиеся обвалы песка...

— Ну, что, видел еще одну загадку природы? — спросил меня Иван Семенович, разминая отекшие ноги.

Уже несколько часов мы сидели на песчаном гребне близ опушки леса, в котором было несколько муравьиных семей. Иван Семенович, вняв моей просьбе, решил показать охоту муравьиного льва. Но не только охоту, а сам процесс построения муравьиной западни.

Домой возвращались вечером. В лучах заходящего солнца мелькала мошкара, пахло

свежевысушенным сеном. Вдруг Иван Семенович быстро подбежал к охапке сена и накрыл сидевшую на ней несколько необычную по расцветке бабочку, больше похожую на стрекозу. Затем пальцами он осторожно взял ее и поднес к своим глазам.

— Смотри, вот и сам взрослый лев, вернее, его трансформация.

— Значит, настоящий муравьиный лев — всего-навсего личинка!

— Совершенно верно, — подтвердил Иван Семенович.

ТАЙНА КРУШИНЫ

Стояла глубокая осень. Слякотная погода с ночными заморозками и холодными ветрами, которые пробовали закрутить свежую карусель, редко сменялась погожими днями. Зато в такие дни, особенно если они совпадали с выходными, окружающие город леса и парки были полны народа — стар и млад приходили сюда, чтобы отдохнуть, подышать бодрящим свежим воздухом, полюбоваться тихим осенним увяданием.

В один из таких погожих дней я забрел в лес. Шел по лесной дорожке, ни о чем не думая. Надо сказать, впервые я уловил себя на мысли, что хорошо вот так, просто, идти, спокойно, находясь словно в забытии, любоваться окружающей природой, готовящейся к зимнему сну.

На обратном пути на одной из полянок я замедлил шаги. Это замедление, хотя оно и произошло произвольно, было, конечно, чем-то вызвано. Однако я и не думал разбираться в этом, тем не менее, сделав еще несколько шагов, я остановился. Полянку окружали ели, сосны, дубы, росли здесь березы, осины, а кое-где виднелись заросли крушины. Кругом царил тишина. Лес дремал в полусне. Кристально чистый воздух, тронутый осенним солнцем, мягко касался щек, глаз, ушей. Я постоял минуту-две, а потом продолжил свой путь. Видимо, я не рассчитал, когда ветка крушины, хотя и пригнул голову, сильно стегнула меня по лбу. Это привело меня в чувство. Я стал осматривать куст крушины. И то, что я увидел, меня не только поразило, но прямо потрясло. На одном и том же кусте крушины я заметил и желтые листья, готовые оторваться и упасть, и зеленые, полные жизни, и еще только начавшие набухать почки, и завязь бутонов, и сами готовые вот-вот распуститься бутоны, и цветы в полном своем блеске и красоте, и плоды, зеленые, созревающие и уже созревшие.

Меня поразило этот круговорот жизни на одном дереве. Правда, я и раньше замечал некоторые отклонения в цикле развития, которые присущи крушине, но чтобы это было представлено в таком разнообразии, я увидел

РОДЕ

впервые. Выбрав одну ветку, я осторожно срезал, принес домой и поставил в вазу.

На следующий день меня навесил мой давнишний товарищ и, конечно, сразу же заметил эту необычную ветку. Он долго рассматривал ее и потом спросил:

— Как вам удалось вырастить такое чудо?

— Это чудо — творение природы. Вчера принес ее из лесу...

— Неужели! — воскликнул товарищ. — Вот уж не знал, что крушина может одновременно цвести и плодоносить.

— Как видите, может...

— Почему же это происходит?

— Над этим вопросом я не раз ломал голову...

Расстались мы поздно вечером. Много говорили о загадке крушины. Но объяснить столь необычное ее поведение так и не смогли.

ШУТКА ОСЕНИ

Наконец после теплой затяжной осени наступила зима, и сразу же ударили морозы, порой доходившие до тридцати градусов. Эти морозы заковали землю в такую мощную броню, что, казалось, лишь майская теплынь может расковать ее. Но не пришлось ждать майских дней. Как-то с утра подул южный ветер, небо стало заволакивать лохматыми дымчатыми облаками. Через день-другой ртутный столбик поднялся уже до минус пяти градусов, а потом достиг нуля. А еще через день пожаловала оттепель, да такая дружная, что с крыш застучала серебряная капель. Зазвенели ручьи. В канавах появились лужи. С каждым днем оттепель набирала силу. Даже ночные заморозки не могли удержать таяние снега и льда.

По лесной дороге медленно шли двое мужчин в охотничьих доспехах.

— Что-то неладное творится с нынешней зимой, — заметил один из них (это был молодой охотник), обращаясь к Николаю Васильевичу Ширякину, полковнику в отставке, горячему поклоннику природы. — Не дай бог, такая чехарда и с летом будет.

— Насчет чехарды с летом, как говорится, поживем — увидим, а что касается зимнего морозно-оттепельного переpleся, то это явление не новое. И оно, видимо, не случайно, раз природа «выдумала» его.

— Чистейшая случайность, поскольку этот переpleс температур может быть и может не быть.

— С этим я не согласен, — убежденно сказал Ширякин. — Нынешняя оттепель обусловлена одним — недостаточным количеством снега. Ведь землю заморозило неожиданно, и почти голую. Многие насекомые, гусеницы, улитки, лягушки не смогли своевременно спрятаться, и не будь этой оттепели, они, конечно, погибли бы.

— А вы думаете, что эта оттепель их спасет? — спросил у Ширякина его спутник.

— Да, разумеется...

Для убедительности Николай Васильевич подвел его к вербе и обратил внимание на расщелины коры, в которых нетрудно было обнаружить гусениц. Оттепель их разбудила, и они спешили поглубже спрятаться под кору. А в одной из лужиц, видневшихся здесь же, около вербы, они увидели проснувшихся лягушек, которые также торопились найти более надежное укрытие.

— Удивительно! — воскликнул молодой охотник.

— Затянувшаяся осень «пошутила» над ними, и они «поверили», — пояснил Ширякин. — Эту шутку исправляет теперь зима, вернее, зимняя оттепель.

Рис. А. Орехова

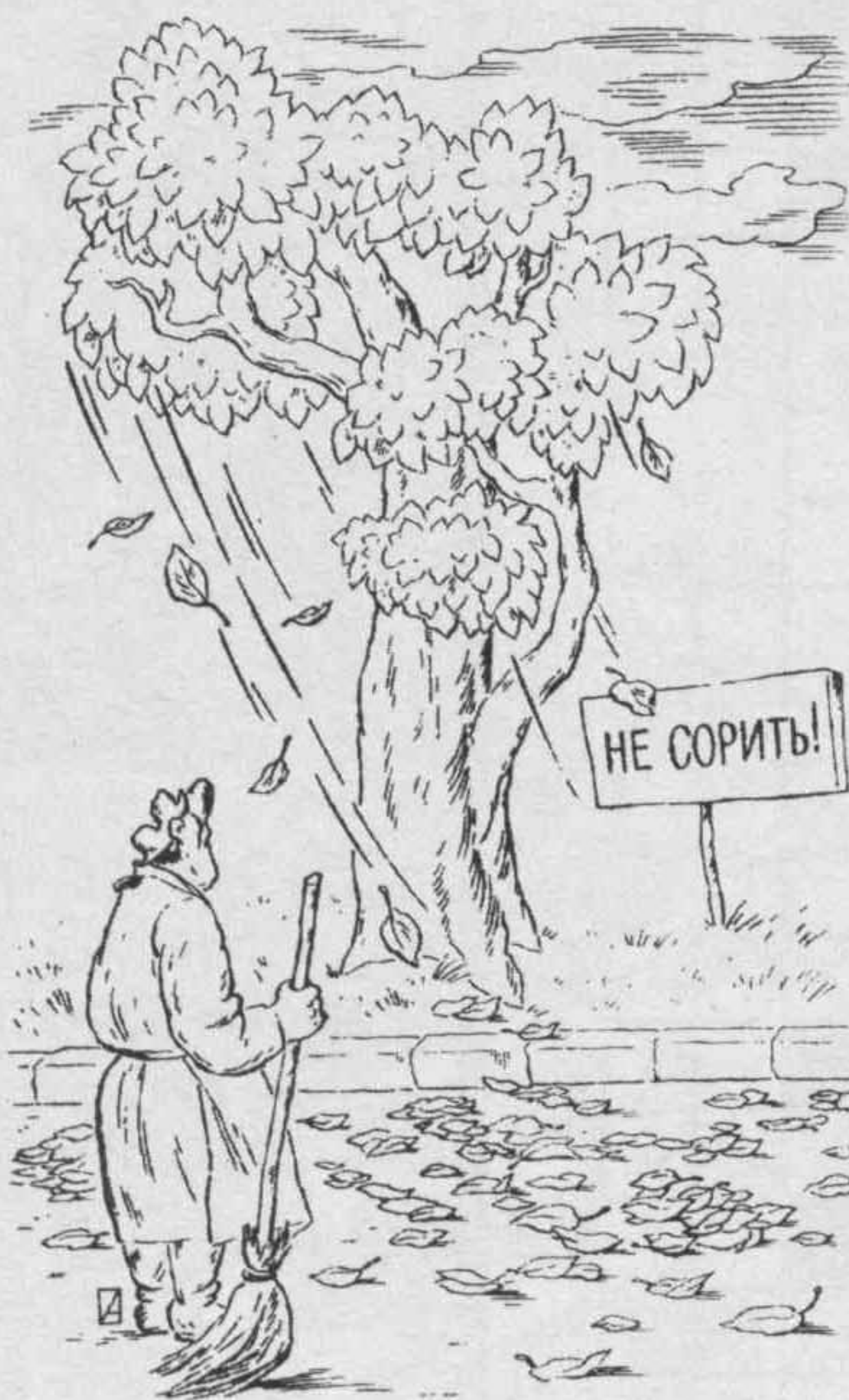

Рис. В. Ашманова

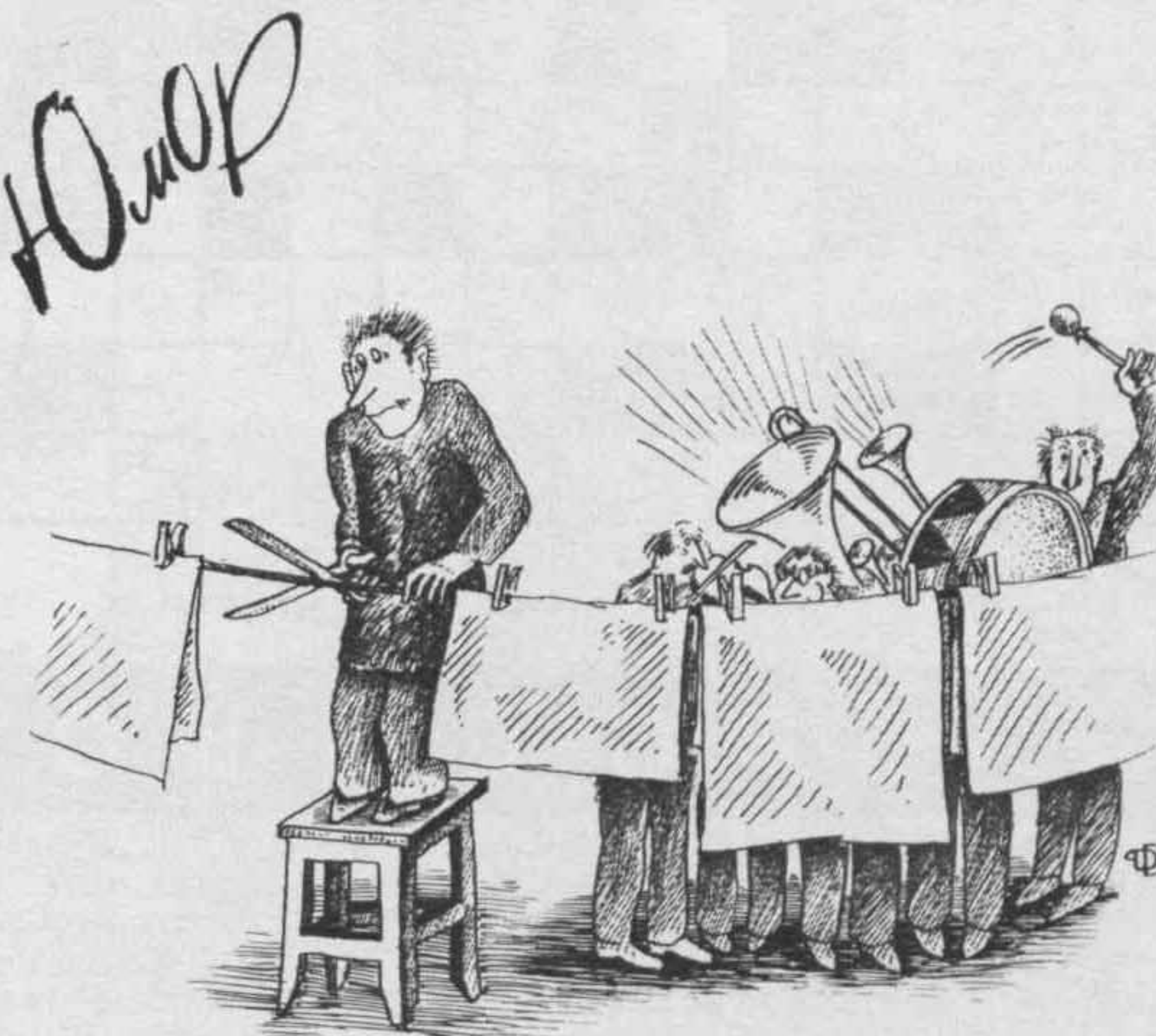

Рис. В. Дубова

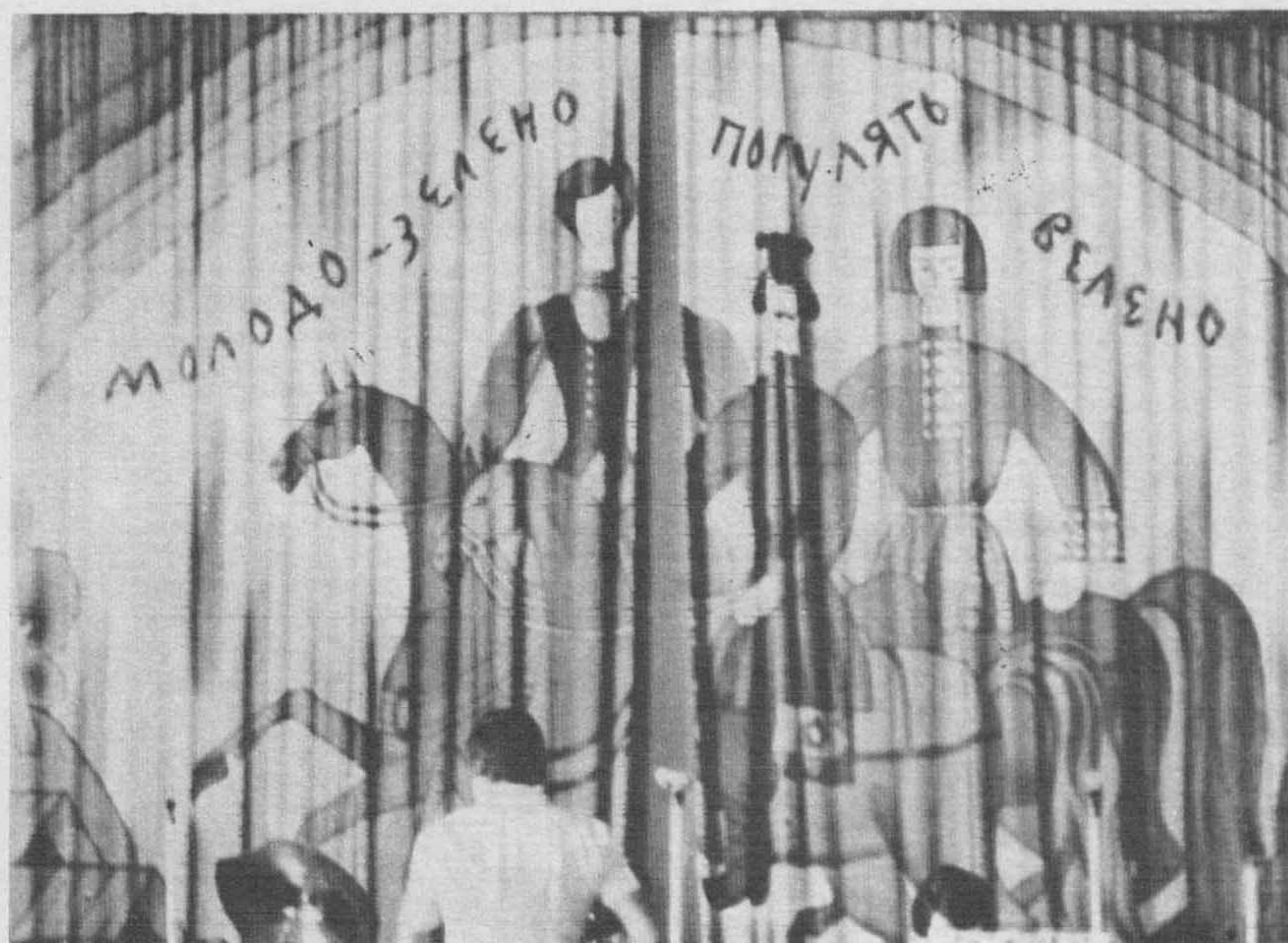
Рис. Л. Сторожуна (Харьков)

«Ехал на ярмарку ухарь-купец», — примерно такая, не слишком благозвучная и достаточно разухабистая фраза является лейтмотивом шумового оформления ресторана «Нижегородский» в почтенном городе Горьком. Правда, в ресторан этот приходят на вечерние час-два вовсе не купцы и даже не купчишки, а люди большей частью достойных современных профессий. Они и послушать музыку и потанцевать не прочь, конечно; однако столь красноречивый задник, на фоне которого музыканты работают в поте лица, вдохновляет на большее. Не всех, но некоторых буквально толкает как бы на мини-разгул. Знай,

мол, наших! Да вот же и ширма огромная кричит: «Молодо-зелено, погулять велено!» Ну, коли велено, отчего же и не «погулять» в стародавнем понимании этого слова? Всадники на заднике объявляют, они только с виду скромники, а так они молодец и молодцу (и даже к молодежи). Да вот уже и в зале ресторана некий зеленый удалец зачал куражиться... Велено так велено! И соблазн и пагуба — такой вот лубок над ударником.

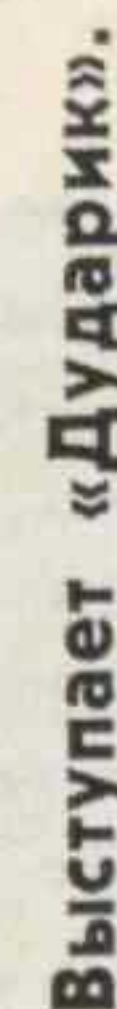
Н. БЫКОВ.
Фотографировал (но не гулял!)
В. БОРОДИН

ЗНАЙ НАШИХ!

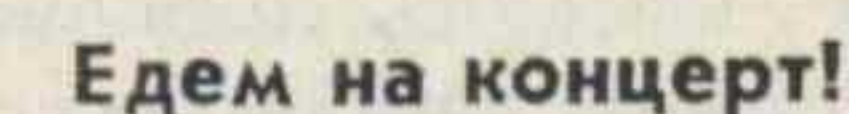
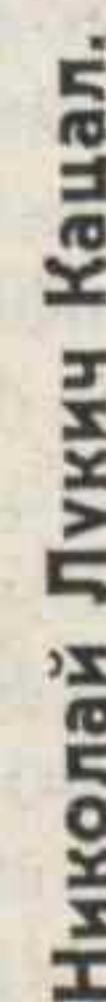

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

B

Сейчас в коллективе двести семьдесят человек. Мальчишек, которые поют. И все-таки отличаются ли они чем-нибудь от тех, которые не поют?.. Конечно, не новость, что любовь к искусству преобразует человека. Что же касается чисто внешнего впечатления, то об участниках «Дударика» говорят: они более воспитанны, чем другие. И в самом деле, они, эти поющие мальчишки, проходят в своем хоре еще одну школу, главным предметом которой является воспитание души.

„ТУДАР К“

Высокая нота.

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

